

ИЗДАНИЕ
АВГУСТА
2008

УНИК ПЕТЛИК

ПОДГОТОВКА
И СРОКИ

Предисловие

Лучший бомбардир североамериканской НХЛ последних лет Уэйн Гретцки чем-то напоминает нашего выдающегося хоккеиста Игоря Ларионова. Высокий и худощавый, чрезвычайно подвижный – он с виду совершенно не похож на профессионального ледового гладиатора. Почти каждый год он обновляет список рекордов НХЛ. И знаете, почему ему это удается? Он играет в наш хоккей – творческий, богатый красивыми и неожиданными комбинациями.

Его любимый хоккеист – Валерий Харламов. Гретцки считает, что выучился хоккею, глядя на игру В. Харламова и А. Якушева. Заимствовав лучшее из советского и европейского стиля, Уэйн очень быстро стал лидером не только североамериканского, но и мирового хоккея, в истории которого он занял такое же место, как легендарные игроки Горди Хоу, Бобби Халл и Валерий Харламов. Игра Гретцки отличается «интеллигентностью»: я никогда не видел, чтобы он участвовал в драках или нарушал правила.

Уэйн, по-моему, первый из канадских хоккеистов, который не стремится обязательно лично забить гол. Главное для него – коллективная игра, суть которой состоит в передаче шайбы партнеру, находящемуся в более выгодном для взятия ворот положении. Партнеры ведут себя по отношению к нему так же, и в результате в выигрыше оказывается вся команда.

Популярность Уэйна в Канаде можно сравнить с популярностью Валерия Харламова у нас. Каждый мальчишка мечтает непременно стать таким, как Гретцки.

Я очень хорошо знаю Уэйна: он мой друг. И мне хочется отметить такие его качества, как доброжелательность, интерес и уважение к нашей стране. В 1982 году он приехал в Москву сниматься в документальном фильме о хоккее «Чемпион». В нем принял участие и я. Фильм имел успех у зрителей Северной Америки. В нем удалось передать атмосферу дружбы, теплоты и доверия, в которой проходила наша встреча. Уэйну хотелось побольше узнать о нашей стране и обязательно показать в фильме красоту Москвы. Мы вместе возлагали венки к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены и к Мавзолею Владимира Ильича Ленина, посещали театры и музеи.

В Москве с Уэйном были его отец и младшие братья. Они с большим удовольствием приняли участие в показательной тренировке с юными советскими хоккеистами...

И вот перед вами книга, которая рассказывает о том, как Гретцки стал Гретцки, как раскрылся его талант и росла популярность. Читая ее, вы многое узнаете о жизни канадских профессионалов. Советую всем, особенно юным хоккеистам, познакомиться с этой книгой.

Владислав Третьяк.

«Я плачу! Наверное, это от шампанского...»

«Для меня нет середины. Или я стану одним из героев этой серии игр, или я буду последним неудачником».

Уэйн Гретцки. Май 1984 года

Финал Кубка Стэнли¹ 1984 года. «Эдмонтон Ойлерз» против «Нью-Йорк Айлендерс». Команды набрали равное количество очков, серия подходит к концу, а на счету Уэйна Гретцки ни одного гола, ни одной голевой передачи. Второй год подряд игроки «Айлендерс» буквально не дают ему вздохнуть в финальных матчах. Многие думают, что Уэйн – это сенсация на один сезон, сильно «полинявшая» в решающих играх.

¹ Игры на Кубок Стэнли проводятся в Канаде ежегодно после чемпионата, в них принимают участие лучшие команды высшей профессиональной лиги. (Здесь и далее прим. переводчика.)

«Может быть, выявляется определенная закономерность? – вопрошал обозреватель газеты „Глоб энд Мейл“ из Торонто Трент Фрэйн. – Не кажется ли читателям, что в играх с жесткой силовой борьбой, в кубковых играх, где команда противника сражается не на жизнь, а на смерть, Уэйн не очень-то похож на неуправляемый скоростной экспресс? Не то что в играх чемпионата, когда главная цель – голы, голы, как можно больше голов?»

Когда команда из Нью-Йорка обыграла эдмонтонцев 6:1, это было воспринято как катастрофа. И виновником ее объявили Гретцки.

Газеты Эдмонта писали: «Гретцки выглядел жалко: всего два броска и ни одного очка. В двух играх финальной серии Кубка Стэнли Гретцки набрал больше штрафных минут, чем очков. В третьем периоде ему пришлось клюшкой остановить Пола Бутилье, это было единственное, на что он оказался способен. Результат его в двух играх: пять бросков, голов – нет, голевых передач – нет. В последних шести играх против „Айлендерс“ Гретцки сделал четыре голевых подачи, не забив сам ни одного гола. В последних одиннадцати встречах с ними ему удалось забросить всего две шайбы».

Даже тренер эдмонтонцев Сэйзер был настроен критически. Когда репортеры спросили его, не болен ли Гретцки, он ответил: «Нужно кататься, а не стоять на месте.

Нечего ждать подарков в центре, нужно откатываться в свою зону за шайбой. В сидящую утку легче попасть, чем в летящую. Уэйн мало двигается. Он совершенно здоров. Травма (ушиб плеча, из-за которого Уэйну пришлось пропустить шесть игр на первенство) у него была три месяца назад. Сейчас же меня больше беспокоит душевное состояние Гретцки».

Все это куда больше огорчало меня, чем Уэйна. Ведь говорили о моем сыне. За долгие годы его хоккейной карьеры я многое слышал, но никак не могу привыкнуть к пересудам о нем. А Уэйн лишь пожимал плечами: «Зрители оценивают хоккеиста только по последней игре».

Да, у него недавно была травма плеча, он только что перенес грипп и играл не так стабильно, как хотелось бы ему самому, но, когда я посмотрел статистические отчеты, оказалось, что в играх «плей-офф»² он забил больше всех и не уступал никому лидерства с первого дня. А «Эдмонтон Ойлерз», проигравшие в финале 1983 года четыре игры подряд команде «Айлендерс», на этот раз имели в финале победу в одной из двух игр в Нью-Йорке. Теперь им предстояло сыграть следующие три игры дома. Выиграй они их, и Кубок у них в руках.

Зрители, казалось бы, должны были быть довольны. Заполнившие трибуны стадиона «Нортлэндз Колизеум» в Эдмонтоне болельщики вроде бы имели все основания быть счастливыми, видя, как их команда разгромила ньюйоркцев со счетом 7:2. Ведь счет в серии стал 2:1 в пользу «Эдмонтон Ойлерз».

Но они не радовались. Почему?

Их команда играла против этих ньюйоркцев, с которыми у них особые счеты. Против знаменитой команды Тротье, Босси и вратаря Билли Смита. Команды, которая уже четыре года подряд владеет Кубком Стэнли. Команды, так унижившей «Эдмонтон» в предыдущем финале, а теперь пытающейся заполучить Кубок в пятый раз и сравняться с «Монреаль Канадиенс», владевшей славным трофеем с 1955–1956 по 1959–1960 годы. Болельщики «Эдмонта» распустили флаги и закупили майки с надписями «Я терпеть не могу Нью-Йорк», но не было у них спокойствия и уверенности. Они знали, что может случиться, если их любимцам придется играть еще две последние игры в Нью-Йорке. Если они хотят завоевать Кубок, они должны выиграть два оставшихся матча на родном льду, а Гретцки не забивает.

Уэйн был больше озадачен, чем огорчен, такими настроениями. Если команда выигрывает, не все ли равно, кто забивает голы и набирает очки? Впрочем, он делал

² Игры на Кубок Стэнли, буквально «игры на вылет».

хорошую мину при плохой игре. Уж он-то знал, что многие болельщики думают иначе. Если ты стал рекордсменом среди снайперов с результатами, раньше казавшимися невозможными, если за пять лет игры в Национальной хоккейной лиге (НХЛ) ты четыре года получал приз Харта как самый результативный и полезный хоккеист лиги и теперь имеешь наибольшие шансы получить его в пятый раз, если тебя называют «лучшей приманкой» для зрителей за всю историю НХЛ, то неудивительно, что ты оказываешься главным предметом всех споров. Это не было в новинку для Уэйна: с десяти лет он был в центре внимания болельщиков и хоккеистов. С чего бы вдруг измениться миру?

В сезоне 1981/82 года он стал самым выдающимся снайпером за всю историю НХЛ. Он побил все рекорды: по числу забитых шайб, голевых передач и набрал больше всех очков. А потом «Ойлерз» проиграли «Лос-Анджелесу» в первом круге Кубка Стэнли, и люди стали говорить и писать: «Конечно, он – отличный хоккеист, но назвать его великим можно, только если „Ойлерз“ завоюет Кубок Стэнли. Кольцо чемпиона³ – единственное доказательство величия хоккеиста».

Дурацкие аргументы. Если принять их, то Жильбера Перро нельзя признать великим игроком, потому что за четырнадцать лет, что он играл за «Буффало Сэйбрз», им не удалось получить Кубок Стэнли. Имя Брэда Парка, я уверен, когда-нибудь украсит Зал хоккейной Славы,⁴ но в его лучшие годы ни «Нью-Йорк Рейнджерс», ни «Бостон Брюинз» потом ни разу не владели заветным трофеем. Но неужели из-за этого мы не можем считать Парка великим хоккеистом?

Уэйн старался не замечать всего этого. За годы жизни в хоккее у него сложился свой философский взгляд на критику: «Я получал розы. Должен быть готов и к шипам». Но когда «Эдмонтон» прорвался через игры в подгруппах в финал сезона 1982/83 года только затем, чтобы проиграть «Айлендерс» в четырех матчах подряд, ему досталось так, что и он занервничал.

Журналисты били прицельно: «Ойлерз» Уэйна Гретцки ни разу не завоевали Кубка Стэнли. «Айлендерс» Брайана Тротье получают его каждый год. Возникали естественные для репортеров вопросы: «Гретцки или Тротье? Кто из них действительно великий игрок?» Ответ был всегда один: «Тротье». А доводы все те же: у Гретцки – рекорды, а у Тротье – четыре раза Кубок Стэнли. Это было нечестно по отношению к обоим, но, к счастью, не повлияло на их взаимоотношения. Они всегда очень уважали друг друга.

И вот теперь Уэйн мог вытащить этот шип. Победить ньюйоркцев в двух матчах из четырех оставшихся, а еще лучше – выиграть две следующие игры прямо в Эдмонтоне, и Кубок у «Ойлерз». И вся команда наденет кольца чемпионов. Но «Айлендерс» не дают ему забивать. Даже в игре, где команда Гретцки забила семь шайб, ему самому удалось сделать только одну голевую передачу. Руководство клуба было недовольно, болельщики разочарованы. А в газетах появились намеки, что он сдает.

Но Уэйн помнил и другое. Когда шум по поводу его неудач набирал силу, второй тренер Джон Маклер сказал ему: «Уэйн, не думай ты о промахах. Лучше забить один гол, но решающий...»

Об этом думал он в день четвертой игры. Игры, от которой зависело многое: либо они бросят «Айлендерс» на канаты, либо им придется выигрывать еще один матч в Нью-Йорке. «Если забивать, так решающий гол...»

Пока все это происходило, я сидел дома в Брэнтфорде, постепенно превращаясь в развалину из-за нервного напряжения.

Четвертьфинальная серия против «Калгари Флэймз» была не слишком удачной. В тот год я купил специальную антенну для приема телепередач через спутник, так что мог

³ Памятные кольца чемпионов вручаются всем хоккеистам команды, завоевавшей Кубок Стэнли.

⁴ Музей истории канадского хоккея на монреальском ледовом стадионе «Форум».

наблюдать за многими играми нашей команды. Кроме того, теперь я мог смотреть кубковые встречи в западной части континента. И то, что я увидел, повергло меня в ужас. Уэйн всегда хорошо катался, быстро и устойчиво. А здесь, пытаюсь резко повернуть, он падал даже тогда, когда его никто не толкал. Казалось, он не мог противостоять силовым приемам. Ни катания, ни броска... Уэйн не был похож на себя.

«Ойлерз» вели 3:1 в серии игр с «Калгари». Им бы выиграть в первых четырех играх, но во второй игре они растеряли преимущество в три шайбы и закончили проигрышем в дополнительное время. В спорте так бывает, вы ведете в счете с большим отрывом, но не можете разгромить противника, и тогда он собирается с силами и наносит ответный удар. «Флэймз» проиграли две следующие игры 3:2 и 5:3, затем выиграли в Эдмонтоне 5:4, и у них был реальный шанс сравнять счет в серии дома через два дня.

Я не выдержал. С тех пор как Уэйн стал профессионалом, он всегда играл лучше, если мы с матерью присутствовали на матче. Может быть, это поможет? Мы с Филис вскочили в самолет и поспели в Калгари как раз к тому моменту, когда в дополнительное время после гола Лэнни Макдональда «Флэймз» выиграли 5:4. Счет побед в серии сравнялся. Теперь победителя должна была определить последняя игра в Эдмонтоне.

Уэйн был простужен, больны были также и другие игроки, в том числе и Пол Коффи, явно не блиставший в этих играх. Итак, физическая слабость объяснялась болезнью. Но почему же Уэйн без конца падал?

– Что за коньки у тебя? – спросил я.

– Новые. Старые уж больно ободранные.

– Лучше бы ты надел старые коньки. Ты похудел. Мне кажется, у тебя нога болтается в ботинке, и ты теряешь равновесие. А ты заметил, что шайба у тебя соскакивает с крюка?

Трижды за последние шесть игр, он, отняв шайбу у противника, терял ее при быстром развороте и должен был возвращаться за ней. Это сбивало ритм атаки. Да, он это тоже заметил.

– Ключка либо коротка для тебя, либо чересчур длинна. С какой части крюка соскальзывает шайба?

– С задней.

Значит, ключка была чуть длинновата. Уэйн решил укоротить ее перед седьмой игрой. Потом принял антибиотики и отправился спать.

Я не утверждаю, что именно мои подсказки все изменили. Но хоккеисты – народ слегка суеверный. Когда они на подъеме, они любят, чтобы все шло по заведенному порядку. (Например, ночью перед игрой Уэйн просит Майкла Барнета: «Принесите-ка диск». Однажды перед очень важной игрой он слушал какую-то песню группы «Стрэй Кэтс» и сыграл отлично, «Ойлерз» победили. Получилась, может быть, лучшая для них в сезоне игра. Зачем же рисковать? Майкл приносит пластинку, и Уэйн получает свою «дозу» «Стрэй Кэтс».) Старые ботинки удобно сидят на ноге. В них он всегда хорошо играл. Если он думает, что ключку нужно укоротить, может быть, и будет лучше.

Матчи иногда выигрывают и проигрывают не только на льду.

В тот вечер, когда «Ойлерз» вышли на разминку, я первым делом посмотрел на ноги Уэйна. Он был в старых ободранных ботинках. Он забил гол, сделал две голевые передачи и оставался бодрым, когда «Ойлерз» выиграли 7:4. Это был его лучший матч в серии. Оставался один вопрос: дотянут ли старые ботинки до конца «плей-офф»?

Пришлось звонить в фирму «Даост» в Монреале. Уэйн рекламировал их изделия и катался всегда в их коньках. Заказали коньки старого образца, но чуть поменьше, ведь Уэйн похудел. Может быть, и старые не развалились бы, но не время было искушать судьбу.

После того как чуть не упустили серию с «Калгари Флэймз», «Ойлерз» решили не расслабляться и не надеяться на легкие победы. Они выиграли четыре игры у «Миннесота Норт Старз», ослабленной многочисленными травмами игроков.

Но, видно, год был такой: команда как будто ходила по краю пропасти, и эта серия не стала исключением.

«Ойлерз» вели 7:1 в первой игре. Уэйн забил один гол и сделал три голевые передачи, когда за 4 минуты 21 секунду до конца игры защитник Ларс Линдгрэн швырнул его в борт за воротами «Миннесоты». Сначала объявили, что у него разбита щека, потом – травма спины. Оказалось, травма челюсти. Через два дня Уэйн снова вышел на лед и забил победный гол во второй игре, закончившейся 4:3. Но зато команда потеряла вратаря. Грант Фюр, блиставший в кубковых матчах, повредил в этой игре локоть.

Оставалось только благодарить бога, что в команде два хороших молодых вратаря, а не один. На третью игру вместо Фюра в ворота стал Энди Муг. Игра была бешеная, «Норт Старз» забили пять шайб подряд, причем три из них – за те штрафные 5 минут, что Дэйв Ламли отсидел за то, что ударил Дино Сисскарелли. «Миннесота» повела в счете 5:2, но только до нового яростного натиска «Ойлерз»: они забросили шесть голов подряд. Уэйн забил два гола (один, выполняя буллит) и сделал одну голевую передачу. В четвертой игре, закончившейся победой «Эдмонта», он ассистировал голу Курри.

Итак, они в финале Кубка Стэнли. И к тому же снова судьба их свела с «Нью-Йорк Айлендерс».

В том сезоне «Айлендерс» проиграли «Канадиенс» первые две игры своей полуфинальной серии в Монреале, а в следующих четырех победили. Пока шли игры этой серии, журналисты пытали игроков «Эдмонта»: с кем бы они хотели встретиться в финале? Ребята вежливо говорили, что они с уважением относятся и к «Монреаль Канадиенс», и к «Нью-Йорк Айлендерс». Они говорили правду – действительно, эдмонтонцы уважают и тех, и других. Но можно было не сомневаться, что они хотят играть с «Айлендерс». Они пережили такое унижение от «Айлендерс». Их вратарь Билли Смит открыто смеялся. Ребята хотели предпринять еще одну попытку поспорить с «Айлендерс» в Нью-Йорке, они просто жаждали боя.

На эдмонтонцев в том финале многие смотрели как на проигравших, что очень их устраивало. Если некоторые считают, будто их команда та же, что вылетела из финала после четырех поражений подряд в прошлом сезоне, тем лучше. Сами-то они чувствовали себя теперь не мальчиками для битья.

Во-первых, теперь у них был опыт финальных игр. Пусть они проиграли тот финал, но они теперь знали, что их ждет. И еще кое-что у них было: новая система подготовки к игре и могучий центральный нападающий.

Вскоре после начала сезона Сэйзер выторговал у «Питтсбург Пингвинз» центрального нападающего Кевина Макклелланда, который забивал не слишком много, но был очень силен физически и любил вести жесткую борьбу. Позже в ходе сезона Сэйзер передвинул Марка Мессье с левого крыла в центр. Мессье – один из выдающихся бомбардиров, он отлично катается и, кроме того, у него очень сильные руки, мощные плечи. Так что теперь в центре у «Эдмонта», кроме забивающих и тонко организующих игру Гретцки и Кена Линзмэна, были и сильные, мускулистые парни.

К играм команда готовилась по видеозаписям Роджера Нейлсона. В бытность свою тренером в Торонто, Буффало и Ванкувере, он получил прозвище Капитан Видео из-за своего пристрастия к работе с видеозаписями. Он тщательно изучал и анализировал записи игр противников, вычлняя мельчайшие элементы их игры. Предыдущий год не был удачным для Роджера. Он вынужден был уйти из «Ванкувер Канакс», стал тренером в «Лос-Анджелес Кингз», однако и оттуда его уволили в конце сезона. Но когда он позвонил Сэйзеру и предложил свои услуги, «Эдмонтон Ойлерз» ухватились за него.

Сегодня каждая команда пользуется видеозаписями. В течение всего сезона помощники старшего тренера Маклер и Тед Грин прибегали к помощи видеоманитофона. Разница заключалась в том, что теперь у «Эдмонтон Ойлерз» появился специалист, который постоянно работал с видеопленками. Он запирался в своей комнате в отеле и просматривал пленки до темноты в глазах.

К игре с «Айлендерс» игроки «Эдмонта» выучили свои уроки отлично. Нейлсон подготовил пленки на самые различные темы: как «Айлендерс» выполняют силовые приемы,

как выходят из своей зоны, как «убивают» штрафное время, как играют в большинстве; пленки, демонстрирующие индивидуальные привычки и стиль игры каждого хоккеиста противника.

Так родился план игры, который, как надеялись эдмонтонцы, приведет их к победе. Один из ключевых его моментов: атаковать при любой возможности Брайана Тротье. Без нарушений, без грубостей, но постоянно держать его под присмотром.

Роджер Нейлсон припомнил сезон, когда «Мэйпл Лифс» победили «Айлендерс». Ситтлер тогда постоянно толкал Тротье. Те, кто играл с Тротье в Кубке Канады, вспоминали: тренеру Скотти Боумэну приходилось все время напоминать Тротье, чтобы он не тратил времени на стычки, а сосредоточил внимание на шайбе. Возникла идея. Тротье – великий игрок, но он так поглощен соперничеством, так силен и решителен, что если его все время атаковать, подталкивать, то можно вывести из игры, так как он может увлечься мстью «надоедалам». А если вывести из игры Тротье, то, может быть, удастся нейтрализовать и Босси, ведь именно ему Тротье выкладывает шайбу на клюшку для сокрушающего удара.

План казался неплохим, особенно если учесть, что третья, четвертая и пятая игры будут проходить в Эдмонтоне, где «Ойлерз» смогут выбирать, кого выпустить против Тротье: Макклелланда или Мессье. Только бы выиграть один матч из двух первых в Нью-Йорке и приехать играть домой...

В первой игре все удалось как нельзя лучше. Макклелланд, на силу которого так надеялась команда, забил единственный гол в той на редкость жесткой и прекрасной игре. По телефону после игры Уэйн говорил мне: «Ты понимаешь, мы заранее знали каждый их шаг! Каждое движение!» Но «Айлендерс» недаром четырежды завоевывали Кубок Стэнли. Их самолюбие было уязвлено: их побили дома. И во второй игре они приняли вызов как настоящие чемпионы. Уже на 53-й секунде Тротье забил гол. Огромный Кларк Жиль, ничего не показывавший весь сезон, сделал хет-трик. Игра закончилась со счетом 6:1 совсем не в пользу «Эдмонтон Ойлерз».

В следующем первом матче в Эдмонтоне «Ойлерз» разгромили противников со счетом 7: 2. Все, даже скептики, поняли, что эдмонтонцев из этой финальной серии так просто не выбьешь. Будет большая битва. Но этот Гретцки! О, «Айлендерс» знают, как его остановить. В прошлом году им это удалось, и в этом году, конечно, будет то же самое. Если ему не давать двигаться...

Уэйн старался об этом не думать. Утром перед четвертой игрой он позвонил: «Ты знаешь, эти „Айлендерс“ вроде бы меня не трогают. Но когда я отдаю шайбу на край, кто-нибудь из их парней стоит рядом со мной и не дает мне получить ее обратно. Но сегодня посмотрим!... Я буду играть, как Перро».

Я понял, что он имел в виду. Уэйн с детства восхищался Жильбером Перро, его умением держать шайбу до тех пор, пока он не выкатывался на удобную для броска позицию. Значит, Уэйн решил не отдавать шайбу сразу, а держать ее чуть дольше, чтобы освободиться от опекунов. Выходя на лед, он помнил только слова Маклера: «Лучше один гол, но решающий»...

В конце второй минуты первого периода (1 минута 53 секунды) Дэйв Семенко подхватил шайбу у борта в своей зоне, увидел Уэйна, прорвавшегося в центре, и передал ему шайбу низом. Лучше сделать было нельзя. Уэйн оказался один на один с вратарем Билли Смитом. Он сделал замах, Смит бросился на «удар», а Уэйн направил шайбу в противоположный угол.

Зал взорвался. Это был десятый гол Гретцки в кубковых играх, но первый за двенадцать встреч с «Айлендерс». Призрак неудачи перестал маячить перед болельщиками и самим Уэйном. Он переиграл Смита и вывел свою команду вперед. К концу второго периода счет был 6:2. На 15-й минуте третьего периода Уэйн перехватил шайбу и забил Смиту еще один гол. Для достижения заветной цели не хватало чуть-чуть: еще одной победы. В субботу вечером у них есть шанс заполучить заветный приз.

Вся семья отправилась в Эдмонтон: Филис, Ким, Кейт, Глен, Brent⁵ и я. Филис и Ким уехали в среду, а я с мальчиками летел утренним рейсом в субботу. Мы благополучно прибыли, а багаж наш затерялся. Филис пришлось отправиться с детьми по магазинам: нужно было во что-то переодеть ребят. Мне Уэйн дал свой пиджак и галстук, но попросил:

– Когда после игры пойдешь в раздевалку, сними пиджак и оставь за дверью. Иначе его испортят.

– Чем испортят?

– Шампанским, папа.

Шампанским? Тем самым, что достается победителям.

Я сразу почувствовал себя бодрее: Уэйн уверен. Они добьются своего. И я вдруг вспомнил, как недавно, увидев по телевизору штангиста, посоветовал Уэйну тоже потренироваться в поднятии тяжестей.

– С чего это? – удивился он.

– А то не хватит сил поднять кубок.

– Не волнуйся. Выиграть бы его, а там...

Днем, за несколько часов до игры, я говорил с Уэйном. «Ужасно нервничаю, – сказал он. – Никто из ребят не хочет снова ехать играть в Нью-Йорк. Все нужно заканчивать сегодня». Моя язва, казалось, убьет меня в тот день. Но игра Уэйна быстро вылечила меня.

Объявили, что в воротах «Ойлерз» будет стоять Муг. Зрители забеспокоились. Фюр растянул плечо в третьем матче. Муг заканчивал ту игру и отстоял четвертую. Он хороший вратарь. Во многих командах он мог бы быть первым голкипером. Он доказал это. За Муга можно было не волноваться, но Фюр не переделся, а это значило, что его нет даже в запасе. Он вообще не выйдет на лед, даже если с Мугом что-то случится. Запасным вратарем, если понадобится, будет Майк Занье, молодой игрок, без опыта игр в НХЛ, не говоря уже о матчах на Кубок Стэнли. Зрители восприняли это как дурной знак.

Вскоре «Ойлерз» показали, как серьезно они настроены. Нет, их не привлекает новая поездка в Нью-Йорк. Через 47 секунд после начала игры рефери наказал «Ойлерз» за лишнего игрока на площадке. Они выстояли в меньшинстве, и это их немного успокоило. На 13-й минуте, когда судья поднял руку в знак откладываемого наказания для «Айлендерс», Уэйн получил пас от Курри, промчался к воротам Смита и забросил шайбу ему за спину. Через пять минут он – и опять с подачи Курри – в борьбе с тремя защитниками забил еще один гол.

Для Смита это было началом конца. При счете 2:0 тренер «Айлендерс» Эл Эрбур решил заменить его во втором периоде Роландом Мелансоном. Пока Мелансон разминался, болельщики, не забывшие, как в прошлом году Смит унизил их любимцев не только своей игрой, но и злыми насмешками, ревели: «Билли! Мы хотим Билли! Подайте нам его!»

Через 38 секунд после начала второго периода счет был 3: 0. Гол забил Кен Линзмэн с подачи Уэйна и Чарли Хадди. «Ойлерз» вошли во вкус. Курри увеличил счет – 4: 0. Зал ликовал. «Айлендерс» выглядели уставшими. Все оставшиеся силы они тратили на оборону. Все было кончено.

Но, как оказалось, не совсем. С чемпионами надо играть до конца. В третьем периоде «Айлендерс» бросились в яростную атаку, и через минуту на площадке снова был настоящий хоккей. Лафонтэн забил две шайбы на 13-й и 45-й секундах. Счет стал 4: 2, «Айлендерс» нажимали по всей площадке, а эдмонтонцы начали бесцельно метаться, как это было во втором матче. И если бы не промахи ньюйоркцев, то через минуту-другую счет мог бы быть равным.

Муг несколько раз спас ворота в труднейших ситуациях, и это немного успокоило остальных игроков «Ойлерз». И вдруг за 3 минуты 15 секунд до конца периода Пэт Флэйтли врезался в Муга, и тот остался неподвижно лежать на льду. Арбитры наказывают Флэйтли,

⁵ Ким – сестра Уэйна; Кейт, Глен, Brent – братья.

но могут ли «Ойлерз» поставить неопытного Занье в такой ситуации в ворота...

Муг встает. Слышно, как по залу прокатывается вздох облегчения. Он снова в воротах. Наконец, когда до конца оставалось 28 секунд, а ворота «Айлендерс» оказались пустыми, Дэйв Ламли подхватил шайбу у своей синей линии и отправил ее точно в пустые ворота противника. 5: 2. Конец четырехлетнему чемпионству команды «Нью-Йорк Айлендерс».

Как рассказать о том, что началось на стадионе в этот момент? Болельщики, перепрыгивая через бортики, выбежали на лед. С трибун летели воздушные шары, на поле их было штук пятьдесят. Полиция не успевала выпроваживать обратно на трибуны выскочивших на каток зрителей. Арбитр, не дождавшись порядка, пожал плечами и вбросил шайбу среди шаров. Игра закончилась бедламом: Муг пытался вырваться из клубка обнимавших его игроков, кто-то из болельщиков с шумом развернул транспарант «Вызываем русских!»; Уэйн, прижимая к себе клюшку, пытался спасти ее от страстных любителей сувениров.

Но один из зрителей бросился к нему в объятья. Это был Brent. С минуту Уэйн катался с младшим братом на руках. Присмотревшись, вы бы, наверное, заметили слезы у Уэйна на глазах. И не у него одного.

А потом Уэйн увидел кубок Стэнли. На льду расстелили красный ковер, и кубок сиял на столе перед Джоном Зиглером, президентом НХЛ.

Уэйн помчался так, как будто в коньках у него было по реактивному двигателю. Если мистер Зиглер и собирался произнести подобающую случаю речь, то ему этого не удалось. Уэйн торопливо обнял его, потом схватил кубок и поднял его над головой, товарищи по команде окружили его. Двинуться с места он не мог. Вокруг было слишком людно: игроки, болельщики, фотографы, расталкивающие всех, чтобы сделать снимок Уэйна и Марка Мессье, получившего приз Смайта.⁶ И эта плотная толпа двигалась вдоль бортика, как бы совершая круг почета, а болельщики на трибунах просто бесновались от восторга.

Когда я наконец добрался до раздевалки, она была битком набита. Мне стоило некоторого труда протолкаться к Уэйну. Сначала я увидел Филис и не узнал ее. На матче мы сидели отдельно – на хоккее мы всегда стараемся не занимать соседние места, – и она вошла сюда раньше, как раз в ту секунду, когда открывали шампанское. Филис была вся мокрая. Через минуту та же участь постигла и меня, а со мной и пиджак Уэйна. Конечно, я забыл его снять.

Наконец я пробрался к Уэйну. Он звонил бабушке на ферму, заодно разбудил ночных дежурных на пожарной станции в Брэнтфорде, чтобы поделиться радостью с другом нашей семьи Брайаном Уилсоном. Народ будет толпиться в раздевалке еще долго, и праздник будет продолжаться до поздней ночи. Но на секунду мне показалось, что мы в комнате остались вдвоем.

В его спортивной карьере было много триумфов, наград, но никогда я не видел выражения такой чистой и ничем не замутненной радости на его лице, залитом потом, шампанским и слезами.

Мы обнялись, потом взглянули друг на друга и засмеялись. «Так держать, Уэйн», – только успел сказать я, и толпа оттерла и закужила его.

Неважно. У нас еще будет время. «Ойлерз» взяли Кубок Стэнли, и болельщики уже говорили о повторении триумфа. План сработал: они смогли остановить «Айлендерс». Ценой больших усилий и травм они в пяти играх не позволили Тротье забить больше одного гола и сделать больше трех голевых передач. Босси смог сделать только три передачи. Несмотря на все свои трудности и проблемы, Уэйн набрал 34 очка, всего на четыре меньше, чем его рекорд в прошлом году.

Я же думал только об одном. Над ним больше не будет висеть как заклятие: «Гретцки нельзя назвать великим игроком, пока у него нет кольца обладателя Кубка Стэнли». Теперь

⁶ Приз самому полезному игроку в матчах на Кубок Стэнли.

«Ойлерз» завоевали Кубок, Уэйн получил заветное кольцо, и его никто никогда не отберет.

Гонка за рекордами

«Я никогда не испытывал такого напряжения. Никогда».

Уэйн Гретцки. Январь 1984 года

В игре «Олл Старз» НХЛ 1983 года Уэйн, забросив четыре гола в третьем периоде, побил сразу три рекорда, повторил один и получил в качестве приза очередной автомобиль. В игре 1984 года он забил только один гол, играл в четверть силы, не получил никакого приза, но тем не менее это был один из самых великих матчей в его жизни.

Ему вообще не следовало тогда выходить на игру, как, впрочем, и на три предыдущих матча первенства. Потому что за десять дней до этого после сильного толчка защитника он врезался в бортик и почувствовал боль в плече. «Ушиб», – подумал он сначала. Но время шло, а боль не проходила. В команде решили, что он немного растянул плечо, – дело, конечно, неприятное, но не самое страшное.

Через два дня после матча «Олл Старз» сделали рентген. Оказалось, нет ни ушиба, ни растяжения – вывих. Четыре игры в лиге и матч «Олл Старз» Уэйн играл с вывихом плечевого сустава.

Как же так? – спросите вы. Кому это было нужно? Что касается матча «Олл Старз», то Уэйна нельзя было бы удержать от участия в нем даже самыми страшными угрозами. Он был капитаном команды. Шесть других игроков, включая Босси и Тротье, не могли играть из-за травм. Вся Национальная хоккейная лига пребывала в нетерпеливом ожидании. Разве может состояться матч «Олл Старз» без лучшего нападающего? Нет, нет и нет. Да, есть определенные обязательства, от которых Уэйн не желал уклоняться. Но прежде всего он хотел играть. Он любит эти «звездные» матчи. Они напоминают ему состязания вольных стрелков на диком западе в старину. Если тебя называли в числе лучших, то ты должен делом доказать, что сделали это не зря. Ты не можешь подвести людей, отметивших тебя, верящих в тебя.

Правда, в тот раз он ничего доказать не мог. Он сам это знал, но решил играть. Причем играть так, чтобы никто ничего не заметил. Позже тренер Глен Сэйзер рассказывал: «Каждый раз перед выходом на лед я спрашивал, как у него дела, сможет ли он выйти? И перед каждой сменой он говорил: „Да“...»

Каждый раз, когда он возвращался на скамейку, по его лицу было видно, как ему больно. Однажды, чтобы забить гол, ему достаточно было лишь поднять шайбу надо льдом. Но он не смог сделать даже этого. И тем не менее он не пропустил ни одной смены, вел команду вперед в большинстве, защищался вместе со всеми в меньшинстве. Они проиграли тогда 6:7, но никогда я не был так горд за своего сына, как в тот вечер в Нью-Джерси.

Что же до трех игр в лиге перед этим... Конечно, он мог не играть. Ему даже не следовало бы играть. Ведь несмотря на то что он говорил репортерам, плечо сильно беспокоило его. К тому же он повредил и левую руку, пытаясь наложить пакет со льдом на больное плечо. Но и это было не все. На тренировке в Эдмонтоне он, сняв перчатку, положил руку на бортик. Кен Линзмэн, перепрыгивая через бортик, сел ему на руку. Линзмэн очень сокрушался потом, но, что поделать, бывают такие неприятные случайности. «Во всем виноват я сам, – защищал его Уэйн. – Во-первых, не нужно было подставлять руку, а во-вторых, я должен был смотреть, что делается кругом». Скорее всего при таких обстоятельствах «Ойлерз» дали бы ему отдохнуть игру-другую. Но речь шла о новом рекорде...

Перед сезоном 1983/84 года Уэйн поправился на 4 килограмма, здорово окреп и надеялся сыграть еще лучше, чем в прошлом сезоне. Правда, если принимать во внимание все, чего он достиг к этому времени, его мечты можно было бы смело назвать неосуществимыми.

За четыре года, проведенных в НХЛ, он установил 24 рекорда лиги и повторил десять других. Он трижды был лучшим по числу забитых шайб и соответственно по сумме очков (гол + пас). И если результаты Уэйна в сезоне 1982/83 года (71 гол, 125 голевых передач – кстати, рекорд лиги! – всего 196 очков) некоторые считали не слишком впечатляющими, то только потому, что их сравнивали с его же собственными рекордами. И так, он набрал 196 очков. Это третий результат сезона за всю историю НХЛ, а два лучших принадлежали ему же. Черт возьми, неужели он стал хуже играть! Эта мысль не давала нам покоя.

Меня несколько озадачивал тот факт, что с каждым сезоном Уэйну становилось все труднее брать главные призы лиги. И дело тут было вовсе не в игре и результатах. Называя лучших, многие специалисты не могли заставить себя относиться к Уэйну Гретцки с обычными мерками. Дик Чаби, хоккейный обозреватель «Эдмонтон сан», признает это: «Когда журналисты выбирают трех лучших игроков матча, случается, они не голосуют за Уэйна, даже если он набрал три очка. То, что для большинства игроков большое достижение, для Уэйна – обычная игра, другого от него никто не ждет. Уэйн соревнуется с Уэйном».

По-видимому, болельщики считают так же.

Но Уэйн по-прежнему любит забивать голы. Он полагал, что некоторые из его личных рекордов, да и многие из командных, еще можно превзойти. Когда «Ойлерз» выиграли первые четыре игры сезона со счетом 4:0, он за завтраком изложил приятелю свою идею. Идею нового рекорда.

– Знаешь, мы могли бы забивать в среднем шесть голов за встречу на протяжении сезона.

– Ты что, на солнце перегрелся? Один-два проигрыша всухую да пара игр с минимальным счетом, и вам крышка.

– Нет, я серьезно. В таком случае нужно будет в нескольких встречах забить семь шайб. И все.

– И все? Несколько встреч с семью шайбами? Не будь ребенком!

– Но ведь в двух матчах мы забили по восемь голов, – мягко возразил Уэйн.

А вскоре они забили «Нью-Джерси Дэвилз» и 10, и 11, и 13. В четырех играх они разгромили «Вашингтон» – 11:3, «Питтсбург» – 7:3, «Виннипег» – 8:4 и «Квебек» – 7:4. 33 гола в четырех матчах!

Оборона команды тогда оставляла желать лучшего, и «Ойлерз» проиграли первые две встречи с «Айлендерс». Впрочем, эту неудачу можно было объяснить психологически: против «Айлендерс» им было особенно тяжело играть после проигрыша в финале Кубка Стэнли 1983 года.

Но свое желание и умение забивать голы они сохранили в целостности и сохранности.

В перерыве чемпионата после 52 проведенных игр команда имела на своем счету в среднем 5,78 гола за встречу. А Уэйн опередил всех бомбардиров лиги, забив 61 гол, сделав 92 голевые передачи и набрав 153 очка. Он на 68 очков опережал крайнего нападающего своей тройки Яри Курри, занявшего второе место в таблице.

Единственным облачком, омрачавшим ясный небосвод, была история, известная среди болельщиков как «подвиги Микки Мауса», этого сказочного мышонка из мультфильмов, творящего на экране чудеса. Эта шутка стоит того, чтобы о ней рассказать...

Началось все в ноябре. «Нью-Джерси Дэвилз» прибыли в Эдмонтон. Первый вратарь команды Рон Лоу раньше играл в «Ойлерз» и был другом Уэйна. «Дэвилз» находились на последнем месте в НХЛ и в тот вечер доказали, что это не являлось случайностью. «Ойлерз» выиграли 13:4. Уэйн забил три шайбы и сделал пять голевых передач. А потом в раздевалке он сделал то, чего никогда не делал, став профессионалом: он ударил лежащего.

«Это не игра, а подвиги Микки Мауса на льду, – заявил он репортерам, – „Дэвилз“ следует лучше подбирать тренеров. Такой хоккей неинтересен и травмирует игроков. Радости от него никакой!»

Это оказался не лучший ход. Уэйн был зол; ему было жаль Рони и Чико Реша, который сменил Лоу в воротах. На следующий день он извинился перед клубом из Нью-Джерси, но...

фраза пошла гулять по страницам газет. Болельщики «Дэвилз» сочли себя оскорбленными. Руководители «Нью-Джерси Дэвилз» ответили, вернее, как бы это выразиться повежливее, огрызнулись: они-де будут управлять своей командой, а Уэйн пусть займется собственными делами. Но вскоре тем не менее они уволили тренера Билли Макмиллана.

Потом Уэйн признал, что не следовало ему так говорить, и извинился. «Я не могу угодить всем, – сказал он мне. – Триста шестьдесят четыре дня в году я молчу, и репортеры недовольны: писать обо мне неинтересно. Наконец в один прекрасный день я что-то решаюсь сказать, и что же? Обижены болельщики».

Последующие события показали, что же на самом деле значил для лиги этот эпизод. «Дэвилз» и «Ойлерз» должны были снова играть 15 января в Нью-Джерси, Болельщики Нью-Джерси ждали ответного визита. Прошел слух, что «Дэвилз» со своей стороны готовят страшную ночь для Уэйна. Потом Макс Макнэб, вице-президент клуба, страстно отрицал это: «Мы не имеем к этому никакого отношения. Все это – досадное недоразумение. Уэйн – знаменитый молодой человек, каждый день перед ним устанавливают пятнадцать-двадцать микрофонов и просят высказаться. Это – первая его ошибка за все время. Он извинился, и мы вполне удовлетворены».

Но болельщики Нью-Джерси не были настроены столь великодушно. Сотни людей в городе натянули майки с изображением Микки Мауса и шапочки с огромными ушами, как у мышонка из знаменитого мультфильма Уолта Диснея. На ушах было написано «99» или «Гретцки». Они кричали, топали, свистели, орали, демонстрируя свою неприязнь к Уэйну.

Он отправился на телевидение и извинился еще раз за свою несдержанность. «Дэвилз» в тот раз играли отлично, хотя и проиграли 5:4. Уэйн не забил ни одного гола, но сделал три голевые передачи. Трибуны ледового стадиона были заполнены до отказа. Так что и на этот раз он помог собрать полный стадион. Вот к чему в конечном счете привел его промах.

Об одном рекорде Уэйн предпочитал первое время помалкивать. Он боялся выглядеть глупо. Но он затаил мысль о том, что можно за сезон забить 100 голов. Рекордное число голевых передач и очков было, так сказать, обычной, нормальной целью. Но еще одна отчаянно смелая мечта не давала ему покоя. К тому времени он был обладателем еще одного рекорда лиги: в тридцати играх подряд он набирал по одному или нескольку очков. А не попробовать ли получить хотя бы по очку во всех восьмидесяти играх сезона. Вот это была бы Серия.

Такое даже представить себе трудно. По крайней мере, сначала. Однако проходила игра за игрой, и когда Уэйн набрал 30 очков, некоторые призадумались. Когда он набрал 40, все были заинтригованы. Спортивные отчеты начинались словами: «Вчера Уэйн Гретцки получил очко...»

Фирма «Даост» выпустила коньки с сине-оранжевыми ботинками (цвета команды «Эдмонтон Ойлерз»). Фирма хотела обуть Уэйна в такие ботинки, что дало бы хорошую рекламу и позволило получить пропуск на Национальную выставку спортивных товаров, которая проводится в Монреале за два дня до встречи «Олл Старз».

Но из боязни, что Серия прервется как раз в матче, в котором он выйдет на лед в новых коньках, фирма отказалась от своих планов.

Такая же история случилась и с новой клюшкой фирмы «Титан». Они сделали клюшку «Турбо» с пластиковыми вставками и считали, что произвели революцию в этом деле. Уэйн попробовал играть новой клюшкой на тренировках, и она ему очень понравилась. Конечно, для производителей лестна была его похвала и «они бы хотели, чтобы он играл их новой клюшкой, но... только когда завершит свою Серию». Они боялись того же, что и «Даост». Если он, выйдя на лед с новинкой, не получит очко, то на рынок ее можно уже не выпускать.

Волновались они напрасно. Пока не кончилась Серия, Уэйн не собирался менять ничего. Поэтому-то тренер Барри Стаффорд так переживал из-за его пояса с подтяжками.

Вроде бы чепуха, обычная деталь амуниции, но... У Уэйна они были старыми и изодранными. Одна из застежек была поломана. Непорядок, но Уэйн упорно надевал их на все игры, пока продолжалась Серия. Случалось, он был на волосок от поражения. 11 января в

44-й игре в Чикаго он сумел забить гол лишь за две секунды до конца. Были матчи, в которых он получал лишь одно очко. Поэтому, когда отлетела пуговица на застежке, он приспособил вместо нее монетку – не хотел рисковать и менять форму.

В Лос-Анджелесе в третьем периоде он сделал две голевые передачи, причем одну, когда команда играла в меньшинстве. Впереди было три свободных дня до следующей игры в Ванкувере. Болело плечо, но он уже набрал в своей Серии 49 очков, и всего двух голов не хватало до еще одного личного рекорда – 50 голов в 50 встречах.

Приехали в Ванкувер, начали одевать форму, нет счастливых подтяжек. Барри чуть не сошел с ума. Кто-то украл их. Наверное, в Палм Спрингс, где команда отдыхала перед игрой. Вдруг наденет Уэйн новые, и Серия прервется...

Уэйн его успокаивал: «Все будет хорошо». Сам же был просто комком нервов. Они обыскали все. «Счастливые» подтяжки исчезли, плечо разболелось, а «Кэнакс» всегда жестко играют дома. Пришлось одевать новые подтяжки.

Новый пояс не помешал – в тот вечер «Ойлерз», проигрывая в третьем периоде, взяли верх 5:4, а Уэйн забил свой 50-й гол с подачи Гленна Андерсона. В том матче на его счету было два гола и две передачи. 50 голов пошли в зачет Серии, но плечо болело все сильнее. К тому же Уэйн дважды упал на него. Болельщики «Ванкувера» оглушительно свистели каждый раз, как он касался шайбы. Только один раз они аплодировали: когда в конце второго периода его ударили так, что он, согнувшись, еле добрался до скамейки. Аплодировали, видя, как ему больно. Вот так его «любят» в Ванкувере.

Он играл преодолевая боль. Для публики он говорил: «Все в порядке. Другие играли и с более тяжелыми травмами. Серия? Тяжеловато, конечно, но...»

А на следующее утро сказал близким: «Я помню, когда замахнулся на рекорды Мориса Ришара, а потом Фила Эспозито, как было трудно, но нельзя то сравнить с нынешним напряжением. Тогда я мог пропустить игру или уйти со льда ни с чем, я ничего не терял. Здесь же нет перерывов. Я чувствую себя рабом этой Серии. Может быть, я думаю об этом слишком много, больше, чем оно того стоит. Я не знаю, будет ли такой день, когда я проснусь утром и смогу сказать: „Эй, все кончено. Можно снова начинать сначала“.

А плечо?

«За все время в профессионалах я пропустил лишь одну игру. Болен, не болен, здесь ты должен играть. Но сейчас не знаю. Если бы не эта Серия...», – говорил Уэйн друзьям.

Серия продлилась еще одну игру. «Ойлерз» вели 3:0, а потом довольствовались ничьей. И с кем бы вы думали? С «Нью-Джерси Дэвилз»! Уэйн быстро забил свой 61-й гол, а потом ему не давали возможности развернуться. В конце он неудачно отдал шайбу в своей зоне и «Дэвилз» сравняли счет. Он находился на льду, но это был не Уэйн Гретцки. А на следующий день в Эдмонтон приехали «Кингз» и поставили точку – они не дали ему ни забить, ни сделать голевой передачи. После 51-й игры Серия прервалась.

Уэйн был огорчен. Но в глубине души он чувствовал облегчение. Марафон за Кубком Стэнли продолжался, а значит, если он поправится, то еще сможет установить рекорд по очкам и голевым передачам. Для этого нужно передохнуть. Иначе нельзя. Бог знает, сколько игр он пропустит. Остается лечить плечо и ждать.

Ждать пришлось шесть игр. Для парня, который не пропустил ни одной игры, это было мучительно.

«Ойлерз» лишились не только Уэйна. Курри из-за травмы пропустил 16 встреч и долго не мог войти в форму после возвращения на лед. В следующем матче с «Калгари» они победили 10:5, и всем показалось, что команда может обойтись без Гретцки и Курри. Но затем «Ойлерз» проиграли пять игр подряд, одну из них «Айлендерс» без Тротье, Босси и еще четырех ведущих игроков.

В прессе Эдмонта выскazyвались предположения, что «Ойлерз» вообще не могут побеждать без Гретцки. Из-за этого Уэйн чувствовал себя еще более неловко. И когда 15 февраля он и Курри вернулись в свою тройку, Уэйн принялся латать прорехи.

Он отпраздновал свое возвращение двумя голами и двумя голевыми передачами в игре

с «Виннипегом». А в следующих трех матчах в течение четырех дней он забил 10 голов: два – в ворота «Питтсбург Пингвинз», затем по 4 гола в Сент-Луисе и снова в Питтсбурге. (Любопытно, что в Питтсбурге на предыдущих 29 матчах «Пингвинз» собирали в среднем по 6866 зрителей, на их матч против «Ойлерз» с участием Гретцки пришло 15 838 человек.) Я подумал, что он примеривается к своему рекорду по количеству набранных очков, а может быть, и к рекорду по числу передач тоже...

Но затем, казалось, все замерло. Может быть, из-за того, что Сэйзер все чаще стал прибегать к игре в четыре звена: приближались решающие матчи, и он хотел, чтобы главные снайперы отдохнули. Как бы то ни было, Уэйн стал реже появляться на льду. А шесть последних игр оставили впечатление, что у него больше нет ни на что ни сил, ни желаний.

В этих играх Уэйн забил четыре гола и сделал шесть голевых передач, что было само по себе неплохим, но отнюдь не потрясающим результатом. Гленн Андерсон в одном матче забил четыре гола, в другом – два, а в четырех остальных играх – ничего. Марк Мессье только в двух встречах забросил по две шайбы. Яри Курри, которого все еще сковывала травма, забил два гола и сделал две голевые передачи.

Всякие мысли об улучшении личного рекорда пришлось оставить, хотя Уэйн был близок к нему. Он заканчивал сезон с 87 голами, 118 голевыми передачами и 205 очками, недобрав 5 голов, 7 передач и 7 очков до своих же рекордов лиги.

Но не было ни времени, ни причин для огорчений. Правда, «Ойлерз» так и не добрались до заветных 6 голов за игру, но они забили рекордное число шайб – 446 и установили новый рекорд лиги – в среднем 5,8 гола в матче. В команде собралось первое в истории НХЛ трио игроков, забивших более 50 голов: Уэйн (87), Андерсон (54) и Курри (52). К тому же они были готовы к сражениям за Кубок Стэнли.

Для Уэйна и для всей нашей семьи победа в Кубке Стэнли стала счастливым концом невероятной, сказочной истории.

История эта началась за шесть лет до того на борту одного частного самолета, вылетевшего из Ванкувера. Этот полет переменял всю нашу жизнь.

«Напиши 825 000 долларов, Уэйн. У меня руки трясутся от волнения»

«Я знаю, что он может переиграть и обхитрить многих и катается он совсем неплохо. Но статья „профи“ в семнадцать лет? Его просто убьют!»

«Экспозитор», Брэнтфорд. 3 мая, 1978 года

Была гроза, это я помню точно.

Потоки воды струились по иллюминаторам личного самолета Нельсона Скалбани, снаружи бесновался настоящий ураган. А внутри сидели мы с Филис, уставившись друг на друга и пытаясь понять, что же мы натворили.

Нет, мы никогда не были любителями воздушных путешествий. И однако же мы, Филис и Уолтер Гретцки из Брэнтфорда, провинция Онтарио, родители пятерых детей, владельцы заложенного дома, были единственными пассажирами частного реактивного лайнера, совершавшего специальный рейс из Индианаполиса. Самолет мчался сквозь бурю, чтобы я успел на работу в телефонной компании «Белл». А там, внизу, остался наш семнадцатилетний сын, Уэйн, один в незнакомом городе, где он не знает ни души. Остался, чтобы начать играть в профессиональный хоккей. И вся Северная Америка следит за ним, потому что вдруг он получил кучу денег. И каждый день в газетах, по радио, по телевизору звучат слова: «Из-за Гретцки в хоккейной лиге может вспыхнуть война!» А он там один, и ему всего семнадцать...

Я не знаю, как он чувствовал себя там, внизу. Но меня от волнения терзала моя язва. Правильно ли мы сделали? А Уэйн? Будет ли ему хорошо в Индианаполисе? Три последние

года он жил хотя и не дома (кроме июля и августа), но недалеко, доехать можно было всего за несколько часов. А теперь он очутился в другой стране – в США. А что будет со школой? Где он будет жить? И как уладить миллион всяких других мелочей?

Эти мысли не отпускали нас, и когда самолет приземлился в Торонто, и когда мы на машине поехали домой, в Брэнтфорд. На следующей день я, как обычно, ремонтировал свои телетайпы. Этот безумный уик-энд был позади...

Наверное, теперь любой, кто хоть сколько-нибудь интересуется спортом, знает об Уэйне Гретцки. Рекордное число забитых шайб, престижные трофеи и призы, новый контракт до 1999 года (чтобы год совпадал с номером «99» на его хоккейном свитере), участие в рекламных телепередачах, его имя на всевозможных товарах, слухи о его фантастических доходах. Давно уже он не может нигде появиться, чтобы его не узнали и поклонники не просили бы автографов. Ему нужно было бы разорваться на части, чтобы поспеть всюду, где он должен присутствовать...

У него есть целый штат сотрудников: доверенное лицо, агент по бизнесу, адвокат, бухгалтер, секретарь, сортирующая его почту (на его имя приходит до тысячи писем в неделю). Он владелец и главный двигатель целой корпорации, этот мальчик, которому пришлось слишком быстро взрослеть... К его чести, повзрослев, он не забыл, откуда он родом. И больше всего я горжусь в своем сыне именно этим.

Я полагаю, все, кто связан с североамериканским хоккеем, слышали о Нельсоне Скалбани, миллионере из Ванкувера. Некоторое время назад он переполошил всех. В один прекрасный день 1981 года он купил футбольный клуб «Монреаль Элауэтс», хоккейную команду «Атланта Флэймз» (НХЛ), стал совладельцем бейсбольного клуба «Ванкувер Канадиенс», футбольного «Калгари Бумерз», а также юношеских хоккейных клубов в Калгари и Нью-Вестминстере. Он попытался приобрести за 12,5 миллиона долларов «Сиэтл Маринерз» из Американской бейсбольной лиги и ввести команду Ванкувера в Национальную бейсбольную ассоциацию.

Теперь он совершенно отошел от спортивных дел и, наверное, рад этому, потому что почти все они принесли ему убытки. Но когда мы познакомились с ним в июне 1978 года, он только начал серьезно подумывать о вложениях капитала в спорт, и о нем заговорили. До этого он совершал миллионные сделки по покупке и продаже недвижимости, но немногие читают в газетах страницы, отведенные большому бизнесу. Вдруг его имя появилось на спортивных страницах, и это стало сенсацией.

Мне он понравился. Он очень необычный человек. Например, из-за бесконечных деловых поездок (а вернее, полетов) по всей стране ему никак не удавалось попасть на теннисные корты в Ванкувере. А он фанатичный теннисист. И тогда он предложил еще одному бизнесмену из Ванкувера сыграть матч на крупный выигрыш. Проигравший должен был подарить 5000 долларов любой организации по выбору победителя. Противник Нельсона прибыл на корт в носилках, одетый в костюм римского сенатора: тога, венок на голове. Скалбани выиграл и пожертвовал приз в 5000 долларов Христианской ассоциации молодых людей на строительство теннисного корта с одним условием: время четыре часа пополудни остается за ним, если он окажется в городе и захочет сыграть партию в теннис.

В 1975 году он купил «Эдмонтон Ойлерз» ВХА, а затем продал клуб нынешнему владельцу Питеру Поклингтону, приняв в уплату наличные деньги, два «роллс-ройса», бриллиантовое кольцо миссис Поклингтон и две гравюры Кригхофа. В какой-то момент он оказался обладателем четырех «роллс-ройсов» (один из этих автомобилей «снялся» в фильме «Великий Гэтсби»), яхты, реактивного самолета и великолепного дома, который он купил за полтора миллиона (а затем сломал, чтобы на его месте построить новый).

А теперь он хотел купить Уэйна.

Естественно, до этого мы не встречались. Он никогда не видел Уэйна в игре. Я не уверен даже, разбирался ли он в хоккее. Ему нужен был рычаг, чтобы подтолкнуть НХЛ к объединению с ВХА. Он рассчитывал, что для этого нужно нарушить существующее соглашение между лигами и подписать контракт с кем-либо из игроков моложе двадцати лет,

кто еще имеет право играть в юниорах.

А Уэйну хотелось вырваться из юношеского хоккея. Боже, как ему хотелось вырваться!...

Он только что закончил свой первый сезон в юниорской команде «А», забил 70 голов и сделал 112 голевых передач, был признан лучшим дебютантом года. По числу забитых голов он пропустил вперед лишь Бобби Смита, которого «Миннесота Норт Старз» объявила номером первым на отборе в НХЛ в том году. Имя Уэйна стало легендой еще в детском хоккее, когда ему было восемь лет, и теперь, казалось, он собрался побить и все юниорские рекорды.

Но была одна загвоздка. Почти весь сезон тренером команды являлся Макферсон, и Уэйн с ним отлично ладил. Потом у команды возникли какие-то проблемы и Макферсон ушел за два месяца до конца сезона. Его заменил Пол Терио. Первое, что он сделал, придя в команду, объявил Уэйну, что ему нужно менять манеру игры.

Если вы когда-нибудь видели игру Уэйна, то заметили, что самая сильная его сторона – умение угадать, где будет шайба в следующий момент. Именно этому я старался научить мальчишек в первую очередь: не следуйте за шайбой, мчитесь туда, где она будет. Освоив этот прием, Уэйн часто оказывался там, где его быть вроде бы не должно и где его не ждали. И шайба была там же, у него на клюшке. И именно это не нравилось Полу. У него была своя система, по которой Уэйн должен был оказаться в определенном месте в определенное время, и он был тверд в ее соблюдении.

Уэйн упрашивал не запрещать пользоваться самым ценным его навыком. «Не надо отнимать у меня то, что я умею делать лучше всего. Так я могу компенсировать хотя бы недостаток силы».

Уэйн угрожал: «Если будете меня переучивать, я не вернусь в команду на следующий год».

Все думали, что он шутит. Команда начала наконец выигрывать, у Уэйна завязалось соревнование со Смитом, сезон для него обещал быть очень удачным, так что никто и не подозревал, насколько все это серьезно. Даже по окончании сезона, когда много было написано о том, что Гретцки мог бы сделать и чего не мог, когда Макферсон, к тому времени ведущий одной из радиопередач, пригласил его выступить и Уэйн заявил, что он играет в юниорах для того, чтобы попасть в профессионалы и хочет забивать голы, а не играть в «оборонительный хоккей», даже тогда никому не пришло в голову, что он может уйти из команды.

Уэйн старался говорить очень осторожно. В некоторых газетах появились рассуждения, что Уэйн-де огорчен своими школьными делами, тем, что ему не смогли найти обещанного преподавателя (это, конечно, чепуха).

Генеральный менеджер команды «Грейхаундз» сделал все, что мог, для Уэйна. Ходили слухи, будто он хочет уйти в другой клуб. Уэйн даже сказал, что он не прочь вернуться в «Грейхаундз». Но я-то знал, что думает он иначе.

Однажды вечером он позвонил домой. Это было вскоре после смены тренера. «Позвони мистеру Бэссету и скажи, что я больше не буду играть в „Грейхаундз“. Позвони сейчас же!»

Джон Бэссет-младший из Торонто, владелец «Бирмингем Буллз» (прежде «Торонто Торос»), ВХА, известен тем, что «сделал первый выстрел» в схватке, превратившейся в войну ВХА с НХЛ. Он взял в 1973 году в команду восемнадцатилетнего Уэйна Диллона из юниорской команды «Торонто Марлбороз». А ведь команды НХЛ не включали в свой состав игроков столь молодых, на это существовал строгий запрет. Теперь, когда наконец обе лиги согласились не трогать юниоров, он опять пригласил восемнадцатилетнего Кена Линзмэна из «Кингстон Канадиенс». Уэйн думал, раз уж Бэссет взял одного юниора, может быть, он возьмет и второго.

Он был страшно расстроен. Я успокаивал его, как мог, и обещал позвонить Бэссету. Через двадцать минут вновь раздался звонок. «Ты дозвонился? Что он сказал?»

Я вовсе не собирался никому звонить. Я хотел лишь немного успокоить сына.

– Послушай. Люди приходят и уходят, все изменится. Тебе еще три года играть в юниорах. Еще год ты сможешь играть как «переросток».⁷ Через четыре года ты сможешь выбирать, куда идти, и называть свою цену.

– Если я останусь здесь еще на четыре года, то я вообще не попаду в профессионалы. Чем дальше, тем больше огрехов они у меня находят. Позвони. Я прошу тебя.

Он звонил мне в ту ночь несколько раз только для того, чтобы узнать не дозвонился ли я до Бэссета. Он был вне себя. Не забывайте, что он был всего лишь семнадцатилетним мальчиком, а в этом возрасте подростки часто думают, что мир рушится.

Кончилось тем, что Гас Бэдли, агент Уэйна, все-таки позвонил мистери Бэссету. Состоялось совещание в ВХА, и они решились. Лига согласилась принять Уэйна, и сделать это должен был Нельсон Скалбани.

Вот так начался самый безумный уик-энд в моей жизни.

Скалбани хотел, чтобы мы все прилетели в Ванкувер на следующий же день, среди недели, и там подписали контракт Уэйна. Вот так, собрались и прилетели. «Но Уолтер работает, чтобы кормить семью. Он не может просто так сорваться и бросить работу», – возразил Гас Бэдли. Нельсон согласился подождать до конца недели и дал 1000 долларов на расходы.

Скалбани был оригиналом, надо отдать ему должное. Он встретил нас в аэропорту в «роллс-ройсе» и провез по Ванкуверу как высочайших гостей к огромному дому в одном из самых шикарных районов города. Мы как будто попали в другой мир. Нельсон не чванился. Можно было подумать, что Гретцки одни из его богатых деловых партнеров, прилетевшие заключить сделку по покупке нефтяной скважины или крупного отеля. Когда мы выбрались из автомобиля, он дымился. Рядом на дорожке стоял второй «роллс-ройс».

– Слушайте, Уолтер, – воскликнул Скалбани, – никогда не покупайте этих проклятых «роллс-ройсов». Одни неприятности от них.

Я поглядел на него: не самая удачная шутка. Но он был серьезен.

– Хорошо, мистер Скалбани. Не буду, – ответил я так же серьезно. Ребята из нашей телефонной компании лопнули бы со смеху, если бы слышали наш разговор. Они-то в отличие от Скалбани знают, сколько я получаю.

– Вы тут приводите себя в порядок, а мы с Уэйном пока пробежимся, – предложил он вдруг.

Я понял Скалбани. Нельсон был заядлым бегуном и очень гордился своей физической формой. Он ничего не понимал в хоккее, но знал, что такое выносливость. Прежде чем подписать контракт с этим мальчишкой, он должен узнать, чего тот стоит как бегун.

Уэйн мне рассказал об этом кроссе. Нельсон из кожи вон лез. А Уэйн, конечно, был измотан четырехчасовым перелетом, да ночью накануне он не мог заснуть от волнения. Но в конце концов он все-таки обошел Нельсона. Должно быть, это произвело впечатление. «Мы пробежали шесть миль, и он обошел меня. Так что я беру его», – сказал позже Скалбани репортеру.

Для меня и Филис все казалось каким-то видением. Неужели кто-то действительно так живет? Вот мы едем днем в его офис, и он, небрежно показав на какое-то здание, говорит, что это его собственность, и, может быть, этот дом пойдет как плата по контракту Уэйну. Он говорит о каких-то огромных суммах, а у меня мутится от них рассудок.

Потом в офисе он спрашивает: «Во что вы оцениваете ваше время и хлопоты, затраченные на приезд сюда?... Кстати, если лиги объединятся, Уэйн не сможет играть в профессиональной команде, потому что ему еще нет двадцати, и ему придется вернуться в юниоры».

Я сижу и судорожно соображаю, какую сумму могу назвать. Я только собираюсь вымолвить «10 000 долларов», а он уже подписал чек и отдает его мне. «50 000 долларов».

⁷ Каждая команда может оставить у себя на один сезон одного игрока по достижении двадцати лет.

«О, хорошо», – слабо промычал я, и мы помчались обратно в его великолепный дом обсуждать условия контракта. Ай да Уолтер Гретцки, ай да делец!

Эту сторону моей жизни люди обычно не очень хорошо понимают и представляют. Когда Уэйн стал профессионалом, мне пришлось стать и поверенным в его делах, и агентом, и адвокатом – всего понемногу. Потому что около него вьется масса людей, жаждущих поживиться, и, если не следить за каждым шагом, его состояние просто растащат по кусочкам. Но тогда в Ванкувере... Что я знал тогда, говоря с дельцом-миллионером о сказочных суммах, каких никто в моей семье отроду не видел? С нами был агент Уэйна Гас Бэдли, но мы тоже участвовали в переговорах: ведь это наш сын и речь шла о его будущем. Нам было страшно, особенно угнетала неизвестность.

Скалбани в то время владел командой «Рейсерс» в Индианаполисе, но вел переговоры о приобретении «Хьюстон Аэроз» или «Квебек Нордикс». Он еще не решил, в какой из клубов определить Уэйна, если купит его. Вдруг в середине наших переговоров он позвонил какому-то хоккейному деятелю в Хьюстон, и тот посоветовал отказаться от Уэйна, потому что то ли еще очень юн, то ли недостаточно быстр... Он даже назвал кого-то взамен Уэйна. Нельсон поблагодарил его, повесил трубку, и мы вернулись к столу переговоров.

Наконец все обсудили и уладили, но контракт не был написан. Он был составлен только на следующий день на борту самолета Скалбани. И писать контракт пришлось самому Уэйну.

Скалбани решил, что официально о контракте нужно известить публику в Эдмонтоне, наверное, потому что это был город ВХА. Но контракт-то еще не подписан! Черт возьми, да его же еще не напечатали! Нельсон начал диктовать, а мы с Филис сидели в этом роскошном самолете и смотрели, как наш мальчик пишет что-то, что должно принести немислимое, по нашим представлениям, богатство. Это было похоже на сон. В жизни такого не бывает. Сейчас мы проснемся, и...

Но вот сидит Уэйн, пишет что-то на обычном листе бумаги, подложив под него школьный трафарет, чтобы строчки не прыгали. В конце концов, он ведь пишет документ, который должен изменить всю его жизнь. Трудно писать ровно в такой ситуации без трафарета...

Журналисты называли цифру 1,75 миллиона долларов. Это неправда. Вообще, когда начинаешь иметь дело с контрактами, первое, что усваиваешь: суммы, о которых слышишь или читаешь в газетах, почти никогда не совпадают с суммами, проставленными в самом контракте. На самом деле соглашение было следующим.

Контракт – не с ВХА и не с «Индианаполис Рейсерс». Это был контракт о найме Уэйна Гретцки лично Нельсоном Скалбани. Уэйн «должен быть готов приступить к работе с 11 июня 1978 года либо в Хьюстоне, либо в Индианаполисе». (Когда позже Скалбани спросили, что было бы, если бы Уэйну по каким-то причинам не разрешили играть, он ответил: «Ну тогда бы у меня был самый дорогой в мире партнер в теннисе».)

Контракт заключался на четыре года с возможным продлением еще на три на условиях, устраивающих обе стороны. В случае отсутствия договоренности спор выносится в нейтральный арбитраж.

Из задатка в 250 000 долларов Уэйн должен был получить 50 000 в момент подписания той бумаги, что он сейчас писал под диктовку бородатого миллионера, остальную сумму – после того, как адвокаты одобряют другие пункты контракта.

Зарплата устанавливалась такая: в первый год – 100 000, в следующие два года – по 150 000 и в четвертый год – 175 000.

Контракт аннулируется в случае слияния лиг и запрещения юниорам играть в профессиональных командах, причем Уэйн сохраняет все выплаченные ему на тот момент деньги.

Вот так: 825 000 за четыре года игры. В юниорской команде «Б» игрок получает 4 доллара за победу, 2 доллара за ничью, 1 доллар за проигранный матч. В «Грейхаундз» он получал 25 долларов в неделю. Теперь он будет зарабатывать 3000 в неделю. Можно сказать,

значительный рост зарплаты.

До сих пор Уэйна иногда спрашивают, сколько он на самом деле получал, играя в юниорах. «Ну, понимаете, – говорят они, подмигивая, – сколько сверх официальной ставки 25 долларов?». Он хохочет в ответ, потому что только однажды он получил кое-что, кроме зарплаты. Когда его пригласили в команду Канады на чемпионат мира среди юниоров, он приехал без пальто. Анжело Бамбакко купил ему пальто на свои личные деньги. «Но вы правы, 25 долларов в неделю не получает никто. Все получают 24 доллара 1 цент: 99 центов – налог».

Как бы то ни было, Уэйн закончил писать. Он и Нельсон подписали контракт, я и Гас подписали его как свидетели. Мы приземлились в Эдмонтоне, здесь состоялась пресс-конференция, а потом полетели в Индианаполис и там попрощались со своим сыном.

Пресс-конференция была бурной. Как только мы вышли из самолета, на нас набросилась толпа репортеров (естественно, какие-то слухи просочились), а в отеле журналистов было еще больше. Но возвращаясь домой в Брэнтфорд, я думал не о них. Я перебирал в памяти наш разговор в гостинице в Ванкувере. Разговор, который мы вели втроем: мать, сын и отец...

Мы с матерью с самого начала поставили два неперемных условия при подписании Уэйном любых соглашений. Первое: он должен жить в какой-либо семье; второе: он должен продолжать учебу до окончания двенадцатого класса. Значит, у него будут дела кроме хоккея. Это будет нелегкая жизнь. Я хотел убедиться, что Уэйн представляет, как тяжело ему придется.

– Уэйн, ты представляешь, на что идешь? Ты хорошо все себе уяснил?

– Да, – ответил он.

– Ты должен твердо все решить для себя. Никакие деньги тебя не обрадуют, если тебе не по силам окажется эта жизнь. Ты понимаешь, что теперь ты не принадлежишь себе? Тебе придется отказаться от многого, чем живут твои ровесники. Готов ли ты к этому?

– Да, я все знаю.

Я сделал еще одну попытку.

– Ты уверен в себе? Ты уверен, что такой жизни ты хочешь? Если ты так сильно хотел достичь именно этого, мы согласны. Но если ты сомневаешься, поехали домой и забудем все.

– Я все понимаю. Я знаю, как это будет.

Он думал, что знает. Мы тоже думали, что знаем. Но оказалось, что в то время мы ничего не знали...

«Бабуля – чертовски хороший вратарь»

«Совсем неплохо оказаться среди людей, которые балуют тебя потому, что ты их внук и они тебя любят, а не потому, что ты Уэйн Гретцки».

Уэйн Гретцки. 1983 год

Первым вратарем, который пропускал шайбы после бросков Уэйна, была его бабушка, моя мать. Может быть, когда-нибудь ее портрет появится в Зале хоккейной Славы.

Уэйну было два года, он играл маленькой игрушечной клюшечкой, а вместо шайбы у него был мягкий мячик. По субботам на ферме мы обычно смотрели по телевизору обозрение «Хоккейный вечер в Канаде». В комнату, скользя по деревянному полу, как на коньках, вкатывался Уэйн, направляясь к бабуле, сидящей в большом покойном кресле с такой же, как у внука, клюшечкой в руках. Он шлепал клюшкой по мячику, а когда тот отскакивал от ноги бабушки или от ее кресла, он снова бросался на мяч и колотил по нему. Конечно, никто еще не успел ему ничего рассказать ни о правилах, ни о самой игре в хоккей, но казалось, что о добивании он догадался сам.

Ферма, бабушка и дедушка, «Хоккейный вечер Канады»... Может быть, есть лучшее

место для воспитания мальчишки, но я такого не знаю.

Мой отец, Тони, купил эту ферму в тридцатых годах на ссуду, которую он получил как ветеран войны. Двадцать пять акров земли с рекой, протекающей посередине.

Отец мой по национальности белорус. Предки его были земледельцами. Он родился и вырос в небольшой деревушке в России, а в начале века за несколько лет до первой мировой войны вся их многодетная семья эмигрировала. Когда они добрались до Америки, семья разделилась: три брата и сестра остались в Соединенных Штатах, трое других с матерью поселились в Аргентине. Мой отец жил в Чикаго, когда началась война. Он решил пойти в армию, и когда узнал, что, если хочешь отправиться за океан, служить лучше в канадской армии, он просто перешел границу и записался добровольцем. Всю войну он провел на полях сражений в Европе. Вернувшись, он остался жить в Канаде и позже купил эту ферму.

Все мои братья и сестры родились здесь. В то время это была товарная ферма. Мы выращивали огурцы, картофель и другие овощи, которые отец отвозил в город на продажу. Ферма наша находится в двадцати милях от Брэнтфорда, в Каннинге, предместье городка Париж. В какой-то момент эти земли должны были стать частью города, планировалось проложить сюда железную дорогу, построить станцию и нанести городок на карту. Но железная дорога была проложена только до Парижа, Каннинг остался все тем же прелестным тихим местечком с двадцатью домами в окружении холмов, между которыми петляет река. Для нашей семьи это было счастливым подарком судьбы. Здесь наш дом, где мы выросли сами, а потом растили своих детей. А для Уэйна наша ферма – просто спасение.

Спросите его о бабушкиной ферме и вы увидите, как смягчится его лицо: он вспоминает счастливые времена. До сих пор, когда ему хочется сбежать от своей популярности, от хоккея, от интервью и приемов и побыть самим собой, он приезжает домой в Брэнтфорд и прячется на ферме.

«Иногда, – говорит Уэйн, – я тайком уезжаю туда и просто гуляю по берегу реки. Я не заядлый рыбак, но я люблю поудить рыбу на берегу нашей речки... Я знаю, что ничего не поймаю, но... там можно просидеть часа полтора и не увидеть ни одного человека. А мне так хочется побыть одному. Мне это просто необходимо».

Мой отец умер в 1973 году. Мать осталась на ферме с моей больной сестрой Эллен. Они могли бы переехать в город, но ферма – их родной дом. И этим все сказано. Мать никогда не продаст ферму, а если бы она вдруг решилась на это, ее обязательно купил бы Уэйн. Для него невозможна сама мысль, что наша ферма уйдет к чужим людям. Для него это убежище от всех тягот жизни хоккейной звезды. «Когда я еду туда, я знаю, что увижу бабулю, и уверен, что она будет рада мне. И я снова чувствую себя просто мальчиком Уэйни».

Между Уэйном и моими стариками всегда была особая близость. А после смерти деда Уэйн еще больше привязался к своей бабуле Марии – моей матери. Может быть, потому, что здесь был его второй дом. Когда Уэйн родился, мы снимали квартиру в Брэнтфорде, а свой нынешний дом на Варади-авеню мы купили, когда ему исполнилось семь месяцев. Но даже купив свой дом, мы практически продолжали жить на ферме. В конце недели мы непременно уезжали туда. Рыбная ловля – моя страсть, и я пропадал на реке целый день. Филис же приходилось оставаться в доме. (Иногда, когда я возвращался, она дулась и не разговаривала со мной. Ну, рыбаки знают все это...) Однако мое отсутствие имело и свои плюсы. До появления Филис мать моя плохо говорила по-английски, только по-польски и по-украински. Филис не знала этих языков, так что матери пришлось поневоле совершенствоваться в английском.

Мать никогда не забывала о своем польском происхождении. Так же, как отец, она родилась в деревне. В то время дети быстро становились самостоятельными и уроки жизни запоминали навсегда. Поверья и сказки ее родины – у нее в крови. Сейчас немногие верят в приметы, а я иногда вспоминаю: когда Уэйн родился, она сразу сказала, что его ждет удача. Она, конечно, никогда не говорила о хоккее, но всегда повторяла, что он будет богат. С чего она это взяла? Очень просто: у маленького Уэйна были волосатые руки. «Это знак, – сказала

она нам. – Если у малыша волосатые руки и спинка, быть ему богатеем». Уэйну это понравилось. По утрам он осматривал себя: не прибавилось ли еще волос. Если ему казалось, что он стал еще более волосатым, он бежал поделиться радостью с бабушкой. Она улыбалась: «Волосатый – значит богатый».

Твердо веря в свои приметы, она была и по-крестьянски практична. Когда Уэйну было пять лет, он заявил ей, что у него когда-нибудь будет автомобиль. И она стала понемногу откладывать из своей пенсии. Она просто зарывала деньги возле дома. В день его шестнадцатилетия у нее было все готово.

– Я хочу купить тебе машину, – сказала она. – Надо только откопать деньги.

Уэйн поблагодарил ее, но отказался от такого дорогого подарка.

– Ладно, – согласилась она. – Я куплю тебе все-таки машину, а ты мне потом отдашь деньги.

Через год, когда Уэйн стал профессионалом, он купил в Индианаполисе «понтиак» и приехал на нем на ферму.

– Ну как, бабуля, нравится тебе моя машина?

Мать долго смотрела то на новый автомобиль, то на своего внука.

– А что же мне теперь делать с моими четырьмя тысячами? – спросила она.

Больше она денег в кубышку не складывала, хранила их в банке.

Часто удивляются тому, что все мои сыновья так рано начали играть в хоккей. Кажется, люди считают, будто я эдакий фанатик хоккея, насильно выпихиваю их на лед. Нет, все получалось само собой, просто иначе в нашей семье, наверное, и быть не могло. Сам я играл в детской команде Парижа и пять лет в юниорах «Б» в Вудстоке. Зимой прямо за порогом дома на ферме готовый каток – замерзшая река, а в доме – «Хоккейный вечер Канады».

Наша бабуля – большая поклонница спорта вообще и страстная болельщица «Торонто Мэйпл Лифс». В то время ее любимым игроком был Фрэнк Маховлич. Когда Уэйн подрос и его кумиром стал Горди Хоу, субботние хоккейные вечера стали еще интереснее, особенно когда встречались «Мэйпл Лифс» и «Детройт Ред Уингз». Через несколько лет сбылась заветная мечта Уэйна: он играл рядом с Горди Хоу в команде «Олл Старз» ВХА против советской сборной. Он подарил бабушке фотографию: он с Хоу на льду в форме сборной Канады. На фотографии он написал: «Бабуля, жаль, это не Фрэнк, но и Горди ведь хорош!»

Теперь, конечно, игрок номер 1 для нее Уэйн. А уж сколько она собрала его фотографий, вырезок статей о нем... Большую часть нашей коллекции мы храним тоже на ферме, потому что «призовая» комната в подвале дома в Брэнтфорде стала тесновата. Но бабушке и Эллен не нравится, когда фотографии их любимца лежат в шкафах пачками. Поэтому все стены дома на ферме увешаны фотографиями Уэйна. Иногда, когда кто-то приезжает, я убираю хотя бы часть из них. Но в следующий приезд обнаруживаю их на прежних местах. Что ж, Фрэнку Маховличу остается только оплакивать непостоянство сердца Марии Гретцки.

Так вот, в те не столь уж давние времена мы все собирались вокруг телевизора, и Уэйн крутился здесь же, подражая игрокам на экране со своей маленькой клюшечкой, и забивал голы своей бабуле. Его так увлекало это занятие, что нередко дело кончалось слезами.

В ту зиму Филис подарила ему его первые коньки. Я обрезал клюшку до нужного размера. Уэйна запаковали в обычную прогулочную амуницию: теплые рейтузы, куртку, шапочку, шарф, намотанный до самых глаз. Он стоял на пороге, притопывая от нетерпения. Но мне предстояло еще одно важное дело. Я должен был зарядить свою кинокамеру. Я вообще страстный кинолюбитель. А уж первый шаг или первое падение своего сына на льду я не мог не снять на пленку.

Пока мы добрались до реки, малыш был готов лопнуть от нетерпения. Для него это был великий день: в первый раз он катался на коньках и в первый раз у него болели ноги, отогревавшиеся после мороза в теплом доме. Но ему было не до того: надо было уговорить бабушку сесть в большое кресло и быть вратарем. Конечно, кататься на коньках хорошо и весело, но хоккей это совсем другое дело. Может быть, он решил, что остается слишком

мало времени, чтобы освоить все тонкости игры – ведь совсем скоро, 26 января 1964 года ему уже исполнится три года.

Ферма была не только хоккейной «базой». О таком местечке мог бы мечтать любой городской мальчишка.

Зимой здесь можно кататься на коньках и играть в хоккей, летом – купаться, ловить рыбу, мастерить плоты и плавать на них. Маленький Уэйн не замечал смены времен года. И в тридцатиградусную жару он в своем хоккейном костюме бил клюшкой по резиновому мячику. После ужина мы с ним играли в бейсбол: я ловил, Уэйн подавал, лупил битой по мячу.

Не всегда мы могли проводить на ферме столько времени, сколько хотелось Уэйну. Став постарше, он так увлекся спортом, что у него не оставалось и минуты на что-нибудь еще. В школе он играл в бейсбол, футбол и баскетбол, занимался бегом. Он был игроком городских команд по хоккею и бейсболу, участвовал в состязаниях по бегу, играл в гольф да еще три раза в неделю ходил в зал тяжелой атлетики. Он любил ферму и очень любил спорт, пришлось ему учиться совмещать приятное с полезным. Работу на ферме он сумел превратить в тренировки.

Кормить цыплят являлось его обязанностью. Птичник был окружен проволоочной изгородью. Уэйн прыгал через нее, как через планку для прыжков в высоту. Потом он сам сделал яму для прыжков. Мы вбили несколько гвоздей в два столба возле нее, он отправился в лес и сделал планку из срубленного деревца. Он вырыл сам и яму для прыжков в длину. Так что к его услугам был собственный стадион, и, если ему приходилось почему-либо пропускать тренировку по легкой атлетике, он мог позаниматься дома сам. Сыграв в школе в бейсбол или футбол, он приходил домой, ел и отправлялся тренироваться на свой стадион.

Часто его ждали в двух командах в двух разных местах. Однажды в воскресенье он сыграл в Чэтэме, а когда матч закончился, мы вскочили в машину и погнали в Гамильтон, где он был заявлен подающим в бейсбольном турнире.

Слава богу, мы успели вовремя, Уэйн набрал 19 очков, игра была выиграна, и мы поехали домой.

Позже, когда у него появились братья и сестра и дел у нас с женой прибавилось, Уэйну летом пришлось выбирать либо бейсбол, либо лакросс.⁸ Просто не хватало времени поспеть всюду. Легкой атлетикой он мог заниматься сам дома. А вот с лакроссом пришлось проститься. Жаль, конечно. Ему нравилась эта игра и он делал в ней определенные успехи. Но если вы сейчас спросите его о лакроссе, он скорее всего со смехом расскажет вам о разбитом окне в доме на ферме, а не о памятных голах.

Как-то Уэйн дурачился с ракеткой, подкидывая мяч, и вдруг тот отскочил в оконное стекло.

Дед не очень рассердился. В конце концов мальчишки есть мальчишки. Он отправился в Париж, привез оттуда новое стекло и, пока мы рыбачили, принялся вставлять его. Отец все делал очень добросовестно: стекло должно быть подогнано точно, замазка должна лежать совершенно ровно. Это была непростая работа. Он любовался результатом, когда мы вернулись с реки.

Надо сказать, что отец мой делал свое домашнее вино и хранил его в подвале. Вот и в тот жаркий день после поездки в город за стеклом, после трудов по починке окна он решил, что не грешно пропустить глоточек. Он откинул дверцу подвала, исчез внутри... и вернулся как раз вовремя – мяч влетел в то же окно.

На секунду все замерли. Я не знаю, кто был поражен сильнее, но Уэйн первым сообразил, что делать. Он пустился наутек.

Дед зарычал, схватил палку и побежал за ним. Уэйн бежит и хохочет, дед орет, а мы

⁸ Лакросс – командная игра типа хоккея на траве с мячом и специальными ракетками с сеткой. Популярна в Северной Америке.

стоим и не знаем, за кого «болеть». Почему Уэйн смеялся? Да просто, оглянувшись, он увидел, что за дедом, нагоняя его, бежала бабушка. Тоже с палкой в руках. Но грозила она этой палкой деду.

Задний двор нашего дома в Брэнтфорде теперь стал настоящей достопримечательностью. В каждой книге об Уэйне о нем упоминают: там находится каток, где учился стоять на коньках знаменитый Гретцки и где его отец сделал из него звезду. Отчасти это так. Я действительно залил каток на дворики позади нашего дома, когда Уэйну исполнилось четыре года. Но он не учился там кататься на коньках. Этому он учился на льду реки на нашей ферме и на городских катках. И заливал-то я этот каток вовсе не для того, чтобы вырастить из сына великого хоккеиста. Причина была более серьезной: мне надоело мерзнуть.

Видите ли, когда мы поставили его на коньки, самым сложным оказалось увести его со льда. Ему это дело очень понравилось. Он все время приставал, чтобы мы ехали на ферму или водили его каждый вечер на каток в парке. Ему все было мало. Недалеко от дома был открытый каток. Когда ему исполнилось три года, я стал водить его туда. Все-таки поближе к дому, все полегче.

Но не тут-то было. Уэйн радовался, а я проклинал зиму. Я пускал его на лед, а сам ждал в машине. Другие дети, покатавшись немного, собирали вещи и отправлялись по домам. Уэйн продолжал кататься. Вот уже все разошлись, остались мы вдвоем: на льду – счастливый Уэйн, а в машине – я, уже превратившийся в сосульку. И однажды вечером, оттаивая в теплой кухне, я сказал Филис: «Все. Я уже промерз насквозь. Я понимаю, что он хочет ходить на каток в парк. Но я не думал, что он решил там поселиться. Следующей зимой залью задний двор и пусть он там торчит сколько хочет». Так что этот поступок был продиктован вовсе не какими-то честолюбивыми замыслами, а просто заботой о своем здоровье.

В первый раз я залил этот каток зимой 1965 года и с тех пор делаю это каждый год. (Не всегда это легко сделать. Однажды сломался наконецник на шланге, когда я заливал лед. Надо было идти в магазин и покупать разбрызгиватель для полива газонов. Дело было в декабре. Представляете, каким идиотом выглядит человек, требующий в магазине поливалку для газона в середине зимы? Выход был один: я послал Филис. Она вернулась с покупкой, но заявила: «В следующий раз пойдешь сам. Продавец решил, что я сумасшедшая».) Наш каток стал местом для катания всей соседской детворы. Мы провели электричество из нашей сушилки, а сосед включал фонарь над своим гаражом, и ребята могли кататься, пока родители не загоняли их домой. Уэйн иногда подкупал соседских мальчишек монеткой, чтобы они не уходили, если он еще не накатался.

На следующую зиму я попробовал записать Уэйна в детскую команду. Ему было пять лет, он буквально жил на катке и все время приставал ко мне с вопросом, когда же он будет играть в настоящей команде?

– Когда я тебя запишу, – отвечал я ему.

Он ничего не знал о записи и регистрации, о том, что нужно делать это за много недель. Он понимал одно, что хоккеем – это команда, а он еще не играет в команде. Я решил попробовать. Это сейчас все легко и просто, потому что созданы лиги для пятилетних. А тогда в детские команды в Брэнтфорде принимали с десяти лет. Уэйна не взяли. Как он огорчился!

Я успокаивал его как мог, говорил, что нужно тренироваться в любом случае.

– Видишь ли, ты мелковат для хоккея, но если ты будешь хорошо владеть шайбой и внимательно играть, то, может быть, это тебе не будет мешать.

– Ладно, – сказал он.

В ту зиму он был готов ночевать на катке. Он раз за разом проводил шайбу по лабиринту из пластиковых коробок, поставленных на лед, вполне серьезно занимался техникой скольжения и учился держать шайбу на клюшке. Когда его пытались завести в дом, дело доходило до скандалов.

На следующий год за несколько недель до начала сезона 1967/68 года он углядел в газете объявление об открытом конкурсе в команду новичков. Смотр проводился в спортивном центре.

Когда мы явились, лед был заполнен мальчишками. Уэйн – такой маленький, казалось, он потеряется в толпе. С тренерами я не был знаком. В то время я вообще мало кого знал в Брэнтфорде. Так что я просто пустил его кататься в эту круговерть. А Дик Мартин, ставший первым тренером Уэйна, заметил его, не посмотрел на его рост и возраст и взял в команду. Уэйн был таким маленьким, что, когда он забил свой единственный гол в том сезоне (вот, кстати, вопрос для викторины: наименьшее число шайб, забитых Гретцки за сезон, – 1) и друзья по команде кинулись его поздравлять, «герой» не был виден из-за спин.

Потом в раздевалке его поздравил помощник тренера Боб Филипс: «Это твой первый гол, Уэйн, – сказал он. – Потом будет еще много голов».

Никто не знал тогда, как он был прав.

Вот так на семейной пригородной ферме, на крошечном катке позади родного дома и начиналась большая дорога, которая провела Уэйна по всему Североамериканскому континенту, а потом и по всему миру. Но уже появились Ким, Кейт, Глен и Брент, и нам приходилось разрываться и спешить одновременно в сто мест. Непросто выдерживать эту лихорадочную спешку, пока ей конца не видно, и все же ни одной минуты нашей жизни мы не поменяли бы на другую.

Знаете, я до сих пор храню ту пленку, заснятую на замерзшей реке. На ней видно, как небольшой ворох одежек оступается, падает, поднимается на ноги, делает пару шагов и снова падает. До 99 номера еще далеко.

Легенда о Белом Вихре

«Мы хотим номер девять! Мы хотим номер девять!»

Восьмилетний болельщик из Квебека. Февраль 1974 года

Пожалуй, легенда о Белом Вихре не возникла бы, не опаздывая мы в тот день на тренировку.

Вскоре должен был начаться новый сезон. Уэйну – двенадцать лет. Ему нужны новые хоккейные перчатки, но он, как всегда, спохватился в последнюю минуту. И вот мы в спортивном магазине Джерри Голлауэя, нашего доброго знакомого, ищем перчатки. Тренировка начинается через полчаса, а ехать до катка двадцать минут. Так что времени особо капризничать нет.

Джерри на нашу просьбу подобрать перчатки ответил: «Есть у меня кое-что как раз для тебя, Уэйн». И полез куда-то на верхнюю полку. Порывшись в коробках, он достал пару перчаток – белоснежных. Он только успел достать их, как я сразу закричал: «Убери. Только белых перчаток не хватало, его засмеют».

Джерри хорошо знал меня и то, как я выбираю экипировку для ребят: все должно быть самым легким, а перчатки очень тонкими и эластичными. Рука должна чувствовать клюшку через перчатку. И если Джерри говорит, что это хорошие перчатки, значит, они действительно хорошие. Но цвет! Уэйн Гретцки в белых перчатках? Лишний повод подразнить его? Ни за что!

– Уолтер, ты посмотри, какие они мягкие! – настаивал Джерри. – Уэйн, примерь. Ничего не говори, просто примерь.

Уэйн натянул перчатки.

– Отлично, папа. Просто замечательно.

– Тебе я продам их за те же деньги, что они обошлись мне, – уговаривал Джерри.

– Да их у тебя никто никогда не купит из-за цвета, – отбивался я.

Стоили они недорого, около шести долларов, по-моему. Уэйн шевелил пальцами в новых перчатках.

– Посмотри, пап. В них прекрасно чувствуешь клюшку. Мы уже опоздали на тренировку.

– Слушай, Уолли, – сказала наконец Филис, – возьми их. Люди все равно будут говорить. Не об этом, так о другом.

Я взглянул на Джерри:

– Ты понимаешь, что ты наделал?

– Да ну, – отмахнулся он. – Все к ним привыкнут. Не волнуйся!

Шесть месяцев спустя, когда понадобились полицейские эскорты, чтобы вывести Уэйна с одного катка и провести на другой, и одиннадцать тысяч болельщиков собрались в Квебек-Сити, чтобы посмотреть на игру мальчика, которого они называли Le Grand⁹ и Белым Вихрем, я вспомнил Джерри. «Люди к ним привыкнут!» Как бы не так!...

Куда бы ни ехала команда, слышалось: «Посмотрите, вот это красавец в белых перчатках!» Даже Чарли Генри, в то время тренер «Оттава Вояджерс», ставший потом близким другом нашей семьи, считал, что белые перчатки – это чересчур. Он говорил: «Перчатки такие белые, что кажется, будто они светятся. Выглядит он в них шикарно, что и говорить, но ему ведь не придется играть в темноте».

Проще всего было выбросить эти перчатки и купить что-нибудь менее приметное, но Уэйн уже привык к ним. Это были действительно хорошие перчатки. Он их долго хранил. Для него это был полезный урок на будущее: делай, как считаешь нужным, не обращай внимания на то, что говорят на трибунах.

Он до сих пор помнит эти белые перчатки. Помнит их и Джерри. Через несколько лет мы зашли в его магазин купить перчатки уже для Кейта. Джерри даже глазом не моргнул. Он тут же полез на верхнюю полку.

– Есть тут у меня одна пара для вас, Уолтер, – сказал он, доставая перчатки из коробки. Перчатки были белоснежными.

Уэйн относился к своим занятиям очень серьезно, как это умеют делать только дети. Если назначена игра, он должен в ней участвовать. Если нужно играть два матча – еще лучше. Ему было лет девять, когда он играл в двух встречах на двух аренах в один день.

В то время разрешалось играть в один год и в младшей, и в старшей детской группе, если возраст мальчика соответствовал правилам и если у него было разрешение на участие в турнирах. В тот год Уэйн играл в двух турнирах: в Хеспелере за команду старшей группы, которую я тренировал,¹⁰ и в Уэлланде в турнире «Серебряная клюшка» за команду младшей группы под руководством дяди, Боба Хоккина, брата Филис. Хеспелер отстоит от Брэнтфорда на 15 миль, Уэлланд – на 60 миль. Между ними – 75 миль. С переездами туда-сюда было немало суеты, но, пока дело не дошло до финальных игр, трудности были только у нас с матерью.

Мы уже заранее решили, что Уэйн не поедет на финал в Уэлланд. До этого было так: скажем, вечером – игра в Хеспелере, а на следующий день – матч в Уэлланде. Но оба финала были назначены на воскресенье: утром – в Уэлланде, днем – в Хеспелере. Две решающие игры в один день – это было слишком. Уэйн был обязан прежде всего выступать за свою команду в Хеспелере. Поэтому мы сообщили Бобу, что не приедем в Уэлланд. Боб согласился, что Уэйн должен играть в Хеспелере.

И вот настал день финальных матчей. Рано утром я проснулся от громкого плача. Рыдал Уэйн. Он хотел ехать на игру в Уэлланд.

Я обдумал ситуацию. Уэйн расстроен и огорчен. Много ли будет пользы команде, если он в таком состоянии выйдет на площадку? Если же постараться хорошенько все организовать да если еще немного повезет...

⁹ Великий (франц.)

¹⁰ Уолтер Гретцки два года тренировал на общественных началах детские хоккейные команды.

Я разбудил Филис: «Звони Бобу в Уэлланд. Скажи ему, что мы уже выехали, может быть, немного опоздаем, но пусть он заявит Уэйна на игру».

И мы помчались. Уэйн прямо в машине надевал форму, коньки и прочее. Менеджер команды стоял у дверей, когда мы подъехали. Он не стал ждать ни секунды, открыл дверцу машины, подхватил Уэйна, внес его и посадил на скамейку команды. Как раз начинался второй период. Потом Боб мне рассказывал, что игра уже началась, когда позвонила Филис. «Когда об этом узнали ребята, по скамейке как будто пробежал ток. А потом новость как-то дошла до трибун. Я слышал, как ребята и болельщики перешептывались: „Гретцки едет. Он будет играть!“»

Сначала мне показалось, что игра не стоит свеч. Брэнтфорд проигрывал 0:2, когда мы приехали, а вскоре счет был уже 0:5. Тренер соперников построил оборону так, чтобы остановить Уэйна. Один встречал его на синей линии, двое – сразу за ней. В то время в детском хоккее были разрешены силовые приемы, и Уэйн никак не мог прорваться сквозь защиту. В третьем периоде расстроенный неудачами, огорченный обидными криками с трибун, он был готов заплакать. Боб как бы мимоходом взглянул на него и сказал очень спокойно: «Попробуй-ка обходить их по одному. Еще не все кончено».

И Уэйн начал разрушать оборонную стенку. Он искал щели в этом треугольнике защитников и, найдя, бил по воротам. Он забросил четыре шайбы, и Брэнтфорд выиграл 6:5.

Но времени праздновать победу у нас не было. Матч в Хеспелере был назначен на час дня.

Я завел машину и открыл дверцу. Боб вынес Уэйна, чтобы не тратить времени на смену ботинок. Парень, стоявший у дверей, когда мы подъезжали, совсем обомлел от удивления: «Боже, первый раз такое вижу. Внесли мальчишку на каток, а теперь выносят!»

Мы успели. Пулей долетели до Брэнтфорда, заскочили домой: я схватил форменный свитер команды, а Уэйн выпил стакан молока – и понеслись в Хеспелер. Уэйн помог Брэнтфорду выиграть и эту встречу. Но эта игра была обычной, как бы разрядкой после утренней. В общем, воскресенье провели не без пользы.

Через год на турнире в Питерборо выдалась игра, очень похожая на матч в Уэлланде. Команды играли на катках, разбросанных по всему городу. «Китченер Краутс» ждали начала игры, когда прошел слух, что «Брэнтфорд» выбывает из борьбы. «Перед третьим периодом проигрывают 0:5. Они вылетят», – переговаривались возбужденно ребята.

Но тренер охладил их пыл: «Не радуйтесь заранее. У них в запасе третий период, да и Гретцки еще не играл». Это звучало глупо, ведь период для этой возрастной группы продолжался всего 15 минут. Но Мюррей знал, что говорит.

Прошла минута третьего периода, Боб сменил Уэйна, обнял его за плечи и сказал: «Слушай, Уэйн, у нас есть еще целый период впереди. Ты можешь забить столько, что мы выиграем». И снова выпустил Уэйна на лед. В следующие десять минут Уэйн устроил целое представление. Он забил пять голов и сравнял счет. Потом за минуту до конца он ударил издалека. Шайба пролетела над воротами, отскочила от ограждения, попала в спину вратарю и упала в ворота на радость победителю.

Повезло? Конечно. Но нужно было забить до этого пять голов, чтобы везение принесло победу.

Истории вроде этой привлекли внимание. И вскоре команды из других городов стали наперебой приглашать «Стиллерз» на свои катки. Портреты Уэйна начали появляться в программках турниров. «Спешите видеть Уэйна Гретцки!», «В субботу на льду десятилетний снайпер из Брэнтфорда!». Публика живо интересовалась мальчишкой, который играл против ребят повзрослев и забивал так много. Любопытство приводило болельщиков на трибуны, а значит, превращалось в деньги, которые шли на развитие местного детского хоккея. В 1972 году, например, на турнире «Золотая подкова» в Берлингтоне за шесть дней побывало 30 тысяч зрителей. Уэйн не был единственной приманкой – в играх принимали участие шестьдесят четыре команды из всех провинций Канады и штата Нью-Йорк, – но, несомненно, главной приманкой был он.

В конце последнего для Уэйна сезона в «Стиллерз» они играли показательный матч в Милтоне. Там неподалеку, в Брэмптоне, живут наши родственники, поэтому мы выехали накануне вечером и договорились, что Уэйн присоединится к команде уже на месте. Но в Брэмптоне был в тот день какой-то парад, мы попали в пробку и не успели к началу игры. Деятели из местного хоккейного клуба заранее разрекламировали участие Уэйна Гретцки в матче. И к тому времени, когда мы наконец добрались до катка, они всю наседали на Боба с обвинениями в обмане, он-де обещал им Гретцки, а его нет. Слава богу, что машина не сломалась. Уж не знаю, что было бы с Бобом, не окажись мы на месте.

Иногда все это выглядело странно и неправдоподобно. Вот нормальный мальчик с обычными детскими выходками, но достигший больших успехов в спорте. Однако как только этот обычный мальчик встает на коньки, окружающие начинают к нему относиться как к взрослому.

Приходилось ли вам слышать, чтобы девятилетнему мальчику понадобился полицейский эскорт, чтобы выйти с катка? Уэйну понадобился. Они играли в Уэлланде решающие игры на первенство зоны. Вдруг прошел слух, что несколько подростков, братишки которых играли против Уэйна, решили поколотить его. Руководители детского хоккея в Уэлланде решили сделать все, чтобы избежать неприятностей. Они задержали Уэйна после того, как все ребята разъехались, и отправили его к выходу в сопровождении полицейского. Об одном они забыли: предупредить меня. Когда он не вышел со всей командой, я испугался. А когда он появился в сопровождении полицейского... Ну, в общем, это был еще один волнующий денек в нашей жизни.

Уэйн установил столько снайперских рекордов, что даже его поклонники стали воспринимать его невероятные результаты как нечто обычное. Однажды я не смог прийти на игру и на следующий день расспрашивал второго тренера команды Брайана Уилсона, кстати, близкого друга нашей семьи и горячего поклонника Уэйна Гретцки, о том, как прошла игра.

– Старик, вчера Уэйн играл из рук вон плохо, как щенок... Его будто подменили, – сказал он.

– Постой, постой, – возразил я. – Разве они не выиграли 7:6?

– Ну выиграли, – подтвердил он.

– Но Уэйн же забил все семь голов!

– Да, – нехотя согласился Брайан, – но я никогда не видел, чтобы он играл так плохо. Говорю тебе, играл как щенок.

Что тут скажешь! Однажды Уэйн просто вывел Брайана из себя. Ну, эту историю никто не рассказывает лучше самого Брайана. А рассказывает он так.

«Я работал помощником тренера, когда Уэйну было двенадцать. Я впервые стал детским тренером и не сразу понял, что к мальчишкам нужен особый подход. Я всегда считал, что если ты играешь в команде, то должен отдавать шайбу, а Уэйн подолгу держал ее. Он играл в защите и водил шайбу с одного конца площадки на другой. Шесть, десять соперников – ему было все равно.

Однажды тренировка была посвящена отработке навыков обороны. Уэйн забирает шайбу, проходит с ней каток из конца в конец, бьет по воротам, вратарь отбивает. Уэйн отправляется в угол подбирать шайбу (он отлично умеет забрать шайбу в углу и в любом другом месте площадки) и снова собирается катиться к чужим воротам. Но он ведь защитник, и я кричу: «Иди назад! Иди назад!»

Уэйн послушно откатывается назад, но я вижу, что он чертовски зол на меня. А в тот же день вечером я играл в защите за команду любителей. Где-то в середине игры я подобрал шайбу за своими воротами, прокатился к чужим воротам, бросил, шайба отскочила в угол. Я бросился туда за шайбой. А ведь я – защитник.

И вот борюсь я в углу за шайбу. Стекла не было, только бортик. А за бортиком лицом к лицу со мной Уэйн. И кричит: «Ты – защитник! Что ты делаешь здесь, в углу?»

Мне-то понятно, о чем он. Все смотрят на меня а может быть, мне только показалось. Может быть, они не поняли, что он имел в виду, но я понял. И подумал: «Прибил бы эту

вредину!»...

И еще один пример, как иногда люди даже при самых добрых намерениях забывают, что они имеют дело всего лишь с ребенком. Но эта история – также пример замечательной чуткости великого Горди Хоу.

В 1972 году Горди был гостем на обеде в честь великих спортсменов в Брэнтфорде. Список почетных гостей выглядел внушительным, если не сказать больше. Защитник «Торонто Аргонотс» Джо Тисман, бывший тренер «Чикаго Блэк Хоукс» Руди Пилоуз, звезда бейсбола Сол Мэгли, Том Мат из «Балтимор Колтс» и... одиннадцатилетний Уэйн Гретцки (рост 143 см, вес 36 кг), только что закончивший сезон с 378 голами.

Уэйн, понятно, нервничал. Успокаивало его одно: ему не нужно было, как остальным гостям, произносить речь. Так договорились заранее. Но произошла какая-то ошибка, и Уэйна пригласили к микрофону.

Уэйн совсем растерялся. Он стоял перед микрофоном, молчал, щеки его пылали. Тогда со своего места встал Горди Хоу, подошел к микрофону, обнял Уэйна и сказал: «Тому, кто делает на льду то, что сделал этот малыш, не нужно говорить ничего». Все зааплодировали, а Уэйн сел на свое место, чуть не свихнувшись от волнения и счастья. Горди – мастер красивых жестов.

Вообще Горди во многом помог Уэйну. В день того знаменательного обеда они ехали вместе в лимузине в банкетный зал, и Горди спросил, тренирует ли Уэйн бросок слева. «Не забывай работать над этим ударом», – сказал он. И Уэйн никогда не забывал. Его первый гол в юниорской лиге «Б», и первый гол в юниорской команде «А», и первый гол в ВХА, и первый гол в НХЛ – все были забиты броском слева. Когда Хоу советует, все умные игроки слушают. Неважно, в какой лиге они играют. Потому что Горди может помочь вам в том, о чем вы даже не подозреваете. Как он помог Уэйну со свитером сборной «Олл Старз».

Когда вы в следующий раз будете смотреть игру Уэйна, обратите внимание на его свитер. Справа свитер заткнут за пояс. Он так делал с самого начала и теперь, наверное, уже не изменит привычки. Некоторые видят в этом желание выделиться. Но это не так. Это просто привычка.

Когда ему было шесть лет и он играл в команде с десятилетними мальчиками, хоккейная форма ему была страшно велика. Свитер свисал до колен. Поскольку он всегда играл, на два-три года опережая свою возрастную группу, а форму выдавали исходя из среднего возраста команды, то всегда и везде для него проблема с формой повторялась. Я заправлял ему свитер с одной стороны за пояс, чтобы он не мешал играть. Потом, когда он вырос и форма была ему впору, привычка эта так глубоко укоренилась, что стала просто автоматической – перед игрой он механическим жестом запихивает свитер за пояс.

А потом была игра «Олл Старз» ВХА сезона 1978/79 года в Эдмонтоне. И вдруг оказалось, что когда-то одиннадцатилетнему почетному гостю уже почти восемнадцать и он будет играть со своим кумиром в одной команде. Но как обычно, свитер «звездной» команды был тоже велик. И как обычно, Уэйн заткнул его справа за пояс. Но Горди это не понравилось. «Снимай-ка», – потребовал он. И Горди Хоу, живая легенда канадского хоккея, взял в руки иголку с ниткой и подогнал свитер по фигуре.

Уэйн до сих пор затыкает свитер за пояс. Но ведь Горди не играет в «Ойлерз», и некому корить Уэйна.

Много у нас сохранилось воспоминаний о годах, проведенных Уэйном в детском хоккее: голы, рекорды, турниры, напряжение и трудности, забавные случаи. Но одно происшествие я запомнил лучше других. Детский турнир 1974 года в Квебеке был выдающимся событием.

Пятнадцатый Квебекский международный детский хоккейный турнир был задуман как самые представительные соревнования такого рода в мире. Шестьдесят пять команд из Канады и США соревновались в четырех подгруппах, когда «Туркстра Ламбер» из Брэнтфорда пробилась в этот турнир в 1974 году. За право участвовать в этом турнире нужно было соревноваться, хотя некоторые команды прибыли в Квебек по приглашению. Сначала

необходимо было занять первые места в своей подгруппе к Рождеству. В теории слабых команд не бывает. Ребята играли в «Колизее» в Квебек-сити, на площадке «Квебек Нордикс». И казалось, что на эту неделю мальчишек из детской лиги перевели в НХЛ. Игры собирали толпы зрителей и в будни, а к полуфинальным играм зал был заполнен до отказа.

Газеты просто сошли с ума. Когда команда Брэнтфорда приехала на турнир, в одной из газет появилась большая статья под заголовком: «В город ворвался торнадо Гретцки!» На их первую игру собралось 10 тысяч зрителей. Когда «Брэнтфорд» выиграл у «Техаса» со счетом 25:0, а Уэйн забил 7 голов и сделал четыре голевые передачи (повторив, таким образом, рекорд результативности в одном турнирном матче, принадлежавшем Ги Лафлеру), казалось, что только о нем и говорит весь город. Один журнал посвятил Уэйну весь первый разворот. Заголовок был набран красным шрифтом такого размера, каким, наверное, пишут об объявлении войны: «В одиннадцать лет – 950 голов, в этом году – 140, вчера вечером – 7!» Они, правда, немного напутали с возрастом, но в остальном все было верно.

Первая победа, однако, не доказывала ничего. Команда «Ричардсон» из Техаса была новой, ее игроки приехали впервые на турнир набираться опыта и сразу в первом круге наскочили на крепкую команду из старой хоккейной лиги с хорошими традициями. Они катались только два года, не имели прочных хоккейных навыков и никогда до этого не играли перед толпой зрителей больше ста человек. Когда они выехали на лед «Колизея», увидели многотысячную толпу на трибунах, посмотрели на разминку «Брэнтфорда», то впали в панику. Потом их тренер объяснил: «Тот парень, что стоял у нас в воротах в этом матче, никогда раньше этим не занимался. Но что нам было делать? Наш постоянный голкипер просто заболел от страха».

Этот матч вовсе не был достойным испытанием для команды Брэнтфорда и для Уэйна. Но семь голов – это семь голов. И газеты были полны историй о мальчишке из Брэнтфорда, забившем 378 голов за один сезон. Все хотели посмотреть на него. Приезжали репортеры из Монреаля и Торонто. Маленькие девочки хотели получить у него автограф. Люди толкали друг друга и говорили, когда он проходил мимо: «C'est le grand Gretzky!»¹¹

А ему только месяц назад исполнилось тринадцать лет. Он был мал ростом для своего возраста, очень стеснителен, легко краснел и хотел одного: просто играть в хоккей.

Это был большой турнир, и для Уэйна – событие захватывающее. Он хотел бы побродить по знаменитой спортивной арене и осмотреть все вокруг, ведь это был дом знаменитого клуба. Но он не мог этого сделать, потому что, где бы он ни появился, его окружали любители автографов. Наконец он придумал.

Грег Стефан, вратарь «Брэнтфорда», тоже был блондином и примерно того же роста, что и Уэйн. На рукавах клубных пиджаков команды Брэнтфорда были нашивки с фамилиями мальчишек. Так что, когда Уэйн хотел пойти куда-нибудь неузнанным, он просто менялся пиджаками с Грегом. «Я немного побуду Грегом, а Грег – мной. Интересно, сколько ребят получили сегодня мой автограф в исполнении Грега?» – смеялся он.

Во втором матче «Брэнтфорд» выиграл у «Беконсфилда» 9:1. Уэйн немного простыл, но честно отыграл всю игру. Забил два гола и сделал три передачи. К этому времени стало сложно раздобыть билеты даже для родителей участников. Трудности такого рода меня всегда раздражают. То же самое было и в прошлый раз на турнире «Золотая подкова» в Берлингтоне, тогда я попал просто в неловкое положение. Я встал в очередь за билетами для всех нас. Когда наконец я добрался до окошка кассы и купил билеты, решил сразу приобрести билеты и на следующую игру. Но кассирша сказала, что я смогу получить их только завтра. Значит, опять стоять в очереди. И тогда я решил пошутить на прощание.

– Ладно, – сказал я, – приду завтра с сыном, Уэйном Гретцки.

Но девушка не засмеялась. Она почему-то испугалась и прежде, чем я успел остановить ее, выскочила из своей будочки. Вернулась она с каким-то начальником. Он долго извинялся

¹¹ Вот великий Гретцки (франц.)

за что-то передо мной и потом выдал мне пропуск на всю семью. Мне было страшно неловко. Как, пожалуй, никогда в жизни.

«Брэнтфорд» пробился в четвертьфинал, где должен был встретиться с «Верден Мэйпл Лифс». В этой команде тогда играл молодой Дени Савар, сейчас – звезда «Чикаго Блэк Хоукс». Вечером перед игрой Уэйна так часто останавливали любители автографов, что он боялся не попасть вовремя в раздевалку. Наконец он попросил полицейского проводить его.

«Брэнтфорд» выиграл 7:3, причем Уэйн забил три шайбы. На следующий день в монреальской «Стар» тренер «Вердена» задавал вопрос: «Можно ли остановить мальчика, который мыслит, как профессионал? Талант – одно дело, но если у него и голова работает, как надо, то задача становится почти невыполнимой». «Монреаль Матэн» посвятила этой игре целый фоторепортаж на развороте да еще дала фотографию Уэйна на первой странице.

Успех опьянял. Но «Брэнтфорд» и Уэйн мчались к краю пропасти. То ли никто не видел, то ли об этом не хотели говорить, но у «Брэнтфорда» была очень короткая скамейка запасных. В команде имелись хорошие вратари, она много забивала, но в ней было всего тринадцать игроков. Рано или поздно это должно было сыграть свою роль.

Команда «Ошауа», сколько помню, часто выигрывала у нас с перевесом в одну шайбу. Для детской команды Брэнтфорда она всегда была трудным соперником. И вот в полуфинале турнира «Ошауа» снова встретила «Брэнтфорд».

И все повторилось. «Ошауа» опять выиграла. Уэйн, как всегда, играл в защите, но когда счет стал равным 4:4, тренер выдвинул его вперед. Это был рискованный, но точно рассчитанный ход. Матч Уэйн закончил с одним голом и тремя голевыми передачами (всего в четырех играх он забил 13 голов и сделал 13 передач), но «Брэнтфорд» проиграл 4:9.

Мы все были страшно огорчены. Помню, я в отчаянии стукнул кулаком: «Ну, ничего, когда-нибудь я вернусь сюда». Я действительно был на этом катке на первой игре Уэйна в ВХА. Но этот неудачный для нас турнир не оказался бесполезным, он преподал нам несколько уроков на тему детского хоккея. Да и жизни вообще.

Первый, для Уэйна, был дан тут же после игры, на пресс-конференции директором-распорядителем турнира, очень добрым и понимающим человеком. Он заметил Уэйна, сжавшегося в комочек в кресле, с глазами, полными слез, как будто наступил конец света. Он подошел к нему и сказал: «Уэйн, ты должен понять, что в спорте всегда одна команда должна победить, другая – проиграть. Думаю, ты согласишься: побеждает сильнейший. Я понимаю, ты хотел выиграть, но спорт есть спорт. Ты можешь гордиться тем, что многие люди приходили посмотреть твою игру. На всех четырех играх трибуны были заполнены». (Общее число зрителей на турнире достигло 140 166 человек, на 25 тысяч больше, чем в предыдущем году.) «Многие ребята пока лишены возможности играть в хоккей, – продолжал директор. – Все деньги, полученные от этого турнира, пойдут на развитие детского хоккея, чтобы помочь этим мальчишкам. И ты для этого сделал немало».

И еще один урок. Он касается детского хоккея. Я уже не раз говорил, как обманчивы и ненадежны прогнозы, когда маленькие игроки начинают мечтать о карьере профессионалов.

В «Ошауа» был замечательный парнишка Гроув Саттон, забивший в игре с «Брэнтфордом» пять шайб, а к концу победного финального матча с «Питерборо» имевший на своем счету семнадцать голов. Когда закончилась встреча с «Брэнтфордом», тренер «Ошауа» Бил Уайт заявил репортерам: «Тут все говорили о Гретцки. Но я никогда не променяю на него Саттона».

Гроув Саттон так и не попал ни в ВХА, ни в НХЛ. От детского хоккея до профессионального долгая-долгая дорога. И какими бы легкими ни казались первые шаги по ней, это не значит, что тебе удастся пройти этот путь до конца и достичь заветной цели.

«Я не вернусь домой, отец! Ни за что...»

«Позволить тебе играть в юношеской команде „Б“? Против двадцатилетних парней? Ты сошел с ума?»

Уолтер Гретцки. 1975 год

Хоккей дал возможность Уэйну объехать весь мир. Он был в Советском Союзе, играл в Европе, не раз пересек всю Северную Америку. Часто он вбегает в самолет, когда уже собираются убирать трап – такой уж он человек...

Но самым длинным и тяжелым из всех его путешествий был переезд из Брэнтфорда в Торонто, до которого всего 60 миль. Он тянулся четыре месяца, считая поездку в Верховный суд провинции Онтарио. И прежде чем он завершился, я начал думать, что весь мир спятил. Для меня это классический пример того, что получается, когда взрослые усердно вмешиваются в детские игры, даже забывая, для кого, собственно, эти игры существуют.

Шел 1975 год, Уэйну было четырнадцать лет, и мы уже поняли, что обязаны вмешаться в ход событий. Напряженность жизни звезды в родном городе, да еще таком маленьком, оказалась слишком сильной для Уэйна. Нам казалось, детство его испорчено.

Надо знать тогдашнего Уэйна. Сейчас, когда вы видите его дающим интервью на телевидении или на приемах, он общителен, раскован, уверен в себе. Но раньше все было не так. Если кто-то обращался к нему, Уэйн краснел и пытался сбежать. О, интервью он давал и тогда, он привык к ним с шести лет. Но в обычной жизни он был страшно застенчив. Он все таил в себе. Мы боялись, что такая замкнутость может повредить его душевному здоровью.

Казалось бы, наступило самое прекрасное время для него, но он не был счастлив.

Мы с женой хотели только одного, чтобы он жил обычной нормальной жизнью. В Брэнтфорде Уэйн Гретцки жить нормально не мог.

Возможен был один выход: отправить его в другой город, где бы он мог быть просто одним из многих мальчишек, играющих в хоккей. В каком-нибудь большом городе вроде Торонто, где много хороших игроков и он мог бы, как мы думали, затеряться среди них. Кажется, рассуждали мы правильно, но к чему это привело!...

Многие до сих пор гадают: почему мы так поступили? Некоторые считают, что мы думали только о хоккее. И хотели просто-напросто перевести его в лучшую лигу любой ценой. По мнению этих людей, мы выставили из дома собственного сына, чтобы обеспечить ему карьеру. Они убеждены, что мы с женой способны на такое.

Но все обстояло совсем иначе.

Сначала мы были против. Категорически. И – для сведения – идея вообще принадлежала не нам, а Уэйну... Долго мы говорили: «Нет». Но он убедил нас, показав, насколько он повзрослел. Он доказал, что является более зрелым человеком по сравнению с теми взрослыми, которые пытались помешать ему.

В наших поездках на хоккейные и бейсбольные турниры мы познакомились с Сэмом Макмастером, возглавлявшим «Янг Нэйшиналз». Это спортивная организация, имеющая команды во всех подразделениях «Метрополитен Торонто Хокки Лиг» (МТХЛ). В ней зарегистрировано около 10 тысяч игроков всех возрастов. «Янг Нэйшиналз» хорошо организованы и в турнирах, кажется, всегда побеждали или были близки к победе. Уэйн знал команду, относился с уважением к ней и к ее руководителю. И потому, когда однажды Сэм позвонил и спросил сына, как прошел его хоккейный сезон, Уэйн, не колеблясь, выложил ему правду.

«Не очень хорошо», – сказал он. И объяснил. Он играет с одними и теми же мальчишками уже несколько лет и опять будет играть с ними же, ребята они неплохие, но их родители почему-то относятся к нему враждебно. И он очень устал от их бесконечных нападков.

«Ну раз дело так плохо, не хочешь ли ты переехать в Торонто и играть в нашей команде?» – предложил Сэм.

Все вышло совершенно случайно. Сэм вовсе не стремился заполучить нового игрока, ему не нужно было срочно укреплять свою команду или создавать хоккейную империю. Когда Уэйн сказал, что ему очень хотелось бы переехать, Сэм велел ему посоветоваться с родителями и дать знать о нашем решении. Так что на нас никто не давил. Кроме Уэйна.

А он хотел уехать. Он так обрадовался этой возможности. И его реакция на предложение только подтвердила наши опасения насчет невыносимости его жизни в Брэнтфорде. Только он увидел лазейку, как тут же решил ею воспользоваться.

Мы сказали: «Нет». Он наш сын. Мы хотим, чтобы он жил дома. Поищем другой путь. Выход должен быть. Мы не можем отпустить нашего мальчика в Торонто. Мало ли что случится? Пьянки, наркотики... Да есть тысячи способов попасть в беду!... Не поедет, и все. Мы не желали ничего слушать об отъезде.

Но он не отставал. Он просил, мы возражали, он снова просил, мы снова говорили: «Нет». И так до бесконечности. Наконец он решил узнать, почему мы не хотим отпустить его. Он был серьезен и спокоен. Он имеет право знать.

– Брось, Уэйн, – сказал я. – Ты не поедешь. И не проси. Мне надоело спорить об этом.

– Нет, ты скажи почему? – настаивал он. – Ты можешь объяснить? Или вы просто упрямитесь?

Он бил нас нашим же оружием. Филис и я всегда учили детей, что у всего, что делаешь, должен быть резон. Теперь он просил нас объяснить наш отказ. Мы оказались загнаны в угол.

– Ну хорошо, – сказал я. – В большом городе легко можно попасть в дурную компанию и втянуться в ее дела. Да, втянуться, даже если понимаешь, что поступаешь плохо. Только ради того, чтобы тебя приняли за своего парня.

Я никогда не забуду его взгляда в ответ.

– Ты имеешь в виду наркотики и все такое?

– Да, – пришлось признаться мне.

– И это единственная причина?

– Да.

– О'кей, дай мне денег, скажи, какой наркотик тебя интересует, и через полчаса я принесу его тебе.

Сначала я думал, что ослышался. На меня как будто обрушилась тонна кирпичей. И, помню, мне стало не по себе, так я был потрясен. Наш четырнадцатилетний сын заявляет, что наркотики есть везде! Даже в нашем Брэнтфорде есть места, где можно их свободно достать, и если бы он захотел, он бы употреблял их. Но дело в том, что он не собирается становиться наркоманом.

Я посмотрел на Филис. Она только кивнула головой. Уэйн все видел.

– Ну, теперь я могу ехать? – спросил он. Я снова посмотрел на Филис.

– Может, оно и к лучшему, – сказала она.

Мы вдруг поняли, что сын наш достаточно взрослый человек. Правда, пришлось посоветоваться с его учителями, с президентом детского хоккейного клуба. Они выразили свое согласие.

Потом мы поговорили с Уэйном.

– Хорошо, ты можешь ехать, – сказал я.

И больше я не возвращался к этому вопросу.

Однако, как выяснилось, добиться нашего согласия было самым легким делом. Дальше началось такое! Но по порядку.

Уэйн позвонил Сэму и сообщил, что ему позволили ехать. На уик-энд Сэм приехал в Брэнтфорд уточнить детали.

– Ты уверен, что это не против правил? – спросил я его. – Ты уверен, что все получится?

– Дельце простое, мы провернем его так, что пальчики оближешь, – уверенно сказал он.

Тогда вмешалась Филис:

– Хорошо бы обойтись без суда. Он только повторил:

– Дело такое, что пальчики оближешь!

Сначала все шло гладко. МТХЛ разрешила Уэйну играть в Торонто, если его отпустит ассоциация Брэнтфорда и он будет проживать в Торонто. Казалось бы, все хорошо. Рон

Севьер, президент городской ассоциации детского хоккея Брэнтфорда, выдал нам разрешение и пожелал удачи. Билл Корниш, менеджер команды, в которой должен был играть Уэйн, и его жена Рита предложили Уэйну жить у них вместе с их сыном. Он сможет жить в хорошей семье, ходить в школу, познакомиться с новыми ребятами и даже поехать в Европу на товарищеские встречи!... Горизонт для него раздвинется, свистопляска вокруг него исчезнет – чего еще желать?!

И к тому же он будет почти рядом с нами. Я повторял всем потом, когда началась шумиха: «У нас не каменный век. Есть телефон. Он звонит каждый вечер. Приезжает на уик-энд. Мы ездим на игры. От Брэнтфорда до Торонто только 60 миль. Через 90 минут мы вместе. Почему все переживают так, будто мы отправили его одного на Луну?»

Но все вокруг страшно переполошились. Если бы мы послали своего сына в школу, расположенную в два раза дальше, никто бы и слова не сказал. Многие так делают, чтобы дать детям хорошее образование. И мы сделали то же самое: постарались обеспечить мальчику лучшие условия жизни. Причем я не имею в виду лучшую хоккейную команду. Меня всегда изумляло, что люди так считают – мол, мы готовы на все ради хоккея, даже отсылаем из дома сына! Ведь у нас в Брэнтфорде – одна из лучших в стране детских хоккейных лиг. В Торонто больше игроков, но уровень, может быть, такой же высокий, и не более. Все, кто интересуется хоккеем, должны были бы это понимать. Но считают до сих пор, что мы продали Уэйна в рабство. Вот в чем я никак не могу разобраться и сейчас.

С одной стороны, я полагаю, всех возмутило, что для переезда Уэйна в Торонто мы оформили Билла Корниша его опекуном. В детском хоккее есть правило – и это очень хорошее правило! – согласно которому, если я живу в Брэнтфорде, мои дети должны играть в Брэнтфорде. Я за это правило. Но ведь случай с Уэйном был особый. Если бы речь шла просто о переходе из команды в команду, тогда можно было возмущаться нашим поступком. Но дело было в переезде парня в другой город. В Торонто его ждали опекун, его дом. Правительство провинции признало этот факт. Когда мы записывали Уэйна в школу, проблем не было. Он был принят, как любой мальчишка из Торонто.

Но хоккейные деятели все восприняли по-другому. Мы были Гретцки, и мы двигали нашего сына. Мы, считали они, хотим создать для него особые условия...

Пришел сентябрь, Уэйну нужно было регистрироваться. Ассоциация детского хоккея Онтарио (ОМХА) поджидала нас во всеоружии.

Мы не делали секрета из своих намерений. ОМХА узнала о планах переезда еще в июле, и никто тогда не сказал ни слова против. (Если бы ОМХА известила нас, что не утвердит переход, мы бы никогда не пошли на него.) Уэйн получил благословение МТХЛ. Он подписал регистрационную карточку. И вдруг в сентябре – Уэйн уже живет в Торонто, определен в школу – до нас начинают доходить разные слухи.

Сначала Сэму намекнули в хоккейной лиге Торонто (МТХЛ): могут возникнуть осложнения, ОМХА считает, что разрешения городской ассоциации Брэнтфорда недостаточно, для перехода в другую команду ему нужно разрешение ОМХА, а его трудно будет получить.

15 сентября я слушал по радио спортивные новости, и вдруг диктор объявил: «Один из руководителей ОМХА заявил, что Уэйну Гретцки не разрешено играть в Торонто, ведь его родители там не живут».

Надо сказать, Уэйн был не одинок в беде. Родители одного мальчика из Брайтона, провинция Онтарио, тоже устроили своего сына жить под опекой в Торонто и играть в младшей команде «Янг Нэйшиналз». Так что было два одинаковых случая. Просто Уэйну уделили больше внимания.

Сэм написал Алану Иглсону, адвокату и одному из влиятельнейших людей в хоккее, обрисовал ситуацию и попросил помощи. Контора Иглсона выделила нам адвоката, и обе семьи отправились в Торонто, чтобы просить компанию взрослых мужчин позволить двум мальчишкам играть в хоккей. Ребята были с нами, но лучше бы их там не было. Все обернулось так, будто они здесь ни при чем. Борьба шла между взрослыми.

Они нам отказали.

Сколько буду жить, не забуду это заседание. Собралось человек 60 из ОМХА, все в темных брюках и красных пиджаках. Все такие солидные.

Разговор вертелся вокруг да около. Они спрашивали нас, почему он переехал, мы объясняли. Один из них сказал: он понимает, что пришлось пережить Уэйну в Брэнтфорде, он видел его в игре и наблюдал за тем, что творилось при этом. Мы объясняли: нас заботит прежде всего благополучие сына, а не его хоккейная карьера. Родители второго мальчика объяснили свое решение тем, что они хотели определить его в школу с иной системой обучения, но в районе, где он сможет играть в хоккей в своей возрастной группе, а не с более старшими ребятами, как это было в Брайтоне. В нашем случае все оказалось очевидным. Мы думали, что логика победит.

Однако все вышло по-другому.

Джим Кинли, президент ОМХА, сказал: он лично сочувствует нам, но они не могут делать исключений, потому что тогда «каждый сможет воспользоваться этим».

И тут я завелся:

– «Каждый»? Да я не позволил бы уехать из дома даже остальным своим детям! Но ведь ситуация с Уэйном – исключительная. Он – не обычный мальчик. Даже собравшиеся здесь не могут не признать этого!

Но все было напрасно. Мы не могли ничего изменить.

– Считаю, – сказал мистер Кинли, – что в интересах мальчиков жить с родителями. Так будет лучше для них.

После заседания он издал официальный документ, гласивший: «Данное постановление подтверждает наше первоначальное решение, основанное на правилах, утвержденных Канадской ассоциацией любительского хоккея».

«Из правил Канадской ассоциации любительского хоккея, – сказал мистер Кинли, – следует, что игроки до восемнадцати лет могут переезжать из города в город только со своими родителями или опекунами. Опекунство должно быть оформлено до 1 января того года, когда переезжает игрок».

Наш адвокат оспаривал это решение. Он считал, что порой складываются обстоятельства, когда мальчик может сменить команду, и для этого достаточно разрешения, подписанного президентом и секретарем его бывшего клуба. Но из его стараний ничего не вышло. ОМХА приняла решение не в нашу пользу. Когда мы уходили, мальчишки плакали.

За дверями нас ждали телевизионные камеры. Мы хотели, чтобы наши сыновья играли в хоккей там, где им нравится, и учились бы при этом в школе, которую мы считаем подходящей для них. А из этого раздули ужасную сенсацию. Все требовали от нас заявлений и деклараций. И я сделал заявление.

«Мой отец, – сказал я, – выходец из России. Он приехал в США, потом переселился на север, в Канаду.

Он вступил в канадскую армию и участвовал в сражениях. Вернувшись с войны, он поселился в Брэнтфорде. Отец всегда гордился тем, что он гражданин Канады. «В Канаде, – говорил он мне, – ты можешь делать, что хочешь, поехать, куда хочешь, говорить, что хочешь, конечно, в пределах законов государства». Мой отец перевернулся бы в гробу, узнав, что его внук не может поехать в город по своему выбору, жить там с людьми, с которыми ему хочется, и заниматься тем, чем он хочет. Это – справедливо?»

Так закончилось тогдашнее заседание. Но борьба продолжалась. Все, что последовало за этим, напоминало игру в снежки. Мы бросали в них, они – в нас. Только вместо снега в ход шла бумага. Мы обжаловали решение ОМХА в Ассоциации хоккея Онтарио, они направили нашу жалобу обратно в ОМХА и оставили решение на их усмотрение. Мы подали в Верховный суд провинции Онтарио, добиваясь разрешения для наших сыновей играть в детских командах города Торонто, и одновременно подали апелляцию в Ассоциацию любительского хоккея Канады (КАХА). Судья отклонил наш иск по двум причинам: во-первых, он считал, что не достигшие восемнадцатилетия мальчишки не могут привлечь

ОМХА к суду, а во-вторых, по его мнению, мы использовали еще не все возможности апелляции в хоккейных организациях.

Оставался последний путь. Можно было обратиться к трибуналу ОХА (Хоккейной ассоциации Онтарио), независимому органу из трех человек, который обычно решает конфликты, если стороны не могут прийти к согласию. Однако на это могло уйти несколько месяцев, а уже наступил октябрь, и Уэйн не мог играть. Мы чувствовали себя подавленными. Но не Уэйн. Он не знал, что можно предпринять и возможно ли вообще что-либо сделать. Но зато он знал, чего хочет.

Я же был готов сдаться.

– Уэйн, придется вернуться домой и играть в Брэнтфорде, – сказал я ему.

– Я не вернусь домой ни за что, – ответил он без всяких колебаний.

В Торонто он мог играть теперь только в команде юниоров «Б». Вы спросите: почему же ему можно было играть в Торонто в юношеской команде и нельзя – в детской? Потому что юношеские команды подчинены ОХА, а не Ассоциации детского хоккея (ОМХА). К счастью, ОМХА не дисквалифицировала Уэйна, а только запретила ему переход. Если бы его дисквалифицировали и ОХА утвердила дисквалификацию, он бы оказался в западне.

Сэм Макмастер предложил:

– Он живет в Торонто, учится здесь в школе. Пусть играет за команду юниоров «Б».

– Ты сошел с ума? – взорвался я. – В этой команде двадцатилетние парни. Это взрослые мужчины! А Уэйну четырнадцать лет! Он весит всего 54 килограмма! Его попросту задавят у борта!

– Уолтер, все будет хорошо, – сказал мне Сэм.

– Отец, все будет хорошо, – поддержал его Уэйн.

И мы отправились на встречу со старшим тренером команды Джином Попилом. Это был тот еще тип! Его спокойствию можно было только позавидовать!

Уэйн, конечно, сильно нервничал. Очень не хотел возвращаться домой, но... Может быть, в этой команде его ждут только тренировки? А на игру его никогда не выпустят?... Вот чего он опасался! Он боялся, что ему не дадут играть. Больше его ничего не пугало. Он не боялся играть со взрослыми парнями.

Его нужно было подбодрить. Попил, поздоровавшись, ничего больше не говорил. Он обматывал лентой ручку клюшки. Он мотал, и мотал, и мотал. Можно было подумать, у него нет других интересов в жизни.

Сэм посмотрел на Уэйна.

– Ну, Уэйн, ты подписываешь регистрационную карточку или нет? Джин не может ждать целый день. Решайся!

Уэйн схватил ручку и подписал карточку. Он будет играть! У него появился шанс. Все, чего он хотел. Остальное его не пугало.

«Проснись, Уэйн, игра идет!»

«Я был в тюрьме, за решеткой. И думал только об одном: „Что скажет отец?“

Уэйн Гретцки. 1983 год

Казалось, наступили спокойные времена. После всех споров, перебранок и борьбы с ОМХА, после судебного разбирательства и связанного с ними шума в газетах Уэйн наконец прочно утвердился в юношеском хоккее.

Он был признан лучшим новичком года, несмотря на то что пропустил почти два месяца. И самое главное, его положение было законным. Теперь на него могли нападать только люди с коньками на ногах, но с этими-то он умел справиться. Так что нас ждал сезон удовольствий, сезон без проблем: сиди и любуйся.

Я поехал на первую игру Уэйна, и то, что увидел, показалось мне ужасным. Он играл из

рук вон плохо.

«Ну ладно, первая игра», – успокаивал я себя. К тому же в команде произошли изменения. Джин Попил не поладил с руководством и ушел. Теперь у Уэйна был новый тренер Брюс Уоллес. Это, конечно, сказалось на его игре. Конечно, он скоро выправится, все образуется, он заиграет по-прежнему.

Я пошел на вторую товарищескую встречу. Все было так же плохо. Где темперамент, сила, настроение? Он не походил на себя. И каждый раз, когда я спрашивал, что происходит, он отвечал: «Ничего. Ничего страшного». Так проходила игра за игрой. Наконец после тренировочной встречи в Ошауа я дождался его у лестницы (я никогда не захожу в раздевалку, считаю, что родителям там делать нечего) и еще раз спросил: «Что случилось?»

– Ничего, – как всегда, ответил Уэйн и попытался проскользнуть мимо меня на лестницу.

Мое терпение лопнуло.

– Или ты сейчас же скажешь мне, в чем дело, или я тебя увезу домой сегодня же, – твердо сказал я. – Все. Хватит. Ты сам не свой. Что-то случилось. Рассказывай или едем домой.

Тут он как-то успокоился. Мне показалось, что он выглядит испуганным. Чего он боится? Этого я еще не знал.

– Я сегодня заснул на игре, папа, – выпалил он, – представляешь? Вдруг заснул прямо на скамейке. Еле-еле открыл глаза, когда настала моя смена. Я, видимо, устал! Не хочется сидеть в запасных, поэтому я никому ничего не говорю. Я думал, все само пройдет. Я не понимаю, что со мной творится.

Естественно, первым делом мы подумали о мононуклеозе.¹² Иногда у детей встречается это заболевание, лучшее лечение от которого – полный покой. Это было бы очень и очень плохо, но не смертельно. Во всяком случае, мы точно знали, с чем бороться и как. Тут же отвезли Уэйна к врачу в Торонто. Сделали все анализы. Мононуклеоза не обнаружили. Тогда мы заволновались по-настоящему.

Уэйна осмотрел и наш семейный доктор в Брэнтфорде. Тоже ничего не нашел. Все это время сын находился дома, ничего не делал, только спал. Но сколько бы он ни спал, он все равно чувствовал себя усталым. Парень приходил из школы домой в половине четвертого и ложился спать. Просыпался он в половине шестого только для того, чтобы поесть, и опять ложился. Часов в одиннадцать вечера он просыпался от голода. Поев, опять тут же засыпал и спал до утра, пока не приходила пора отправляться в школу. Так продолжалось день за днем. И ничего не менялось.

Мы были в отчаянии и просто не знали, что делать. Наконец нам предложили показать Уэйна доктору Буллу, врачу сборной команды Канады с 1972 года. Доктор снова обследовал его. То, что обнаружилось, он назвал «атипичной формой мононуклеоза». Он прописал покой, тонизирующие средства и витамины, которых, по его мнению, Уэйну не хватало. Уэйн начал принимать лекарства и, черт меня побери, стал быстро поправляться! Вскоре все прошло и никогда больше не повторялось. Наконец-то Уэйн мог сосредоточиться на хоккее и играть так, как ожидали зрители и как он мог играть.

Медицинские обследования и лечение заняли две недели и, к счастью, закончились до начала сезона. Уэйн не пропустил ни одной игры, хотя, может быть, отдых и не помещал бы ему. Только к Рождеству он почувствовал себя совершенно здоровым. К этому времени он настолько отстал в соревновании бомбардиров, что искать его нужно было где-то в самом конце списка. Но к концу сезона все переменялось. Его команда заняла первое место в лиге, а Уэйн оказался четвертым среди снайперов с 72 очками (36 плюс 36), он набрал также 75 очков в 23 кубковых играх.

В это время он наконец стал понемногу вытягиваться. Когда Уэйну было двенадцать

¹² Инфекционное заболевание, сопровождающееся специфическими изменениями крови.

лет, он даже ходил в гимнастическую школу в Брэнтфорде в надежде немного подрасти. Дело в том, что он никогда не был крупным мальчиком и ему всегда хотелось как-то подтянуться. Хозяин школы составил для него программу занятий с отягощениями. И в результате чуть больше, чем за год, Уэйн подрос на 17,5 сантиметра и прибавил в весе 18 килограммов.

Главный менеджер команды Колин Маккензи рассказывал как-то репортерам: «Когда Уэйн в первый раз появился у нас, он был таким маленьким, что мы опасались выпускать его на лед. Правда, наши опасения испарились, когда он забил пару шайб».

Тут Уэйн снова стал привлекать к себе пристальное внимание. По правилам старшей группы юниоров «А» парень может участвовать в конкурсе на право играть в команде «А», если он перед этим год играл в младшей группе. Хотя Уэйн уже два сезона играл в команде юниоров «Б», по возрасту он как бы заканчивал только первый год в младшей группе.

Естественно, команды «А» пристально следят за ребятами, способными принять участие в конкурсе. Поэтому Уэйн и стремился во что бы то ни стало начать хоккейный сезон с первой игры. Он вбил себе в голову, что, если пропустит хотя бы несколько игр, его могут не заметить.

Хотя каждый клуб имеет своих «разведчиков», лига регулярно выпускает информационный бюллетень, где игроки стоят под номерами в зависимости от их игрового потенциала. Сначала Уэйн котировался не слишком высоко. В одном из первых бюллетеней он числился, насколько я помню, под номером 186-м. Но сезон продолжался, и фамилия Уэйна постепенно поднималась в списке все выше и выше. В середине сезона он был уже 79-м, потом – где-то в третьем десятке, а к концу сезона оказался вторым после Стива Петерса из «Питерборо Писе».

И все-таки многие сомневались в способности Уэйна играть со взрослыми парнями. Однажды, в конце его второго сезона среди юниоров, я стоял на катке позади менеджера одного из клубов группы «А». Уэйн боролся в углу за шайбу, его сбили. Когда команда соперников устремилась в контратаку, этот менеджер повернулся к своему «разведчику» и заявил: «Видите, говорил же я вам! Этот малыш никак не сможет играть в группе „А“. Рано ему еще! Забудем о нем».

Но мы-то твердо верили, что Уэйна заметят на конкурсе и выберут одним из первых. Гадали лишь о том, какой клуб остановит на нем свой выбор.

Мы хотели, чтобы Уэйн оказался поближе к дому. Торонто – это хорошо. А если он попадет в другой город? До которого будет не 60 миль, а 600? Мы подумывали о «Ниагара Фолз», ведь эта команда базировалась в городе, находившемся на расстоянии 60 миль от Брэнтфорда. Но там нам ответили прямо:

– Видали мы этих четырнадцатилетних вундеркиндов! Нам они не нужны.

Уэйну же люди из этого клуба сказали нечто другое.

– Знаешь, что они говорят? – рассказал он потом мне. – «Если мы выберем тебя, то получим не одну обузу, а сразу две».

– Как это? – не понял я.

– Ну, они говорят, что если они выберут меня, то приобретут и тебя на свою шею.

– О господи! – только и смог воскликнуть я. Видимо, люди из «Ниагара Фолз» принимали меня за одного из тех надоедливых родителей, что вмешиваются во все, всюду суют свой нос и всем мешают. В общем, мы поняли, что «Ниагара Фолз» не пригласят Уэйна. А отпускать его далеко от дома я не испытывал желания.

Я сел и написал письма в команды таких далеких от нас городов, как Садберн и Су-Сент-Мари: «Если Вы планируете пригласить Уэйна, не тратьте попусту своей очереди.¹³ Он не согласится».

¹³ Команды по очереди приглашают новичков, причем право выбирать первыми получают команды, занимающие последние места.

Но Анжело Бамбакко из Су не обратил на мое предупреждение никакого внимания. Он позвонил мне и сказал, что собирается пригласить Уэйна.

– Бросьте это дело, – сказал я ему. – Он не захочет пойти к вам, да и мы этого не хотим. Вы потеряете зря время и очередь. Он не пойдет. И мы будем против.

Но Анжело не отступил. Надо отдать ему должное. Он стал рассказывать, какой прекрасный город Су, что переезды команда совершает на самолетах, что все у них организовано по первому классу.

– Отлично, – сказал я, – но Уэйн не поедет так далеко.

– Мистер Гретцки, – продолжал убеждать меня Анжело, – я неплохо разбираюсь в людях и вижу: вы не из тех родителей, которые встают своим детям поперек дороги. И я знаю, что Уэйн хочет играть в группе «А». Словом, я думаю, мы столкнемся.

Конкурс проходил в Торонто. Уэйн был там и позвонил сразу, как только его выбрали.

– Ну, покупай самолет, папа. Я еду в Су! – прокричал он в трубку.

Анжело все-таки выбрал его. Его очередь была третьей после «Ошауа Дженералз», которые пригласили Тима Маккарти, и «Ниагара Фолз», выбравших Питерса.

Я никак не мог поверить в случившееся. Сколько я твердил Анжело: если тот выберет Уэйна, то он не согласится. Каждый раз, когда он звонил, я говорил ему одно и то же. Я и теперь не собирался отступать. Но тут куча людей бросилась переубеждать меня. Рэг Куинн, владеец «Сенекас», пригласил нас с Филис пообедать и сказал нам во время еды:

– Вы должны подумать о благе Уэйна. Упорствуя, вы можете сломать его карьеру. Вы должны отпустить его в Су.

Такова ирония судьбы. Два года назад мы хотели, чтобы Уэйн играл в Торонто, в 60 милях от дома, и хоккей нам говорил «нет». Теперь хоккей предлагал ему уехать за 500 миль от дома, если он хочет играть в команде группы «А». Речь-то по-прежнему шла о мальчишке, пусть теперь не четырнадцати, а шестнадцати лет, но все-таки о ребенке. Однако теперь ситуация была прямо противоположной: мы не хотели, а хоккей требовал.

В конце концов Бамбакко позвонил и предложил:

– Приезжайте и посмотрите сами! Просто приезжайте. Это все, о чем я прошу.

Мы слетали туда, посмотрели. Уэйн как-то сразу возненавидел этот городок.

Он был так зол, что целый день с ним невозможно было разговаривать. Анжело и Джим Маколи, один из владельцев команды, все нам показали. Они были очень любезны, но понапрасну теряли время. Ничего не складывалось.

Наконец они повезли нас в гости в семью Боднар, которая раньше жила в Брэнтфорде. С сыном Джима и Сильвии Стивом Уэйн когда-то играл в детской хоккейной команде и в лакросс. Этот визит был последней надеждой Анжело. Он уже начал понимать, что я предупреждал его совершенно серьезно. И вдруг произошло непредвиденное: Джим и Сильвия пригласили Уэйна жить у них, если он приедет в Су, и Уэйн повернул на 180 градусов. Он сказал, что согласен. Он останется в Су.

Ну кто способен точно предсказать поведение детей?

Но для нас с Филис его согласие вовсе не означало идеального разрешения проблемы. Су по-прежнему находился на расстоянии 500 миль от Брэнтфорда. Он не стал ближе от согласия Уэйна. Теперь нельзя будет подскочить и посмотреть на него в любой момент. Здорово, конечно, что он будет жить в знакомой семье, как он жил с Корнишами в Торонто. Можно быть уверенным: ему будет хорошо в этом милом доме, но... Но в конце концов мы согласились. Уже было ясно, что у него есть хорошие шансы стать профессионалом, Уэйн доволен, чего еще желать?

Мы вернулись в Брэнтфорд. У всех было много работы. Уэйн должен был готовиться к играм группы «А». А мне предстояла возня с мотком медного провода – надо было сделать антенну к нашему приемнику, чтобы с началом сезона ловить репортажи об играх «Грейхаундз» дома и на выезде. Может быть, нам не удастся посмотреть игры Уэйна, но слушать репортажи о них мы будем обязательно.

И вот Уэйн уехал. Для него началась новая жизнь. Начало было столь стремительным,

что он угодил... за решетку.

Первое, о чем узнал Уэйн, попав в «Грейхаундз»: в клубе существует своеобразная церемония посвящения новичков. Они должны пробежаться голыми по парку. Ни больше ни меньше. Приняв это за шутку, новички не очень волновались.

И вдруг однажды вечером раздался клич: «Новички, на выход. Надеть только майки, трусы и тапочки. Больше ничего». Шесть новичков и одного «старичка» в качестве руководителя посадили в машину и отвезли в парк. Там их высадили. Они стояли перед руководителем испуганные, ничего не понимающие. Потом он собрал их майки, сложил в сумку и забросил ее в машину, которая тут же укатила.

Волнение ребят перешло в настоящий страх. Они замерли от ужаса, когда услышали полицейские сирены. Рев моторов, визг тормозов и вдруг мальчики обнаружили, что они окружены полицейскими автомобилями и фургонами.

– Все ясно! – рявкнул строгий полицейский. – Марш в фургон!

И тут Уэйн решил протестовать. Недаром в школе он прослушал курс основ права. Он не станет мириться с нарушением закона! «Господин офицер, что дурного в том, что мы стоим здесь в трусах? Какой закон мы нарушаем?» – храбро выпалил он.

Но на офицера его заявление не произвело ни малейшего впечатления.

– Гретцки, – зарычал полицейский, – сказано, отправляйся в фургон.

Мальчишки забрались в полицейский фургон. И прежде чем успели что-либо сообразить, они оказались в полицейском участке за решеткой. Вся его короткая жизнь промелькнула перед Уэйном. Что скажут родители? Если у него будет привод в полицию, он не сможет никогда пересечь границу Соединенных Штатов, а значит... прощай карьера профессионала! Он перепугался до полусмерти.

Но Уэйн не собирался сдаваться так просто. «По закону я имею право сделать один телефонный звонок, – кипятился он. – Почему мне не позволяют позвонить?»

Он был в таком возбуждении, что не заметил, как появилась вся команда во главе с тренером Макферсоном. Они хохотали до слез.

Когда Уэйн оглянулся, он увидел, что хохочут и полицейские. И вдруг шестеро новичков поняли, что их попросту разыграли.

Оказывается, год назад после очередного посвящения полицейские пришли в клуб с предложением. Пора отказаться от этого унижительного ритуала, который, во-первых, грозит неприятностями для ребят, а во-вторых, заставляет полицейских проводить глупые, ненужные, неприятные для них облавы. Вместо этого лучше устроить мистификацию, а полицейские примут в ней участие для вящей убедительности. Все будет гораздо смешнее, и никто не пострадает.

«Грейхаундз» согласились. Полицейские играли свою роль прекрасно. Все шестеро новобранцев согласились, что шутка удалась. Правда, это пришло им в голову потом, когда они успокоились и перестали трястись от страха.

Наутро после первой игры Уэйна за команду «Грейхаундз» местная газета «Стар» поместила разговор, подслушанный репортером в раздевалке, где парни переодевались после игры:

Уэйн Гретцки: «А что это такое – „Брут“?»

Дуг Кимбол: «Лосьон после бритья».

Уэйн Гретцки: «После бритья? Ну, это не для меня».

В такой необычной форме газета подвела итог матча. Вот мальчишка, он даже еще не бреется по молодости лет, но только что на льду забил три гола сам и сделал три результативные передачи другим в победном (6:1) матче с «Ошауа Дженералз». Надо сказать, к тому времени некоторые болельщики и специалисты уже начинали озадаченно покачивать головами.

Когда «Грейхаундз» выбрали Уэйна, даже Макферсон не знал точно, кого они получают. Вскоре после начала сезона он рассказывал журналистам: «Я никогда не видел его в игре и допрашивал наших селекционеров, уверены ли они в своем выборе. Они говорили,

что играет он отлично и зрители на него идут охотно». Потом он, посмеиваясь, добавил: «И нам пришлось приложить немало терпения и настойчивости, чтобы заполучить его».

Перед началом чемпионата у Уэйна было 31 очко (девять голов и 22 передачи), включая шесть очков, набранных в его первой игре в юниорской лиге «А». Он, шестнадцатилетний, играл против восемнадцати-девятнадцатилетних парней, команды соперников уже ставили перед собой задачу во что бы то ни стало остановить его. Во время одного матча в Виндзоре в самом начале игры против Уэйна применили жесткий силовой прием – попросту ударили, – и он тогда не добыл ни одного очка. На следующий день в городской газете появилась большая статья: ребята из Виндзора остановили Гретцки, они просто застращали его.

Наконец начались календарные матчи в лиге, Уэйн стартовал с шестью очками, полученными в матче с «Ошауа». В четвертой встрече он набрал еще шесть очков, а в седьмой он забил первые шесть голов, а потом и последний в пустые ворота команды «Оттава-67». После семи матчей он возглавил список бомбардиров лиги с 10 забитыми голами и 16 результативными передачами. Он в каждой игре набирал по меньшей мере одно очко, и дважды все голы «Грейхаундз» были на его счету. Мне не казалось, что он запуган.

Так продолжалось почти весь год. Уэйн соперничал с Бобби Смитом из «Оттавы» в борьбе за титул самого меткого, а Дино Сиссарелли из «Лондон Найтс», оставаясь все время на третьем месте по очкам, по числу забитых шайб мог претендовать на первое место. Закончилась эта борьба так: Смит на верхней строчке – 69 голов и 123 голевые передачи (192 очка), Уэйн на втором месте (70– 112–182), а Сиссарелли на третьем (72-70-142). Чтобы показать накал борьбы в тот год, скажу, что с такими результатами Уэйн установил бы абсолютный рекорд в любом другом сезоне. Он улучшил старый рекорд (170 очков), установленный в предыдущем сезоне одним из игроков команды города Су. Маленькая заковыка была в том, что Смит расправился с этим рекордом еще решительнее.

Уэйн установил новый рекорд результативности для новичков. Старый – 137 очков – принадлежал Джону Тейвелле из Су. Он улучшил еще один рекорд Тейвеллы для новичков (67 очков). За две игры до конца сезона Уэйну удалось повторить этот рекорд, а сделав в последнем матче хет-трик, он превзошел Джона, на его счету было 70 шайб. Уэйна назвали самым корректным игроком лиги (14 минут штрафа за сезон). Но было одно обстоятельство, которое не позволяло назвать этот сезон успешным. У команды «Грейхаундз» дела шли не очень хорошо.

Но на матчи «Грейхаундз» зрители исправно ходили. За год до этого средняя посещаемость в Су была 1750 зрителей на игру. Теперь болельщики заполняли все 3400 мест «Мемориал Гарденз», и на выездах трибуны других катков не пустовали. И все благодаря тому, что интерес публики к Уэйну достиг небывалых размеров.

В октябре он стал «номером 99». Это только на словах кажется, что произошло все просто. Поверьте мне, на самом деле все было сложнее. Это была идея Макферсона. Всю жизнь у Уэйна был номер 9, но, когда он приехал в «Грейхаундз», этот номер оказался занят. В тренировочном лагере и предварительных играх сезона на майке у него были номера 14 и 19, но он не любил номера, которые начинаются с единицы. Макферсон предложил: «Ну если нельзя одну девятку, пусть будут две: 99 тоже неплохо».

Уэйн странно взглянул на него:

– Люди будут смеяться надо мной.

– Ты понимаешь, малыш, – ответил Макферсон, – они все равно найдут повод приставать к тебе.

Тогда Уэйн согласился.

Позвонили Филу Эспозито. У него была когда-то похожая история. Перейдя из «Бостон Брюинз» в «Нью-Йорк Рейнджерс», он обнаружил, что его номер 7 занят, и взял себе номер 77. Ни Уэйн, ни руководители команды не хотели, чтобы Эспозито счел их поступок за насмешку. Фил рассмеялся, когда ему все объяснили, и сказал: «Действуйте!»

Болельщики вцепились в эту новость. Особенно бушевали они, когда команда играла

на выезде.

– Эй, Гретцки! Тут не футбол!

– Что ты выпендриваешься, выскочка? И тому подобное.

Но Уэйну не привыкать к шуму на трибунах, с кличкой «выскочка» он жил с тех пор» как начал забивать шайбы.

Да, он рано узнал, что такое насмешки, оскорбления, обидные прозвища. Со временем притерпелся к ним и не обращал внимания. Иногда, правда, когда становилось неважно, он показывал на табло, так, знаете, не глядя на болельщиков, как бы говоря: «Ну, а выигрывает-то кто?» Он считал, что его игра говорит сама за себя. Но однажды не сдержался.

Было это в его первый сезон в «Нэйшоналз», в пятой решающей встрече четвертьфинальной серии против «Брэймали Блюз». За 15 минут до конца третьего периода «Блюз» вели 6: 3. Казалось, для наших ребят все было кончено, оставалось только поплакать от обиды. Уверовав в свою победу, соперники усиленно посыпали их раны солью. И это было ошибкой.

Когда Уэйн катился мимо скамейки «Блюз», один парень крикнул: «Погляди-ка, сейчас он нам забьет четыре подряд!»

Уэйн на секунду остановился, потом встал на точку вбрасывания. Выиграл, провел шайбу в щель между защитниками и забросил ее над плечом вратаря. Счет стал 6: 4.

На 10-й минуте он забил еще одну шайбу в большинстве. 6:5! На 11-й минуте Брайан Вуд, еще один воспитанник Брэнтфорда, сравнял счет, а еще через 57 секунд ударом с девяти метров, которого вратарь даже не успел заметить, Уэйн вывел свою команду вперед – 7:6.

Соблазн был слишком силен. Он подъехал к скамейке соперников и помахал рукой с поднятыми четырьмя растопыренными пальцами перед носом обидчиков, остолбеневших от такого поворота событий. Потом он отправился обратно на площадку и с его подачи «Нэтс» забили еще один, пятый подряд, гол. Они выиграли со счетом 8: 7. Вел ли он себя как выскочка в тот вечер? Не знаю.

Я видел его таким только один раз. Кажется странным, что при огромном внимании и интересе к нему такие демонстрации больше не повторялись. И не только на льду. Когда он переехал в Су, его репутация, заработанная в детских командах, и бурный старт в юниорской лиге привлекали толпы репортеров.

Иногда доходило до смешного. Все журналисты, репортеры радио и телевидения собирались вокруг Уэйна, спрашивали для начала об одном: не мешает ли ему популярность?

– Я не стараюсь прятаться, – объяснял он. – Мне нравится быть знаменитым. Я не хочу скорее стать взрослым и увидеть все другими глазами. Когда мне будет лет тридцать пять или сорок, я вспомню эти дни и скажу: «Хорошее было время!»

Ажиотаж вокруг Уэйна рос и рос. Однажды позвонил репортер из «Уик-энд Мэгазин» и попросил об интервью. Уэйн сказал: «Ладно, мы можем посвятить этому завтрак, если платите вы». В этот же день ему предстояло интервью для «Стар» из Торонто, потом еще одно – для «Сан» из того же Торонто, кроме того – съемка для одной из телекомпаний и снова съемка для передачи «Хоккейный вечер в Канаде».

Но команда «Грейхаундз» была далека от победы в чемпионате. Некоторое время она даже пребывала на последнем месте, хотя тройка Уэйна с Дэном Лукасом и Полом Мансини буквально летала по льду. Стали раздаваться критические замечания, которых мы уже слышали немало и раньше: он много забивает, это несомненно, но не ясно, может ли он вести силовую борьбу. Макферсон знал, что ответить. Он старался использовать каждую секунду пребывания Уэйна на льду. Потому что каждый выход Уэйна мог принести очко команде.

«Два года назад Реджи Лич забил 63 гола для „Филадельфия Флайерз“, – говорил он, фыркая от негодования. – Но их тренер был недоволен им. Он, видите ли, плох в силовой борьбе. Ну что ж, в прошлом году Лич забил всего 32 шайбы. Если у вас есть парень,

который может забить 63 гола, пусть он забивает, а для силовых приемов найдите другого».

В хоккее существует множество теорий, и никто не может сказать наверняка, какая из них верна, а какая ошибочна. В каждом сезоне правильной признается теория победителя. А Макферсон не был победителем. 22 февраля 1978 года он ушел из клуба. На его место взяли Пола Терио, и для Уэйна это означало драматичные перемены.

С приходом Терио дела пошли на лад. Последние одиннадцать игр в лиге «Грейхаундз» провели неплохо, и это позволило им вырваться из группы аутсайдеров. Уэйн был страшно рад этому, но он лично себя чувствовал как будто в оковах. Репортеры, освещавшие финальные серии ОХА, задали вопрос, правда ли, что Терио закрепил Уэйна в одной определенной тройке и не будет выпускать его так часто, как это было принято в команде раньше. Они не могли этому поверить. Терио заявил: «Я уверен, что такая система полезней для команды». Но потом команда стала опять терять очки, а Уэйн забивал очень мало. Было это временной неудачей или Терио все же ошибался? Теперь уже не разберешься. Я знаю только одно. Что ни делается, все – к лучшему. Пока Уэйн пытался разобраться со своими трудностями в Су, обитатели хоккейного Олимпа – профессионалы НХЛ и ВХА – затеяли войну, и Уэйну суждено было сыграть в ней свою роль.

С 1963 года между НХЛ и Ассоциацией любительского хоккея Канады существовало соглашение о том, что профессиональные клубы не будут забирать игроков моложе двадцати лет. Благодаря этой договоренности звезды дольше задерживались в юниорских клубах, привлекали зрителей, а это означало прибыли, а с другой стороны (с точки зрения НХЛ) – такая система обеспечивала благоприятные условия для развития талантливых игроков. Но тут в заведенный порядок вмешалась ВХА. Ей нужны были звезды сейчас же, немедленно, чтобы выжить. И начался «отлов» молодых, которым еще не было двадцати.

Когда «Бэссет» забрал в 1973 году Диллона, а двумя годами позже Напьера, а «Хьюстон Аэроз» – Джона Тонелли, в НХЛ поднялся крик. От федерального правительства требовали, чтобы оно прекратило «разбой», отказавшись финансировать строительство новых катков в городах ВХА Виннипеге и Эдмонтоне. НХЛ обратилась в Международную федерацию хоккея на льду с просьбой не санкционировать товарищеские встречи клубов ВХА с европейскими командами.

Наконец в 1977 году ВХА согласилась прекратить борьбу. «Бэссет» проигнорировал это решение руководства ассоциации и пригласил Линзмэна. Президент ВХА Болдуин немедленно дисквалифицировал его на шесть месяцев. Война, казалось, была закончена, но вдруг Скалбани и ВХА решили возобновить ее.

У них не было выбора, по правде говоря. Везде, кроме некоторых городов, команды лиги были в полном упадке. Средняя посещаемость матчей в Индианаполисе была менее пяти тысяч. Лучшие игроки, кроме взятых в клубы ВХА раньше, заключали контракты с НХЛ. У ВХА оставался один путь: слиться с НХЛ, а чтобы добиться слияния, заставить старую лигу (НХЛ) принять их, нужно брать юниоров, пока они не достигли двадцати лет. То есть нарушать соглашение о возрастном цензе. Если выбирать кого-то из юниоров, то Уэйн подходил по всем статьям. Он – яркая звезда юношеского хоккея, а его молодость гарантировала пристальное внимание средств массовой информации, неизбежность бурных дискуссий о том, может ли семнадцатилетний мальчик играть в профессиональной команде.

Уэйн был недоволен тогда своим положением. Если он решит ждать контракта с НХЛ, то ему еще три года придется сидеть в юниорах. А ВХА готова взять его сейчас же.

В одном только ВХА ошибалась. Предложение Скалбани было не единственным и даже не первым. Фактически Индианаполис был третьим. «Бэссет» из Бирмингема первым предложил контракт. Потом появились «Нью-Инглэнд Уэйлерз» из Новой Англии, они готовы были выплатить аванс в 250 000 долларов и заключить контракт на пять лет с последующим продлением на три года. Мы с Филис отговаривали Уэйна: «Не нужно связывать себя так надолго». А Уэйн пытался убедить нас: «Разве можно бросаться такими деньгами? Мне все равно НХЛ или ВХА. Я просто хочу играть!» Даже то, что в «Уэйлерз» играл Горди Хоу, мало волновало нас в тот момент.

Но все решилось без нашего участия. «Уэйлерз» аннулировали свое предложение. Они просчитали все варианты: слияние с НХЛ неизбежно, и их клуб будет принят в старую лигу, а вот если они, вопреки политике НХЛ, заключат контракт с семнадцатилетним юниором, то их участие в объединенной лиге может стать проблематичным. (Уэйн до сих пор помнит, что в одном из пунктов контракта с «Уэйлерз» плата в первые три года устанавливалась по 50 000 долларов в год. Джек Келли, тогда менеджер команды, предупреждал Уэйна, что больших денег они ему платить первые три года не будут. Зачем? Если без ВХА он сможет только играть в юниорской лиге за 25 долларов в неделю.)

Новая Англия выбыла из борьбы, но ВХА все равно была не прочь заключить с ним контракт – ей требовались козыри для объединения с НХЛ. Был выбран Индианаполис, потому что столь непопулярная среди зрителей команда не могла рассчитывать войти в НХЛ. Коллин Хоу, жена Горди Хоу, позвонила Скалбани и предложила ему заключить контракт с Уэйном.

Казалось, вмешалось само провидение. Если бы Терио не изменил схему игры «Грейхаундз», Уэйн согласился бы еще пару лет участвовать в соревнованиях за Мемориальный Кубок.¹⁴ Он бы не перешел в «Индианаполис Рейсерс», а значит, не оказался бы в конце концов в Эдмонтоне. Если бы он остался в юниорах до конкурса, то мог бы оказаться в самой распоследней команде НХЛ и тогда бы не произошло многих замечательных событий.

Филис и я не летели бы из Индианаполиса на частном самолете, оставив внизу в чужом городе семнадцатилетнего мальчика в надежде, что он проявит себя в игре, где все партнеры и соперники старше его, почти все крупнее, чем он, и где все ждут от него невозможного.

– Все у него будет хорошо, – успокаивала меня Филис.

– Конечно, – успокаивал ее я. – Все будет отлично.

Необычная монополия

«Уэйн Гретцки... Чудо или дутая сенсация?»

Заголовок в журнале «Экшн Спортс Хокки». Ноябрь 1978 года

Тренировочные сборы «Индианаполис Рейсерс» начались 11 сентября 1978 года. А через пятьдесят три дня после восьми матчей Уэйн играл уже в «Эдмонтон Ойлерз».

Сейчас, по прошествии стольких лет, все выглядит смешно и немного глупо: и споры о том, переходить ли ему в профессионалы, и тайная поездка в Ванкувер для встречи с Нельсоном Скалбани, и волнение при подписании контракта. Вся его карьера члена профессионального клуба в Индианаполисе уместилась на одной строчке в книге рекордов НХЛ.

1978–1979. Индианаполис... ВХА. 8-3-3-6-0.

Восемь матчей в составе «Рейсерс»: 3 гола, 3 голевые передачи, 6 очков, 0 минут штрафа. Подписывая контракт на борту самолета, мы думали, что все продлится несколько дольше.

Получилось так, что мистер Скалбани в своих планах развивать хоккей в Индианаполисе не учел одного обстоятельства: жители Индианаполиса не хотели никакого хоккея. По крайней мере, число зрителей не позволяло Скалбани хотя бы остаться при своих интересах. Он выкупил 51 процент акций клуба по цене 1 доллар за штуку с обязательством принять на себя все долги. Еще до конца сезона Скалбани, затратив 1 миллион 200 тысяч долларов, вынужден был признать, что его затея потерпела крах. «Чтобы вернуть затраченные в Индианаполисе деньги, я должен получать 60 000 за игру, – объяснял он. –

¹⁴ Самый престижный кубок для команд юниоров.

Мы же получали в среднем 30 000 долларов. Однажды была встреча с „Нью-Инглэнд“, командой, занимавшей первое место. Матч собрал 4372 болельщика. Выручка была 29 000 долларов. А мне эта игра обошлась в 33 000. Если билет на матч обходится мне дороже, чем всем остальным зрителям, вместе взятым, то поневоле приходится делать какие то выводы».

В ноябре Скалбани еще надеялся спасти дело, уменьшив оплату игрокам и перераспределив финансы так, чтобы заткнуть некоторые дыры в бюджете клуба. Наиболее выгодным выглядело решение продать Уэйна какому-нибудь клубу попопулярнее. Видит бог, он хотел дать болельщикам Индианаполиса подающую надежды суперзвезду, но их и это не расшевелило. Не лучше ли уступить такого дорогостоящего игрока другим, а на его место взять двух-трех молодых ребят и начать все сначала? (По иронии судьбы одним из этих «ребят» стал Марк Мессье, который сыграл пять матчей в Индианаполисе, затем перешел в Цинциннати, а потом оказался в «Ойлерз», когда Эдмонтон вступил в НХЛ.)

Мистер Скалбани прилетел в Индианаполис, сообщил о своем решении Уэйну и предложил ему на выбор Эдмонтон или Виннипег. Мы выбрали Эдмонтон. Если вспомнить, как это было, легко понять: многое из происходящего в хоккее основывается только на слухах.

Ходили слухи, что тренировать «Виннипег Джетс» будет Джон Фергюсон, в прошлом звезда «Монреаль Канадиенс». Уэйн разволновался: в Виннипеге ему делать в таком случае нечего. Ведь Ферги слыл грубым и суровым человеком, сторонником жесткого хоккея. Я подумал, что ему не подойдет игрок такого плана, как Уэйн. И, основываясь на этих слухах и домыслах, мы и выбрали Эдмонтон. Слышали мы, что менеджер «Виннипег Джетс» советовал владельцам клуба не покупать Уэйна – он-де не стоит тех денег, которые просит за него мистер Скалбани, вряд ли он сохранит свою результативность в НХЛ, куда «Джетс» должны были попасть при теперь уже неизбежном слиянии лиг.

Потом выяснилось, что Фергюсон действительно пришел в «Виннипег», но не тренером, а вице-президентом и менеджером. И в остальном слухи не подтвердились. Он, оказывается, всегда считал Уэйна великим игроком и даже сравнивал его с Жаном Беливо. А позже в разговоре со мной владелец «Джетс» Майкл Гоутуби сказал, что он страшно жалеет, что у них с Уэйном ничего не получилось. Но это уже их проблемы.

Для Уэйна же первый сезон в профессиональной команде не мог быть удачней.

При переходе из Индианаполиса в Эдмонтон Уэйн не пропустил ни одной игры. Он сыграл все 80 матчей и первый свой профессиональный сезон завершил, набрав 110 очков (46 голов плюс 64 результативные передачи), а ведь, когда начинался год, у него была цель забить хотя бы 20 голов и сделать 40 голевых передач. Он вышел на третье место среди самых результативных игроков ВХА, был признан лучшим новичком года и выбран центральным нападающим во вторую команду «Олл Старз» вслед за Робби Фтореком («Цинциннати»). Он играл в одном звене с Горди Хоу, которому был 51 год, на правом фланге и Марком Хоу слева во встречах сборной ВХА с советской командой. («Это потрясающе! – хохотал Горди. – Одному мальчишке семнадцать, второму двадцать три, а тройка все равно самая „старая“ в хоккее из-за старого хрыча на правом краю».)

Несмотря на то что Уэйн пробыл в Индианаполисе так недолго, с этим городом связаны знаменательные в его жизни события. Он забил свои первые два гола в качестве профессионала в пятой игре сезона против «Эдмонтон Ойлерз». Магазин по продаже одежды для молодежи основал «Клуб болельщиков Великого Гретцки» (За 2,5 доллара вы получали глянцевого членский билет, фотографию Уэйна с автографом, вымпел и эмблему «Рейсерс» Среди первых полутора тысяч членов были Кейт, Глен и Brent Гретцки.) Он жил в семье Терри Фредрика, купил спортивный автомобиль, записался в вечерние классы высшей школы Брод Рипл (где его соученики даже не знали, что он играет в хоккей) и занимался трудной работой, стремясь доказать, что в семнадцать лет он может быть профессиональным хоккеистом.

Как всегда, было немало сомневающихся. Ширли Фишлер, обозреватель журнала «Экшн Спортс Хокки» так описывал ситуацию: «Некоторые считают, что Уэйн Гретцки

самый яркий молодой игрок с тех пор, как двадцать лет назад в НХЛ появился Бобби Orr. Другие не так категоричны, они даже склонны подозревать, что этот высокооплачиваемый игрок может оказаться не феноменом, а подделкой под чудо. Пока он показал себя очень хорошо... но остается вопрос: устоит ли он под грузом ответственности? Он утверждает, что устоит, что он настоящий... Ну что ж, посмотрим, умеет ли он держать слово».

Были некоторые сомнения: сможет ли он вообще выйти на лед в составе профессиональной команды? Все лето шли разговоры о слиянии с НХЛ, которая намерена оставаться верной себе и не разрешать играть хоккеистам моложе двадцати лет. Мистер Скалбани допускал возможность такого поворота событий. В этом случае он намеревался отдать Уэйна «напрокат» в клуб, остающийся вне НХЛ, который предложит лучшую цену (многие команды хоккейной лиги запада Канады проявляли интерес), где бы он играл до двадцати лет. Или расторгнуть с ним контракт, возместив ему убытки (что составило бы 50 000 долларов, которые он заплатил мне в Ванкувере, когда мы обсуждали возможность осложнений такого рода).

Уэйн старался не обращать внимания на все это и использовать оставшееся до начала сезона время с пользой: учился силовым приемам в хоккейной школе, участвовал в нескольких товарищеских рекламных матчах в Индианаполисе и Нью-Йорке, играл в футбол за две команды. Естественно, репортеры ходили за ним по пятам и расспрашивали всех, с кем он играл, чтобы сочинить еще больше историй из серии «Уэйн Гретцки, какой же он на самом деле?» Гарри Стокдейл, менеджер бейсбольной команды «Полонез Ветс», подкинул им неплохую тему. «Я попросил Уэйна заплатить вступительный взнос, – рассказывал он. – Чтобы играть в детской бейсбольной команде, нужно внести деньги. Знаете, что он мне ответил? Сказал: „Спросите у отца“. Деньги его ничуть не изменили».

Кстати, до сих пор некоторые считают, что Уэйн выбрал не ту игру. Он стал бы великим подающим, если бы связал свою жизнь с бейсболом, со своей любимой игрой. Как бы то ни было, бейсбол для него оставался лишь развлечением и способом держать себя в хорошей форме. Он знал: в Индианаполисе ему придется нелегко. Не догадывался он, однако, что именно будет источником трудностей для него.

Тренер «Рейсерс» Уайти Стэплтон десять лет играл в защите «Бостон Брюинз» и «Чикаго Блэк Хоукс», а в 1972 году немало сделал для победы канадцев над советской сборной. Он хороший тренер и внимательный, чуткий человек. Я бы сказал, что по отношению к Уэйну даже слишком деликатный. Он так заботился о благе Уэйна, что тщательно оберегал его от любых напряженных ситуаций. «У него все впереди», – защищал он нового члена своей команды от тех, кто требовал от Уэйна немедленных чудесных результатов. Он не представлял, что такие психологические и физические нагрузки привычны для Уэйна с детства и что попытки ограничивать и ограждать его только ухудшают дело. Я искренне уверен, что, если бы Уэйна не опекали столь усердно – несомненно, из самых лучших побуждений, – а дали ему тогда полную свободу, он смог бы проявить себя сразу.

А потом Уэйн оказался в «Эдмонтон Ойлерз».

Питер Поклингтон заплатил мистеру Скалбани 850 000 долларов и согласился соблюдать условия частных контрактов, заключенных им с Уэйном и еще с одним форвардом из Индианаполиса Питером Дрисколлом. «Ойлерз» приобрели также вратаря Эдди Мио. Теперь у мистера Поклингтона был Уэйн и команда, которая будет принята в НХЛ. А Нельсон Скалбани, который затеял эти перемены, через несколько недель навсегда отошел от хоккея.

Первые пять дней в Эдмонтоне Уэйн жил в доме Глена Сэйзера. («Я первый раз вижу мальчишку с таким аппетитом, – рассказывал Сэйзер журналистам. – Он съедает больше, чем все мои домочадцы, вместе взятые, и всегда готов перехватить что-то в промежутках».) Потом он переехал к Рэю Боднару. Рэй – брат Джима Боднара, в семье которого Уэйн жил в Су, поэтому тут он себя сразу почувствовал легко и свободно. На следующий год он снимал одну квартиру вместе с защитником Кевином Лоу, оказавшимся отличным кулинаром.

Вообще, из всех замечательных и великих проходов Уэйна лучше всего ему удастся проход к ближайшему холодильнику.

Так уж вышло, но переезд Уэйна в Эдмонтон внес еще один, последний штрих в наши отношения с Ассоциацией любительского хоккея Канады. По соглашению ВХА и КАХА команда, приглашающая игрока из ВХА, должна заплатить 20 000 долларов Канадской ассоциации юношеского хоккея и еще 20 000 долларов, если игрок моложе 20 лет. Три лиги юношеской ассоциации – Онтарио, Квебека и Западной Канады – вычитают из этих денег суммы на административные расходы и тому подобное, а остальное переводят на счета клубов. Но тогда ВХА уже не платила. И, насколько я знаю, Уэйн-единственный, кто это сделал. Мистер Поклингтон 20 000 заплатил из средств клуба, а вторые 20 000 – из аванса Уэйна.

Необходимость это сделать поначалу ужасно меня разозлила. Полдня мы с Фелис провели у адвоката. Он считал, что Уэйн ничего не должен платить, потому что он провел в хоккейной лиге Онтарио только год и благодаря ему лига получила большие доходы. «Я бы не платил им ни гроша», – подытожил он наше совещание. Но мы заплатили. Уэйн был благодарен Анжеле – и понимал.

что его уход скажется на посещаемости игр команды «Грейхаундз». Я смотрел на это по-другому. КАХА не позволила Уэйну играть в подростковой команде в Торонто, они пытались не допустить его в юниорскую команду «Б», пришлось обращаться в суд, а теперь нужно еще заплатить им 40 000 долларов. У меня это не укладывалось в голове.

Деньги. Иногда кажется, что о деньгах Гретцки разговоров больше, чем об игре Гретцки. Чего только не обсуждают: и сколько он получал в юниорах сверх официальной платы, и сколько он получил по контракту с «Рейсерс», и сколько тратит, став в семнадцать лет богачом...

Уэйн никогда особенно не думал о деньгах. Когда мы летели в Ванкувер к Скалбани заключать контракт, в котором, как мы могли предполагать, речь пойдет о деньгах, каких никто из нас никогда не видел, Уэйн, получавший, по слухам, неплохую доплату в юношеской команде, пошарил по карманам, чтобы посчитать свои капиталы перед путешествием. Это не заняло много времени. Полтора доллара. Даже сейчас, когда он приезжает летом домой, он всегда «стреляет» у Фелис или у меня пять-десять долларов. Он быстро тратит деньги. Он щедр, иногда чересчур. Он не делает каких-то экстравагантных или безумных покупок, но он всегда готов покупать вещи для других. Для семьи он рад сделать или купить все, что угодно. Однако при нем обычно денег не бывает. И пока не заметно, чтобы что-то изменилось.

В 1982 году спортивный комплекс «Норт Парк Арена» был переименован и в его честь назван «Уэйн Гретцки Спортс Сентер». На официальном обеде Уэйн в своей речи благодарил всех, в том числе и своих бывших тренеров. Всех до единого. Но сначала он подошел к Бобу Хоккину и, протянув ему монету, сказал: «Вот я возвращаю старый долг, дядя Боб».

Эта история началась несколько лет назад. Когда Уэйну было десять лет, он часто после игры занимал у Боба монетку в четверть доллара, чтобы купить бутылку «кока-колы» в автомате. После каждой игры одно и то же: «Дядя Боб, одолжите мне четвертак. Я вам верну на тренировке». Он исправно возвращал долг, но после очередной игры снова просил монетку. И вот теперь он отдавал этот долг в двадцать пять центов раз и навсегда.

– Неплохо, да? – спросил я Фелис. – Он молодец.

– Не знаю, – ответила она. – Как раз перед этим спектаклем он прислал ко мне Брента попросить четвертак.

Деньги появились у него так неожиданно и быстро, а Уэйн был так молод, что с ними чаще возникали забавные ситуации, чем проблемы. Все чеки депонировались его бухгалтером на счет в Торонто, а в Эдмонтоне у Уэйна был открыт текущий счет. Если ему нужны были деньги, он выписывал чек. Однажды служащая банка, не раз депонировавшая многотысячные чеки для Уэйна, удивилась: почему он не заведет кредитную карточку?

– Мне нельзя, – ответил Уэйн.

– Почему же? Все имеют на это право, – настаивала она.

– Только не я. Ведь нужно, чтобы мне исполнилось восемнадцать лет.

Он был так знаменит, что часто люди забывали о его возрасте. Иногда и Уэйн забывал. Однажды, вскоре после переезда в Эдмонтон, он сидел с товарищами по команде в баре «Колизеума», потягивая какой-то лимонад. Вдруг к ним подошел администратор и попросил Уэйна покинуть бар. Неважно, что он пил безалкогольный коктейль. Правило ясно и недвусмысленно гласило: детей в бар пускать запрещается. И еще несколько недель Уэйн Гретцки считался ребенком, независимо от того, профессионал он или нет.

Тот день, когда он перестал быть ребенком, я никогда не забуду.

Он пробыл в Эдмонтоне около двух недель, когда мистер Поклингтон позвонил Гасу Бэдди и сказал, что он хочет предложить Уэйну подписать контракт на двадцать один год: девять лет плюс два возобновления по шесть лет. Плата в течение девяти лет по 180 000 долларов ежегодно и премия в 100 000. Получалось символическое сочетание чисел: номер 99 оставался в «Ойлерз» до 1999 года.

– Нет, не пойдет, – отрезал Гас.

Через некоторое время Поклингтон снова позвонил и предложил этот контракт на других условиях: 280 000 ежегодно в течение первых девяти лет и премия в 100 000 долларов. Он хотел, чтобы контракт был подписан в торжественной обстановке на льду «Колизеума» в день восемнадцатилетия Уэйна прямо перед игрой с «Цинциннати».

У Поклингтона были причины желать заключения такого контракта. О слиянии ВХА с НХЛ говорили все настойчивее. Считалось, что одним из условий будет обязательное участие в конкурсе НХЛ всех молодых игроков, ранее купленных ВХА, как только им исполнится двадцать лет.

Уэйну Гретцки двадцать лет исполнялось в 1981 году. Все команды стремились получить право отбирать игроков первыми, чтобы забрать его себе. Если у «Ойлерз» будет долговременный контракт с Уэйном, то Поклингтон сможет настаивать на слиянии без оговорок, лишаящих команды ВХА их лучших молодых игроков. Кроме того, такой контракт позволял удержать Уэйна в клубе независимо от исхода событий.

Уэйну нужно было решить непростую задачу: то ли принять условия нового соглашения, гарантирующего более высокую оплату и безопасность на годы вперед; то ли сохранить старый контракт (купленный Поклингом у Скалбани), по которому в сезоне 1982/83 года у него заканчивался обязательный четырехлетний срок, и при возобновлении можно было поторговаться. Это, конечно, рискованно: будет ли он так же силен, чтобы самому диктовать условия? А может быть, вообще лучше заново договориться с командой, которая выберет его на конкурсе, если слияние лиг произойдет с таким условием?

Соображения осторожности, здравого смысла взяли верх. Уэйн рассуждал так: «А если я завтра сломаю ногу, как я буду жить, выбросив на ветер 280 000 дохода ежегодно в течение девяти лет?» Гас позвонил Поклинготу, и началась подготовка к торжеству.

Но перед этим имело место другое празднование, далеко не столь официальное и торжественное. Уже пошел слух, что контракт будет подписан, и «Ойлерз» были полны желания выжать из события как можно больше. Игроки же задумали по-своему отпраздновать сие событие.

День рождения Уэйна был в пятницу. А во вторник в матче с «Нью-Инглэнд» он был сбит с ног и от злости швырнул клюшку и перчатки на лед. На следующий день на утренней тренировке Стив Карлсон по кличке Голливуд (он снимался в комедии о хоккее «Щелчок») показывал сценку под названием «Уэйн обиделся», очень смешно изображая, будто хочет снять конек и бросить его тоже. Уэйн стоял при этом красный как рак.

Затем появился именинный пирог: мягкий, липкий, сладкий пирог «Темный лес». Ребята объяснили свой выбор тем, что его падение в игре с «Нью-Инглэнд» выглядело уж больно притворным. Ребятам это было не по вкусу. Они ему выложили все в открытую на тренировке в четверг утром.

Все над ним подтрунивали. Уэйн был самым младшим в команде и, конечно, все время терпел насмешки. Но если ему нужен был совет, он, не колеблясь, обращался к старшим и более опытным игрокам, особенно когда речь зашла о новом контракте. Хотя Уэйн и согласился его подписать, он не очень ясно представлял себе, чем это может обернуться для него.

Уэйн вспоминает об этом так:

«Я все думал, думал, думал. Я действительно растерялся и не знал, как же мне поступить. Еще утром того дня на тренировке я не был уверен, что подпишу контракт. Некоторые ребята говорили: „Подписывай“, другие не советовали. Я решил позвонить отцу, но не мог разыскать его.

Я обзвонил всех в Брэнтфорде. Звонил соседям. Они тоже не знали, где отец. Наконец в половине шестого он позвонил мне сам. Он был уже в Эдмонтоне. Питер прислал за ними самолет, чтобы вся семья могла присутствовать при подписании контракта. А я все еще колебался.

И в раздевалке я все еще раздумывал и приставал к ребятам. Лучший совет мне дал Эйс Бейли. «Подписывай, – сказал он. – Будешь играть хорошо, через два года тебе предложат условия получше». То же самое мне говорил и отец. Но были и другие советы.

– Не подписывай.

– Но так нельзя. Ведь назначена церемония! На центральной площадке!

– Ну тогда поставь подпись Боб Смит. Они не заметят, а контракт будет недействителен. Можешь потом заново торговаться или подпишешь этот, когда решишь окончательно.

Глупо? Но как был близок я к тому, чтобы сделать это. Когда я вышел подписывать контракт, я уж было начал выводить В.¹⁵ И буква «W»¹⁶ в моей подписи кривая. Но потом я понял, что не могу так поступить.

И все-таки я до сих пор жалею, что не подписался Боб Смит. Я бы хотел, чтобы этого контракта не было. Я не жалею о прошлом, но люблю помечтать о том, где бы я был сегодня, если бы не этот контракт. Я всем доволен, счастлив и благодарен судьбе, но иногда не сплю, думая об этом.

Эйс Бейли был прав. Через два года мистер Поклингтон предложил мне новый контракт. Он хотел продлить его еще на пять лет. Но я отказался. Мы просто пересмотрели финансовую часть соглашения. И должен сказать, что платят мне не миллион долларов в год, как думают многие.

Мне будет двадцать семь лет, когда придет время первого продления контракта еще на шесть лет. Жизнь моя обеспечена. Я играю в знаменитой команде, в городе, который считается одним из центров хоккея. Но иногда в мыслях я вижу себя мальчиком на центральной площадке. Все смотрят на меня: мама, отец, братья, тысячи болельщиков. Вот огромный именинный пирог и бутылка «Детского шампанского» от ребят из команды. Я беру ручку и пишу: Боб Смит.

Интересно, заметил бы кто-нибудь это сразу? Интересно, а что бы случилось, когда узнали? Интересно...»

Ах, эти дети. Я-то думал, что все хорошо, что все сомнения он разрешил, а Уэйн, оказывается, в это время размышлял, не подписаться ли ему Боб Смит. Как угадать, что у них в голове?

Однако «Цинциннати» испортила праздник. За месяц до этого в декабре, Уэйн в матче с ней сделал свой первый хет-трик в профессионалах. В праздничный для Уэйна вечер

¹⁵ В – первая буква имени Bob.

¹⁶ По-английски Уэйн пишется Wayne.

«Цинциннати Стингерз» победили со счетом 5: 2, а Уэйну удалось сделать всего одну голевую передачу.

Зато теперь он стал взрослым. Номеру 99 исполнилось восемнадцать. Он может теперь зайти с друзьями в бар и угостить их. Если не забудет взять с собой деньги.

Невероятный год

«Он хуже Бобби Орра. Тот хоть начинал атаку со своей половины площадки, и вы могли подготовиться к встрече с ним. Гретьки вдруг возникает перед вами из ничего».

Бобби Кларк, «Филадельфия Флайерз». Декабрь 1982 года

Это был, наверное, самый дурацкий совет, когда-либо данный больному: «Возьми две таблетки аспирина, приклей их пластырем к коленке, и все пройдет». Причем советовавший даже не был врачом.

30 декабря 1981 года Уэйн сидел в раздевалке перед игрой с «Филадельфия Флайерз». Ему не хватало пяти голов, чтобы повторить рекорд Мориса Ришара – 50 голов за 50 игр. Рекорд, остававшийся незыблемым с 1945 года. Рекорд, переживший и объединение лиг, и все изменения в хоккее.

Только в 1980 году Майк Босси сумел повторить его. Но лишь повторить.

Казалось, что Уэйн наконец побьет его. Ведь игра с «Флайерз» была только 39-й, а за последние четыре матча ему удалось забить десять шайб. В последней встрече с «Лос-Анджелесом» – сразу четыре. Так что оставалось забросить пять шайб в двенадцати матчах. Пять – в двенадцати! Никаких проблем. По пути на стадион Уэйн даже сказал Лоу, что попробует забить их сегодня же.

Но чувствовал он себя отвратительно. В последней игре ушиб колено. Вот тогда к нему и подошел Глен Сэйзер с двумя таблетками аспирина и пластырем. «Приклей-ка на коленку», – сказал он.

Уэйн чуть не упал со смеху. Но аккуратно приклеил таблетки к колену под наколенник. Потом вышел на лед и сделал невероятное: два гола – в первом периоде, один – в начале второго и еще один – на шестой минуте третьего. Еще одна шайба, и рекорд будет побит. Зрители как будто сошли с ума. Наверху в своей кабинке радиокomentатор так кричал, что было страшно: вдруг Уэйн забьет 50-й гол, а он охрипнет и не сможет рассказать об этом.

Игра продолжалась. «Флайерз» сначала проигрывали 4: 1, а потом сумели довести счет до 6:5. До конца игры оставалась 1 минута и 14 секунд, и «Филадельфия» сняла вратаря.

Ворота были пусты. Уэйн подхватил шайбу в центре. Он развернулся, ударил и... не попал! Вбрасывание. За семь секунд до конца Гленн Андерсон поймал шайбу с отскока, и они с Уэйном оказались вдвоем против одного Била Барбера и пустых ворот. Гленн ни секунды не колебался. Он передал шайбу Уэйну, который тут же выстрелил по воротам от синей линии. Шайба влетела в ворота за две секунды до финального свистка, и Уэйн стал обладателем нового рекорда...

В том же сезоне 1981/82 года в Буффало состоялась игра «Эдмонтон Ойлерз» с «Буффало Сэйбрз». На ней присутствовали Фил Эспозито и президент НХЛ Джон Зиглер. Уэйн шутил: «Чувствовать у себя за спиной таких знаменитых людей, ожидающих от тебя голов, тяжелее, чем забивать шайбы». Но ему было, конечно, особенно приятно, что приехал Эспозито. Мистер Зиглер присутствовал, так сказать, по долгу службы. Эспозито же был желанным гостем. Он приезжал раньше в Детройт, чтобы увидеть, как Уэйн повторит его рекорд.¹⁷ Он приехал и в Буффало, чтобы увидеть, как Уэйн улучшит его рекорд. Он лучше всех мог понять Уэйна. Ведь он испытал все это сам.

¹⁷ 76 голов за один сезон.

Довольно долго казалось, что Филу и мистеру Зиглеру придется приезжать еще на одну игру. Три или четыре раза Дон Эдвардс, вратарь «Буффало Сэйбрз», отбивал броски Уэйна. Меньше чем за семь минут до конца счет был равным – 3:3. И тут Уэйн забрал шайбу на синей линии соперников, вошел в их зону и забил Эдвардсу гол кистевым броском.

«Ойлерз» выкатились на лед и стали поздравлять его. Публика устроила овацию. Игру остановили. Эспозито вручил шайбу, вынутую из ворот, Уэйну, назвав его «самым талантливым и одним из самых симпатичных игроков». Уэйн сокрушил его рекорд, но Эспозито был очень рад за него. «Спасибо, Уэйн, – сказал он, – за то, что ты пригласил меня присутствовать при этом событии».

Теперь Уэйн мог бы и расслабиться, но... через две минуты после возобновления игры он забил 78-й гол, а за семнадцать секунд до конца и 79-й. «Ойлерз» победили со счетом 6:3. Это было достойное завершение прекрасного вечера. И никто тогда не знал, что это была последняя вершина «Ойлерз» в сезоне. Дальше все покатило под гору.

Только «Айлендерс» закончили чемпионат с лучшим результатом, чем «Ойлерз». «Эдмонтонцы установили рекорды НХЛ по числу голов (417), по числу результативных передач (706) и по числу очков (1123), – писали газеты. – У них не слишком ладится игра со времени встречи в Буффало, но ведь в кубковых матчах все начинается заново. Так что можно ждать успехов».

В первом круге игр на Кубок Стэнли «Ойлерз» должны были встретиться с «Лос-Анджелес Кингз», которых они опередили в чемпионате на 48 очков и два последних матча у них выиграли соответственно 6:2 и 7:3.

Но что-то уже произошло с командой. Только до этого дня никто не знал, что именно. «Кингз» выиграли серию из пяти матчей. Играть, правда, пришлось все пять встреч, но после того, как «Ойлерз» у себя дома проиграли последний матч 7:4, все забыли и об удачном сезоне, и о рекордах. Эдмонтонская газета «Журнал» в день этой игры напечатала на раскрашенной в сине-оранжевые цвета «Ойлерз» первой странице гимн клуба. На следующее утро на той же странице газета разразилась потоками упреков и брани в адрес команды. «Они провалились!» – буквально вопил огромный заголовок. Ребятам обозвали «нытиками с трясущимися от страха коленками».

Я лично думаю, что мальчишки просто сломались. Они были очень молоды и еще не умели распределить силы на весь длинный сезон. Анализы крови у Уэйна, Кевина Лоу, Дэйва Семенко и Марка Мессье показали анемию. В предыдущем сезоне их считали всего лишь молодой командой и не ждали от них ничего. Теперь, полагали некоторые, они могли бы бороться за Кубок Стэнли. А когда люди думают, что вы обманули или подвели их, они мстят. В Эдмонтоне пресса мстила ребятам из «Ойлерз» за обманутые надежды.

У Уэйна не было времени задуматься обо всем этом. На следующий день после последнего матча он улетел в Европу играть за сборную Канады на чемпионате мира. Но тогдашняя травля была только началом кошмара, который преследовал «Ойлерз» еще долго. Кошмар этот назывался: «Они не способны выиграть Кубок Стэнли».

В сезоне 1981/82 года Уэйн улучшил свои собственные рекорды по числу передач (120) и очков (212). Майк Босси из «Айлендерс» с результатом 147 очков стал третьим за всю историю НХЛ, но он отстал от Уэйна на 65 очков. Это был самый большой разрыв между лидерами за время существования лиги. Уэйн улучшил рекорд Фила Эспозито, забив 92 гола за сезон. В третий раз ему был вручен приз Харта... Но «Ойлерз» не смогли пройти дальше первого круга игр на Кубок Стэнли.

В следующем сезоне 1982/83 года Уэйн был лидером по числу забитых шайб (71), результативных передач (рекорд лиги 125) и общему количеству очков (196). В 16 кубковых встречах он набрал 38 очков, и на сей раз «Ойлерз» дошли до финала Кубка Стэнли, но... проиграли «Айлендерс».

Эдмонтонцы устанавливали рекорды, стадионы, где они играли, были переполнены, они были молоды, стремительны, интересны, но над ними постоянно висело, как проклятие: «Не могут! Не могут! Не могут!». От болезни было одно средство. Оно называлось: «Победа

в Кубке Стэнли». Ничего другого в Эдмонтоне знать не хотели.

Поездка в Москву

«Владислав Третьяк и Уэйн Гретцки. Два великих хоккеиста на одной площадке. Когда они играют, кажется, сверкают молнии».

Из газет. 1982 год

Больше всего это походило на обычную уличную сценку – как будто собралось несколько мальчишек покидать шайбу. Один встает в ворота, а другие бросают и бросают по воротам.

Кейт, Глен и Brent по очереди состязались с нападающим и вратарем своего возраста. Спор был яростный. От хохота зрителей дрожали стены. А потом на лед вышли «взрослые дети»: Уэйн Гретцки с шайбой и Владислав Третьяк, который встал в ворота.

Это происходило в Центральном Спортивном клубе Советской Армии в Москве. Мы приехали в СССР по приглашению «Филмспорт Канада», кинокомпании из Виннипега, решившей снять часовой телефильм с семьей Гретцки в качестве главных героев. Идея, как об этом говорилось в специальном бюллетене компании, заключалась в следующем: «Показать гуманистическую направленность спорта и его роль в укреплении связей и взаимопонимания между народами. Эта тема раскрывается на примере судьбы Уэйна Гретцки, его отношений с отцом, матерью, братьями, друзьями и Владиславом Третьяком, одним из самых яростных его соперников на льду, но добрым другом в жизни».

В переводе с официального языка это означало: вся наша семья плюс моя теща Бетти Хоккин, Викки Мосс¹⁸ и ее мать Софи, Чарли Генри с женой Нэн стали членами съемочной группы и получили возможность провести несколько дней в Москве. Мы приземлились в международном аэропорту Шереметьево 28 июня 1982 года и до нашего отъезда домой 5 июля столько увидели, что впечатлений и воспоминаний хватит на всю жизнь.

Фильм был задуман очень интересно: съемка тренировки советских игроков всех возрастов. Владислав (или Блад, как мы его стали называть вскоре) выступал в роли инструктора и комментатора. Мои мальчишки должны были следить за тренировкой, а потом попробовать выполнить задания русских тренеров. Затем советские ребята должны были выполнить наши обычные тренировочные задания. Зрители могли сравнить две системы подготовки юных хоккеистов, а ребята кое-чему научиться друг у друга, и все вместе должны были получить удовольствие. Прекрасный план!

Уэйн потом вспоминал, как смотрел на Brenta в новой шикарной форме, стоящего в растерянности перед мальчиком его возраста в ободренных коньках и не лучшего качества обмундировании, и думал, что, может быть, не нужно нам, канадцам, так упорно натаскивать малышей, не нужно постоянно указывать им, как играть.

«Ну в самом деле, чему можно научить десятилетнего парнишку? Только тому, что он может воспринять. Учите основам – так, как делают русские. Когда в Канаде на льду команда десятилетних, только и слышишь крики тренера: „Бросай! Держи свой край! Обороняйся! Вбрасывай в зону!“ Русские выпускают своих десятилеток на лед и говорят только: „Побегайте!... Бери шайбу и – бей!“ Вполне достаточно. Посмотрите, как катаются русские ребята, как держат шайбу, как ее ведут. Прямо удовольствие наблюдать за ними.

У них одна задача – взять шайбу и забросить ее в ворота. Никаких «Держи свой край!» и «Обороняйся!». Просто «Отбери шайбу и – бей». Мои братья отлично владеют шайбой. Но я видел русских мальчиков разных возрастов, которые делают это не хуже, а то и лучше их. Они с воплями и криками носятся по всему льду. И Третьяк там, на льду, с ними хохочет, кричит. А у нас «Вбрасывай в зону! Бросай! Дай ему по башке!» Глупо и скучно.

¹⁸ Невеста Уэйна Гретцки.

Мы привезли с собой кучу чемоданов: фотографии Уэйна с автографами (болельщики атаковали его почти так же, как в Канаде, только в основном это были люди постарше, лет по тридцать-сорок), ежегодник КАХА, который с трудом пропустили на границе (советские таможенники косо смотрят на тех, кто ввозит книги в страну), и жвачку, горы жвачки. Если бы мы весь наш багаж заполнили только резинкой, оставив остальное дома, то и тогда ее бы не хватило. Всем она нужна, особенно мальчишкам.

Мы привезли несколько лишних комплектов хоккейной амуниции, и мальчишки, которым она досталась, радовались так, будто нашли клад.

И не только мальчишки.

Анатолий Фирсов, легендарный хоккеист, тренер юношеской команды, был вместе с нами повсюду. Фирсов подружился с Чарли Генри. Однажды они решили поразмяться: Чарли в своих новых модных коньках, и Фирсов в стареньких, видевших не одну жаркую схватку. Чарли предложил Анатолию попробовать новые коньки и подарил их ему.

В свободное от тренировок время мы ездили по Москве, наблюдали, сравнивали, удивлялись.

Третьяк и Фирсов были нашими постоянными попутчиками в таких поездках. Мальчики, особенно Брент, буквально боготворили Владислава. Каждое утро Третьяк и Фирсов встречали нас у гостиницы «Советская», – но ни разу они не вошли в нее. Они ждали нас на улице у входа. Это гостиница для иностранных туристов, и там строгие правила. Третьяк – популярнейший спортсмен, но и он не мог переступить порога гостиницы.

Нас прекрасно принимали, хотя мальчики никак не могли привыкнуть к необычной для них еде. Попав в наше посольство, они буквально объелись своими любимыми гамбургерами. А однажды поздно вечером, соскучившись по нашим домашним канадским лакомствам, мы напросились в гости к кому-то из сотрудников посольства и не могли оторваться от арахисового масла и сэндвичей с джемом. Вдали от дома скучаешь по всяким милым сердцу пустякам.

Конечно, мы осмотрели все, что положено туристам. Были в замечательном Московском цирке. Наблюдали смену караула у Мавзолея Ленина на Красной площади – это одно из самых впечатляющих зрелищ, какие я когда-либо видел. Уэйн же видел смену караула не раз. Дело вот в чем. Однажды он никак не мог заснуть, бродил по гостинице, в холле в половине второго ночи наткнулся на Чарли (который вообще, видимо, никогда не спит), и они отправились гулять. Гуляли до утра и каждый час возвращались на площадь – посмотреть еще раз этот потрясающий ритуал.

Но поездка наша состояла не из одних развлечений. Съёмки занимали семь-восемь часов в день, не обходилось без сложностей и огорчений. Кроме того, мы представляли там свою страну и должны были особенно следить за каждым своим шагом и словом. Хорошо, что Уэйн наделен дипломатическим тактом.

На приеме министр спорта Советского Союза беседовал со всей нашей группой, но, естественно, больше всего его интересовал Уэйн. В разговоре он заметил, что русским не нравится Бобби Кларк своей грубой игрой. И напомнил, как во встрече с советской сборной в 1972 году Кларк ударил Валерия Харламова по ногам. Потом С. Павлов прямо спросил Уэйна: «А как вы относитесь к нему, ведь вы – игрок совсем другого типа, вы больше похожи на наших ребят?»

Уэйн ни секунды не раздумывал. Он улыбнулся и сказал: «Нужно помнить, что Бобби Кларк горячо жаждет победы и яростно борется за нее, так же как игроки вашей команды. А болельщики и канадские, и американские восхищаются им еще и потому, – но вы, может быть, этого не знаете, – что Бобби болен диабетом. Однако, если он сыграл похуже или его команда проиграла, никогда не ссылаясь на свою болезнь. Его пример вдохновляет людей, доказывая, что упорством и трудом можно преодолеть любые препятствия».

Некоторые ограничения, с которыми мы столкнулись в Москве, казались странными и очень раздражали. В гостинице у входа швейцар стоит на страже все двадцать четыре часа, и, если у вас нет пропуска, в гостиницу не попадешь. На фотоаппарат смотрят с подозрением. В

Москве есть телевизионная башня, с которой открывается замечательная панорама города, но фотоаппарат мне пришлось оставить внизу, иначе меня не пустили бы наверх. Я хотел сфотографировать русского постового у посольства, но наш гид сказала, что этого делать нельзя, «потому что многим постовым это не нравится». Меня взяла досада, и я ей сказал, что где-нибудь в Канаде или в Штатах солдат или полицейский всегда готовы с улыбкой позировать туристам. А когда мы ехали из Москвы в аэропорт, я принялся снимать из-за ее плеча, прямо из автобуса. Она не сказала ни слова, сидела, глядя вперед, не поворачивая головы. Это было грубо и бестактно с моей стороны, я понимаю. Но мне хотелось настоять на своем.

Люди в общем везде одинаковы, в какой бы стране вы ни оказались, и москвичи оставили у нас самую добрую память. Третьяк и Фирсов, например, очень полюбили наших мальчиков. И я до сих пор вижу, как Татьяна, жена Владислава, прямо лучится гордостью каждый раз, когда у ее мужа просят автограф.

Мы должны были обедать у Владислава дома, и киношники хотели снять этот вечер. Влад пригласил всех, но нам сказали, что в его квартире будет тесновато. Чтобы не создавать Владиславу и его семье ненужных сложностей, мы решили сделать так: мальчики пусть идут, а мы с Филис придумаем какую-нибудь удобную отговорку.

Владислав настойчиво приглашал всех. Наконец мы с Филис все-таки отказались, но сказали, что мальчики будут просто счастливы рассказать дома, что они были в гостях и обедали у самого Третьяка. Владислав все понял.

Владислав Третьяк. Выдающийся спортсмен и, что более важно, замечательный человек. Сцену в аэропорту, куда он приехал попрощаться с нами, я не забуду.

Брент не хотел расставаться с Владом. Пришло время идти в самолет, а мы никак не можем найти мальчика. В конце концов Влад обнаружил его: Брент присел среди чемоданов, сумок и плакал. Третьяк подхватил его на руки, крепко обнял на прощание. Брент даже улыбнулся сквозь слезы. И не нужно у него спрашивать, кто из советских хоккеистов ему нравится. Кумир не меняется...

Через несколько месяцев русские приедут в Канаду вместе с командами других хоккейных стран, чтобы вновь, после перерыва, разыграть Кубок Канады. Для Уэйна Кубок Стэнли всегда был целью номер один. А Кубок Канады – сразу за ним, на втором месте.

В первый раз он играл против советских хоккеистов в 1977 году на чемпионате мира среди юниоров в монреальском «Форуме». Тогда ему было шестнадцать лет и он с трудом попал в команду. Эрни Маклин, один из тренеров сборной Канады, сказал: «Он замечательный молодой игрок, но хватит ли у него сил выстоять в жесткой игре?»

После того как Маклин раскритиковал его за игру в товарищеской встрече со шведами, Уэйн решил, что его шансы попасть в сборную ничтожны. «Они, конечно, сошлются на мой возраст. Но это слабое утешение».

Да, он был очень молод, нечего и говорить, так молод, что входил в раздевалку «Канадиенс», как в храм. Он спросил у служителя, где место Ги Лафлера. «Да вон там, между Ларушем и Стивом Шаттом», – ответил тот. «Боже! – вздохнул Уэйн. – Какие они счастливичики».

И он вышел из комнаты. И стал лучшим бомбардиром на том чемпионате, забив 8 голов и сделав 9 голевых передач за шесть игр. Его назвали центральным нападающим в команде «Олл Старз», но самыми полезными игроками в нашей команде стали Райан Уолтер и Роб Рэмедж. Этого я не ожидал.

Сборная Канады тогда проиграла 2:3 в напряженной встрече советским хоккеистам. «Советы» в финале выиграли у шведов 5:2.

В следующий раз Уэйн встретился с русскими, когда в составе сборной «звезд ВХА» играл в одной тройке с Горди и Марком Хоу против московского «Динамо». Команда ВХА выиграла серию 4:2, 4:2 и 4:3. Потом были игры на Кубок Канады 1980/81. Эту серию помнят все. День, когда сборная Канады была буквально разгромлена в последней игре русскими со счетом 8:1, назвали днем национального позора. Никто не вспоминал, что

канадцы выиграли две первые встречи. Расписание игр было составлено таким образом, что последняя встреча стала решающей, и русские вырвали победу. И не было в канадской команде игрока, который не хотел бы новой встречи. Уэйн не планировал играть в сборной на чемпионате мира 1982 года в Финляндии. Он собирался в составе «Ойлерз» бороться за Кубок Стэнли. Но в первом же круге «Лос-Анджелес Кингз» вытеснили их, выиграв серию со счетом 3:2. И на следующий день Уэйн и Пол Коффи улетели в Европу. Оба были безмерно огорчены. Но на чемпионате в Финляндии произошел один из самых трогательных эпизодов за всю карьеру Уэйна.

По окончании турнира Дэррил Ситтлер был признан самым полезным игроком в сборной Канады и награжден часами. Прямо там же, на катке, перед толпой зрителей, он направился к Уэйну и отдал ему награду. «Возьми. Это ты их должен получить», – сказал Дэррил.

Конечно, Уэйн не взял часы, Ситтлер весь чемпионат играл просто замечательно. И жюри выбрало его. А потом Уэйн все не мог успокоиться: «Какой человек Дэррил! Какой замечательный человек!»

Он никогда не забывает ни своего друга Дэррила Ситтлера, ни своего друга Владислава Третьяка. В последний раз, когда они встретились на льду, их окружали смеющиеся мальчишки, русские и канадские – снимался фильм. Наши мальчишки были в свитерах сборной Канады первой серии 1972 года. Когда игра закончилась, они поменялись свитерами со своими советскими соперниками. Был еще Кубок Канады 1985 года, но Владислав уже не играл. Будут еще игры, и, может быть, когда-нибудь он придет с командой тренером. Но дуэль Гретцки с Третьяком больше не повторится. И я уверен, все жалеют об этом.

«Главное – выиграть у русских!»

«Мы понимали, что, только показав безупречную игру, мы сможем победить. Для этого мы вышли на лед. И победили.»

Уэйн Гретцки. 13 сентября 1984 года

Глену Сэйзеру не откажешь в мужестве. Ему было поручено отобрать и возглавить сборную Канады для участия в турнире на Кубок Канады 1984 года. В его распоряжении были все канадские игроки НХЛ, а он взял восемь хоккеистов из «Ойлерз», свою тренерскую группу и прессагента из Эдмонта.

Неблагодарная это была работа. С самого начала Сэйзер заявил, что многие удивятся его выбору, что команда не явится коллекцией звезд, он будет выбирать игроков, которые сумеют наилучшим образом выполнить задачи, поставленные им. Но каждый из 32 хоккеистов, собравшихся 5 августа на тренировочные сборы в Монреале, играл в НХЛ, хотел выступать за сборную своей страны и был звездой. Как сказать большинству из них, что они не подходят для сборной?

Сэйзер сделал свой выбор, и многие действительно были удивлены. Такие выдающиеся игроки, как Рик Вайв из «Торонто Мэйпл Лифс», на счету которого было 50 голов, Дени Савар – центральный нападающий «Чикаго Блэк Хоукс» и Брайан Саттер из Сент-Луиса, не попали в команду. Зато взяли Боба Бурна, ветерана «Нью-Йорк Айлендерс» и девятнадцатилетнего Стива Айзермэна из «Детройта». Выбор Сэйзера основывался на его собственных планах. Он понимал, что, кого бы он ни выбрал, недовольные найдутся.

Хоккеисты, отвергнутые Сэйзером, не держали зла на него, хотя были, конечно, очень огорчены. Саттер сказал: «Когда я ехал на сборы, я знал, что еду на конкурс лучших игроков. Побыв здесь некоторое время, понял, что с этими ребятами можно отлично играть. Я считаю за честь приглашение сюда, но, конечно, обидно возвращаться домой». Савар, игравший на сборах с травмой, сказал от имени всех: «Я огорчен, но мы все будем болеть за этих парней и надеемся, что они выиграют».

Разумеется, пресса не упустила случая пройтись насчет сборной «Ойлерз». В команду

входило восемь игроков клуба, Сэйзер был генеральным менеджером и главным тренером, Тед Грин и Джон Маклер – ассистентами (вместе с бывшим первым тренером «Виннипега» Томом Уаттом).

«Ойлерз» взяли Кубок Стэнли во многом благодаря скорости. А скорость и нужна в игре с русской командой. В международных встречах главная задача сборной Канады – выиграть у русских. Завоевать Кубок Канады – хорошо, но обязательно надо выиграть у русских. Они нанесли поражения Канаде на двух последних чемпионатах мира, выиграли 6:0 в финале Кубка вызова в 1979 году и 8:1 в Кубке Канады 1981 года, хотя в предварительных играх побеждали канадцы. Третий раз пережить такое унижение было невыносимо.

Итак, в команду вошли из «Эдмонтон Ойлерз» Уэйн, Гленн Андерсон и Марк Мессье – нападающие, из защитников – Пол Коффи, Рэнди Грегг, Кевин Лоу и Чарли Хадди и вратарь Грант Фюр. Вторым вратарем Сэйзер взял Пита Питерса из «Бостона», а Регги Лемелин, хоть и не был включен в официальный список, пребывал в команде на случай экстренной замены.

Недостатка в бомбардирах не было. Из «Айлендерс» прибыла ударная тройка в полном составе: Майк Босси, Джон Тонелли и Brent Саттер (Брайан Тротье уже играл за сборную США). Мишель Гуле и Петер Штясны, принявший канадское гражданство, прибыли из «Квебек Нордикс», Майкл Гартнер – из «Вашингтон Кэпитэлз», Брайан Беллоуз – из «Миннесота Норт Старз», Рик Миддлтон – из «Бостон Брюинз». В защите кроме четырех хоккеистов из «Ойлерз» должны были играть Рэй Бурк («Бостон Брюинз»), Дуг Уилсон («Чикаго Блэк Хоукс») и знаменитый Лэрри Робинсон из «Монреалья». Ему было тридцать три года, он был самым старшим в команде, но у него имелся огромный опыт международных встреч.

Это была скоростная команда, готовая и к силовой борьбе, и к тонкой кропотливой созидательной работе. Как объяснял Сэйзер, универсальность являлась одним из основных критериев при отборе.

«Пример универсального игрока – Мессье. Он может играть и в центре, и на левом фланге. Бурк одинаково силен как центральный нападающий и как фланговый игрок. То же можно сказать о Беллоузе. Нам нужны хоккеисты, которые могут делать на льду все и перестраиваться в разных ситуациях».

Это была отличная команда. Мы играли дома. Что же могло помешать нам выиграть? Все, что угодно.

Потом, когда турнир закончился, Уэйн пытался осмыслить случившееся. Главную проблему он видел в недовольстве тем, что Сэйзер взял в команду слишком много игроков из «Ойлерз» и соединил их с хоккеистами «Айлендерс», которых они только накануне разбили в борьбе за Кубок Стэнли.

«Не секрет, что „Айлендерс“ нас не любят, – говорил он. – Началось это еще в 1981 году, когда мы встречались с ними в четвертьфинале игр на Кубок Стэнли, выяснять отношения пришлось шесть матчей, и мы бились до конца. Мы были молоды и по молодости самонадеянны. Так что мы никогда не ладили, а тут оказались в одной команде. Так и остались две команды, соперничающие друг с другом. И все разладилось».

Сначала, казалось, все шло хорошо. Первый матч Канада играла против ФРГ и выиграла 7:2. Уэйн забил три гола, Босси – два, и Уэйна назвали лучшим в матче. А потом все распалось.

Сюрпризом оказалась команда США. У них был молодой вратарь Том Баррассо из «Буффало», в том году названный «лучшим новичком НХЛ». В НХЛ играет много американцев, и, имея таких хоккеистов, как Род Лэнгуэй в защите и Тротье в нападении, команда США могла составить конкуренцию любой сборной. Но никто не предполагал, насколько сильную конкуренцию. А они забili нам две шайбы в третьем периоде и свели матч к ничьей – 4:4.

Это всех поразило, но когда канадцы в Ванкувере проиграли шведам 2:4, началась паника. После третьего тура канадцы занимали третье место. Русским они уступали три очка, американцам – два и только на одно очко опережали шведов.

Сэйзер был в ярости. Репортеры томились у закрытых дверей раздевалки, пока он распекал команду: «Играйте или отправляйтесь по домам!» Он еще больше разозлился, когда кто-то рассказал об этом газетчикам. «Некоторые вещи не должны выходить за порог этой комнаты!» – орал он.

Это было в четверг. Следующую встречу они должны были играть с командой ЧССР в субботу в Калгари. В этот же день чуть раньше на той же площадке играли Швеция и ФРГ, США должны были играть против сборной СССР в Эдмонтоне. Считали, что шведы выигрывают, и, проиграв канадцы, им оставалось бороться с чехословацкой сборной за четвертое место с равным количеством очков.

В Ванкувере в раздевалке Уэйн сказал репортеру:

– Если хотите поговорить с отцом, ищите его в Калгари.

– Но, Уэйн, я звонил ему в Брэнтфорд, он не едет в Калгари.

– Теперь едет.

Через несколько минут дома в Брэнтфорде раздался звонок и мы отправились. А можете сказать, что это глупо, но Уэйну казалось, что он играет лучше, когда мы сидим на трибуне. В тот критический момент помочь могла любая малость. Может быть, даже... кусочек оранжевого шнурка.

Приехав в Калгари, я достал его из чемодана, показал Уэйну и разложил во всю длину на полу.

– Это что? – спросил он.

– Это, – ответил я, стараясь говорить уверенно, – шнурок. Перед финалом с «Айлендерс» я замерял твою клюшку, длину ручки. Мне кажется, сейчас что-то у тебя неладно с клюшкой. Надо померить. Может быть, она длинновата.

Я молил бога, чтобы клюшка оказалась хоть на дюйм длиннее или короче. Лишь бы заставить его поменять клюшку и поверить, что в этом все дело.

– Ладно, попробую, – сказал Уэйн. Но особой веры в голосе я не заметил.

Они разгромили команду ЧССР 4:0. Я бы очень хотел похвастать, что моя веревочка помогла, но Уэйн сделал только одну голевую передачу. Кроме того, потом Уэйн сказал, что он таки замерил свои клюшки и длина оказалась одной и той же. Но за сорок восемь часов, что прошли от встречи в Ванкувере до встречи в Калгари, сборная Канады сумела объединиться, почувствовала себя единой командой.

«После игры в Ванкувере у нас было собрание, – рассказывал Уэйн. – Мы все обсудили. И обнаружили, что, пусть и бессознательно, мы играем каждый за себя. Особенно „Ойлерз“ и „Айлендерс“. И решили: „Хватит, нужно отбросить все постороннее. Ладно, мы не любим друг друга, но здесь мы делаем одно дело. И нам нужен не „букет“ команд, а одна команда“. И случилась забавная вещь. Мы вышли на лед и победили сборную ЧССР, но это было только начало. Чем дальше, тем больше мы проникались взаимной симпатией, так что когда мы позже встретились в играх сезона с „Айлендерс“, это была совсем другая игра. Мы по-прежнему хотели победить их, а они – нас, и делали для этого все. Но теперь в основе лежали взаимное уважение и симпатия, чего раньше не было».

Хорошо, что они объяснили и исправили, что могли, вовремя. Потому что их ждало новое испытание.

Как и ожидалось, шведы выиграли у ФРГ 4:2 в четвертом круге, а сборная СССР победила американцев, хотя они оказали отчаянное сопротивление и счет был всего 2:1. Оставался один тур предварительных игр: лидировали русские без поражений с восемью очками, за ними шли канадцы и американцы, набравшие по пять очков, и шведы – четыре очка. В этом последнем туре сборная Швеции играла днем с командой Чехословакии в Ванкувере, американцы с командой ФРГ – в 17.30 в Калгари, а канадцы со сборной СССР – в Эдмонтоне в 20.30. Расписание составили так, чтобы все матчи можно было транслировать по телевидению.

Выход в финальную часть турнира наша команда себе обеспечила, но победа над русскими обеспечивала второе место, а в случае проигрыша – если предположить, что и

шведы, и американцы победят в своих матчах – канадцы опять становились только четвертыми. В полуфиналах, оказавшихся неожиданно жизненно важными, первая команда должна была встречаться с четвертой, а вторая – с третьей. Значит, выиграй канадцы у русских – и в полуфинале им предстоит игра с американцами, а шведы будут играть против русских. Если же Канада проигрывала, то следующая игра в полуфинале была опять с русскими.

По радио, по телевизору и в газетах комментаторы просчитывали варианты. Если команда Канады хочет получить Кубок, ей нужно выиграть у русских и занять второе место в предварительных играх. Первое место на начальной стадии сборная СССР себе уже обеспечила и может немного расслабиться в этот вечер. В кубковой части турнира у канадцев больше шансов победить русских в финальной серии из трех матчей, чем в короткой полуфинальной встрече.

Прошло три часа, и прогнозы пришлось пересматривать. Русские разгромили сборную Канады со счетом 6:3, причем в воротах у них стоял запасной вратарь Александр Тыжных. Они приехали без Владислава Третьяка и без Вячеслава Фетисова (которого многие в Европе считают не только лучшим защитником, но и лучшим игроком в мире). Их центральный нападающий Игорь Ларионов даже не надевал форму в тот вечер. Но при всем том канадцам они позволили всего лишь 17 раз бросить по воротам, а сами забили во втором периоде два гола за 19 секунд. Словом, что говорить, просто разбили нашу команду, которая в течение 30 первых минут играла свою лучшую игру в этом турнире.

Канадцы знали, что у русских отличная хоккейная команда, но такого они не ожидали. «Нужно смотреть правде в глаза, – говорил позже Босси. – У русских хоккейная команда лучше, чем, скажем, „Ойлерз“ или „Айлендерс“. Это две замечательные команды, они не раз владели Кубком Стэнли, но я уверен, если вы ошибетесь в игре с русскими, то это обойдется вам дороже, чем в игре с „Айлендерс“.

Газеты, естественно, не могли умолчать о нашем поражении. «Эдмонтон Сан» вышла с огромным черным заголовком: «Кризис!» Газета буквально вопила в ужасе, выражая мнение всех, кроме хоккеистов и тренеров.

«Можно найти в случившемся и положительный момент: играть нам с ними осталось один раз, и мы можем выйти в финал, – сказал Сэйзер. – Можем. Они выиграли 5:4 в товарищеской встрече в Монреале, но этот матч мы провели гораздо лучше. У нас имелись возможности забить. У Босси было три верных случая, и если еще раз у него возникнет такая возможность, он забьет, я уверен. Он слишком хороший игрок, чтобы упустить свой шанс еще раз».

Хоккеисты говорили между собой о том же. Первый из этих двух быстрых голов во втором периоде был забит русскими лишь по счастливой случайности. Счет в тот момент стал 2:2, и, пока канадцы пребывали в шоке, русские забили еще гол. Вот чего надо избегать: разочарования. «Надо играть безукоризненно, и мы можем победить, – говорили ребята. – Никаких ошибок...»

А в это время разгоралась холодная война. Сэйзер укорял средства массовой информации, что они не поддерживают его команду. Репортеры в ответ стреляли без промаха: команда выиграла лишь одну игру из пяти. Босси считал, что Кубок Канады существует только потому, что этого хочет Алан Иглсон.¹⁹ В подтверждение своей мысли приводил тот факт, что на матч Канада – СССР собралось лишь 12 383 зрителя: «Стоит задуматься, нужен ли кому-нибудь этот турнир?» – сказал Босси.

Проснувшись утром после поражения, Уэйн узнал, что, может быть, это последний в его жизни Кубок Канады.

«Видели ли вы когда-нибудь еще, чтобы хоккеист играл под таким давлением, как Гретцки в этом турнире? – цитировали газеты слова Гаса Бэдли. – От него ждут многого. Он

¹⁹ Исполнительный директор НХЛ.

может великолепно играть, как в матче с чешской сборной, но все нападают на него за то, что он не смог забить шайбу... Много может произойти за четыре года. Но если бы нужно было решать сейчас, играть ли ему в будущем Кубке Канады, я уверен, Уэйн бы отказался». Это было новостью для Уэйна. К следующему турниру ему исполнится только двадцать семь. Он будет не настолько стар, чтобы не играть. Я думаю, он стал бы играть и в пятьдесят. Без сомнения, это был очень тяжелый турнир для него. В Монреале во время товарищеских матчей он отравился. Ему не нужно было выходить против шведов в Ванкувере, но он играл. Сэйзер даже сказал: «Ему еще никогда так не доставалось, как в последних двух играх. Он слишком слаб, чтобы отбиваться».

Он выздоровел к матчу с ЧССР и был признан самым полезным игроком в проигранной русской встрече. Теперь он и все остальные канадские хоккеисты должны были показать все, на что способны, потому что русские выходили в полуфинал не удовлетворенными первой победой и полными решимости забивать снова и как можно больше. По крайней мере, такое впечатление осталось после выступления их тренера Виктора Тихонова.

Тихонов был недоволен грубостью канадцев во время первой игры и заявил, что его команду не запугают хоккеисты, которые «как индейцы коллекционируют скальпы». «Мы не боимся никого, – сказал он. – И такая игра не принесет канадцам победы в полуфинале. Хоккей – игра. А не война».

Есть два взгляда на этот полуфинальный матч. Некоторые считают, что это была самая замечательная игра всех времен. Другие говорят, что она уступала восьмой игре в серии Канада – СССР 1972 года, когда на последней минуте Пол Хендерсон забил победную шайбу и Канада выиграла серию. Но все согласны, что матч этот как минимум на втором месте.

У Сэйзера был план игры. Раньше канадцы чаще вели шайбу по флангу, а затем передавали ее в центр. В большинстве случаев русские перехватывали шайбу при этих передачах и быстро переходили в контратаку. Теперь крайние нападающие должны были держать шайбу и ждать. Если противник завяжет борьбу с ними, хорошо. Игрок на точке вбрасывания будет свободен. Если нет, нужно остальным нападающим собираться перед воротами, закрывать вратарю обзор, а бросать не с пяточка, а примерно с точки вбрасывания.

Канадцы были уверены, что им придется играть в этот раз против Мышкина, а не против Тьжных. Мышкин долгое время считался вратарем номер два после Третьяка и был выдающимся вратарем. Русские, конечно, выйдут лучшими силами.

Но Сэйзеру предстояло принять трудное решение. Все считали, что в ворота нужно ставить Реджи Лемелина. Он стоял в товарищеском матче со сборной СССР, закончившемся нашим поражением 4:5 и был посажен в запас на следующий день. Снова в составе команды он появился после травмы Фюра и отлично сыграл в выигранной у команды ЧССР встрече. С другой стороны, русские только что забили шесть голов в его ворота. Сэйзер долго думал, но решение свое держал в секрете. «Русские тоже читают газеты, – отшучивался он. – Они все делают на совесть».

А решил он поставить Питерса.

«Я уговаривал себя стоять спокойно, – рассказывал позже Питере. – Держать эмоции под контролем, потому что иначе они помешают мне видеть игру. Я не боялся и не нервничал. Я желал победы своей команде и своей стране».

Теперь в записи эти слова могут показаться кому-то «подготовленным экспромтом». Но это не так. Они шли от сердца. Это было заметно, когда он говорил. Голос прерывался, и слезы стояли в глазах. Он только что сыграл самую важную игру в своей жизни...

Это было похоже на поединок боксеров-тяжеловесов, в течение 15 раундов так и не выяснивших, кто чемпион.

Команда Канады доминировала почти все время, но несмотря на большое преимущество в бросках по воротам (35:20), в первом периоде так и не смогла взять ворота Мышкина. Питерс несколько раз спасал свою команду, и второй период закончился со счетом 1:0 после шайбы Тонелли. В третьем периоде русским удалось забить два гола, а за 61 секунду до конца Дуг Уилсон с подачи Уэйна и Боба Бурна сравнял счет. Теперь все: все

планы, все споры., все усилия – свелось к тому, кто первым сумеет забить гол в дополнительное время.

Этот решающий гол точно соответствовал тактической установке Сэйзера. Но сначала защитник Пол Коффи совершил маленькое чудо.

Коффи умеет столь блестяще атаковать, что его часто и совершенно несправедливо критикуют за игру в защите. Люди просто не понимают, что сам стиль игры «Ойлерз» требует, чтобы Коффи несся с шайбой к воротам соперника, чтобы он, защитник, использовал любую возможность забить гол в подходящей ситуации.

Но сегодня Пол Коффи играл не за «Ойлерз», а за сборную Канады. И вдруг Коффи оказался один против двух русских хоккеистов.

Владимир Ковин с шайбой и Михаил Варнаков слева от него летели к нашим воротам. И Коффи, «незадачливый защитник», как его кое-кто называл, сыграл блестяще.

Ковин шел прямо на него. Пол находился между ним и Питерсом. «Он должен отдать пас», – подумал Коффи и сыграл на этом.

В то мгновение, когда Ковин сделал пас, Пол бросился вперед, остановил шайбу и помчался с ней – и вдруг оказалось, что атакует уже Канада. В одну секунду все перевернулось.

Коффи бросил шайбу к борту. Русские кинулись за ней, но здесь был уже Тонелли, большой мастер бороться за шайбу. Он выцарапал ее и отбросил Коффи на точку вбрасывания.

В это время Босси находился на самом горячем месте перед воротами. Канадцы пытались закрыть видимость Мышкину, а русские выталкивали их с пятачка. Босси столкнулся с Мышкиным, выбил у него из рук клюшку и упал на правое поврежденное колено, беспокоившее его на протяжении всего турнира.

Он поднялся как раз в мгновение, когда Коффи бросил, и совершенно инстинктивно, как истинно великий снайпер, Майк подставил свою клюшку и переправил шайбу в ворота мимо Мышкина, которому было нечем ее остановить. На 13-й минуте (точнее 12 минут 29 секунд) дополнительного времени сборная Канады победила со счетом 3:2.

Все просто обезумели от радости. Сначала никто не разобрал даже, что это Босси подправил шайбу. Коффи думал, что забил гол он и подпрыгнул так, что свалился на спину, потом на него обрушились все 900 килограммов игроков сборной Канады.

Во втором полуфинале сборная Швеции разгромила американцев 9:2, и это предвещало боевой финал. Но... шведы бились изо всех сил, во втором матче даже забили четыре последних гола, однако после игры Канада – СССР все выглядело бледным. Канадцы выиграли Кубок (5:2 и 6:5).

Ну и что? Какие выводы? Стало ясно, что русские хоккеисты похожи на канадских, что они вполне смогли бы играть в НХЛ. Тройка Макаров – Ларионов – Крутов могла бы соперничать с любым звеном лиги. («Этот Крутов... – говорил Мишель Гуле, покачивая головой. – Когда он мчится мимо нашей скамейки, свистит ветер».)

После полуфинальной игры несколько русских пришли на вечеринку нашей команды. Они через переводчика спросили, можно ли им присутствовать. Канадцы с удовольствием пригласили их. После этого труднейшего матча они испытывали огромное взаимное уважение и интерес. И наверное, многие советские игроки прикидывали, каково это быть профессионалом НХЛ?

Доказал ли турнир, что сборная Канады лучше сборной СССР?

Лэрри Робинсон и Уэйн ответили на этот вопрос так:

– Турнир доказал, – сказал Робинсон, – что мы были сильнее в этой конкретной игре, так же, как русские были сильнее в решающей игре 1981 года. Турнир доказал, что ни одна из двух команд не должна считать себя худшей.

– Нам три года твердили о нашем поражении в 1981 году, – сказал Уэйн. – Теперь мы победили 3:2. Значит ли это, что мы сейчас лучше? У нас замечательная хоккейная команда и у них замечательная хоккейная команда.

И обе страны с нетерпением ждут новых матчей между ними.

«Но что вы делали после победы!»...

«Они „факиры на час“ – Гретцки и сборная самонадеянных».
Журнал «Инсайд Спортс». Сентябрь 1 1984 года

«Опять ошибка, Уолли, – сказал я себе. – Ты бы должен это знать».

О, казалось бы, я все рассчитал зерно – в тот вечер в раздевалке, когда Уэйн держал, высоко подняв, кубок Стэнли, мои глаза заливали слезы радости, а Феликс стояла, вся облитая шампанским, мне действительно казалось, что все испытания и сомнения позади. Уэйн сможет наконец спокойно играть. Вершина достигнута, нечего никому больше и доказывать, все действительно успокоилось... На четыре месяца.

А потом закончились игры на Кубок Канады, в газетах стали появляться прогнозы на следующий сезон, и я вдруг понял, что «Ойлерз» и Уэйну нужно преодолевать новый барьер. Они должны снова завоевать Кубок Стэнли, иначе все сочтут их победу случайной. «Айлендерс» владели Кубком четыре сезона кряду, до этого четыре года его держали у себя «Монреаль Канадиенс», а до них два сезона Кубок был у «Филадельфии Флайерз». Так что одна победа в глазах болельщиков ничего не значила.

Некоторые считали даже, что победа над «Айлендерс» в серии из пяти игр была случайностью. Стэн Фишлер, репортер из Нью-Йорка, печатающийся во всех хоккейных газетах и журналах североамериканского континента, ничуть не сомневался в этом.

«Ойлерз» страдают галлюцинациями. Им кажется, что они дали начало новой династии победителей – «Эдмонтон Ойлерз». Но царствование в течение одного года не позволяет говорить о династии. Прежде всего, кто такой Уэйн Гретцки? Не мираж ли? Кроме нескольких красивых голов (в результате подозрительно счастливых прорывов) в финальных матчах, он почти ничего не сделал. Гретцки был скован противниками и оказался слишком слаб, чтобы сопротивляться. «Айлендерс» силовыми приемами практически исключили его из игры в трех первых финальных встречах. А в новом сезоне силовая защита против Гретцки безусловно станет еще более жесткой...

Мой прогноз? Не думаю, что «Ойлерз» смогут завоевать Кубок снова».

И Стэн был не одинок, он просто яснее всех высказал свое мнение.

«Ойлерз» понимали, что во второй раз победить будет еще труднее. Против них все играли особенно старательно, потому что теперь «Ойлерз» были знаменитой командой, и выиграть у них было вдвойне почетно.

Глен Сэйзер понимал: нельзя сидеть сложа руки. В конце сезона он совершил крупный обмен: отправил Кена Линзмэна в «Бостон», а вместо него получил Майкла Крушелниски, двадцатичетырехлетнего нападающего, которого можно было ставить и в центр, и на левый фланг. Это был интересный, но опасный шаг, потому что в кубковых сериях Линзмэн забил десять голов. Он мог «завести» игроков, когда «Ойлерз» выдыхались. «Бостону» нужна была «запальная свеча», а Сэйзер хотел получить хорошего игрока на левый фланг в компанию к Уэйну и Яри Курри. Крушелниски (рост 187 см, вес 90 кг) в составе «Брюинз» закончил последние два сезона с 23 и 25 голами. Сэйзер решил, что он подходит.

А Линзмэн быстро доказал, что действительно умеет поддерживать огонь в игре. После первого же матча против бывших одноклубников 16 октября в Эдмонтоне его обвинили в том, что он прокусил щеку Ли Фоголину во время драки во втором периоде. Судьи не видели этого, но Сэйзер был в ярости и ругал Линзмэна на чем свет стоит. «Ли нужно отвезти в госпиталь и сделать ему укол против столбняка! – кричал он. – Ведь Линзмэн просто бешеный!»

Этот матч запомнился еще одному хоккеисту. В воротах «Бостона» стоял новый вратарь Клеон Даскалакис, начинавший свой первый сезон в НХЛ. Перед разминкой он подошел к Сэйзеру и попросил: «Когда Гретцки забьет мне первый гол, подарите мне

фотографию с его автографом».

Гол был забит на седьмой минуте первого периода, а в третьем Уэйн еще раз поразил ворота новичка. Еще два забил Курри, и «Ойлерз» выиграла 7:2. Фотографии исторического гола не было, но в раздевалке Даскалакиса ждала клюшка с автографом Уэйна Гретцки.

В конце января Сэйзер провел еще одну «торговую операцию», как оказалось, весьма удачную. Он продал Терри Мартина и Горда Шервена «Миннесоте», а взамен получил Марка Напьера, сидевшего на скамье запасных с 10 голами и 18 результативными передачами.

К двадцати восьми годам Напьер не потерял скорости, которой славился, еще играя в «Монреаль Канадиенс». В Эдмонтоне он стал играть справа в тройке с Мессье и Андерсоном, а в разгар сезона ему пришлось заменить травмированного Курри в тройке Уэйна. За 32 матча в составе «Ойлерз» он забил 9 голов и сделал 26 передач. Если вы найдете в НХЛ тройку более быструю, чем Напьер – Мессье – Андерсон, расскажите мне о ней, потому что я с такой не знаком. «Ойлерз» купили также центрального нападающего из «Айлендерс» Билли Кэрролла, а потом еще и защитника Лэрри Мелника. Однако в начале сезона это были те же «Ойлерз» минус Линзмэн плюс Крушелнски.

«Ойлерз» владели Кубком Стэнли. Сборная Канады с участием игроков клуба завоевала Кубок Канады. В Эдмонтоне на это смотрели однозначно: они хорошо проведут сезон 1984/85 года и снова получат Кубок Стэнли. Никто не захотел вспомнить об одном: ведущие игроки были переутомлены еще до начала чемпионата.

Вот как, например, у Уэйна складывался сезон 1983/84 года. Тренировочные сборы начались в сентябре, но к этому времени он уже несколько недель занимался конькобежной подготовкой по своему личному плану. Потом чемпионат и игры на Кубок Стэнли – без перерыва до 20 мая. Летом – за исключением двух недель – теннисный «Турнир Уэйна Гретцки», деловые поездки, съемки. 5 августа сборная Канады открыла тренировочные сборы.

Сборы и семь товарищеских встреч длились до 29 августа. Турнир на Кубок Канады проходил с 1 по 18 сентября, и, когда он закончился, игроки сборной уже опоздали к началу сборов нового сезона в клубе.

Сэйзер предоставил хоккеистам «Ойлерз», игравшим в сборной, недельный отпуск, и Уэйн поехал на юг немного позагорать и посмотреть несколько бейсбольных матчей.

Не только у игроков «Ойлерз» год был столь напряженным. Все хоккеисты сборной Канады устали, но только «Ойлерз» и «Айлендерс» добрались до финала Кубка Стэнли 1984 года, и в сборной было больше всего ребят из Эдмонта. Это не могло не сказаться в новом сезоне.

Начало его, как и ожидали, было обнадеживающим. 15 встреч «Ойлерз» не знали поражений: 12 побед и 3 ничьи. Уэйн набрал по очку в каждой из первых 16 игр. Курри в тех же играх забил 18 голов.

Крушелнски прижился в команде, и, казалось, наконец долгие поиски флангового игрока в звене Уэйна успешно закончились. «Я уже могу угадать, что он собирается сделать, – говорил Крушелнски репортерам. – Теперь я сталкиваюсь с Уэйном всего раз за всю тренировку».

Вратари Грант Фюр и Энди Муг надежно стояли в воротах, а Пол Коффи лучше всех защитников лиги работал и головой, и плечами.

Как всегда, некоторые игры были особенно знаменательными. Так, в 27-м матче тройка Уэйна была нейтрализована и для него кончилась серия результативных игр на выезде, кончилась на 72-й игре. В Эдмонтоне 19 декабря в победном матче (7:3) против «Лос-Анджелеса» он забил два гола и сделал четыре голевые передачи. Первая из этих передач дала ему тысячное очко за 424 игры, проведенные в НХЛ. Через десять дней он сделал свой 32-й хет-трик, когда «Ойлерз» победили «Детройт» 6:3. Он догнал Эспозито по числу хет-триков, а закончил сезон, имея их на счету 34.

Были и другие события, не попавшие однако в Книгу рекордов НХЛ. Первое как будто

произошло в Виннипеге. Назовем его так: «Национальный герой считает Гретцки „слабаком“!»

Стив Фолио, одноногий бегун из провинции Британская Колумбия, совершал тогда пробег через всю Канаду, чтобы собрать деньги в фонд онкологических исследований. В Виннипеге на ледовом стадионе был устроен вечер в его честь. Игроки «Виннипег Джетс» собрали 4400 долларов в пользу фонда, болельщики пожертвовали еще 10 000 долларов.

Праздник был грандиозным, и в качестве сюрприза хозяева площадки разгромили «Ойлерз» 6:2.

Перед началом игры репортеры, бравшие интервью у Уэйна, спросили его, что он думает о Стиве Фолио. Уэйн сказал: «Никакие слова не могут выразить мое восхищение его подвигом. Я думаю, это в 50 раз труднее, чем играть в хоккей. Сравнить это ни с чем нельзя. Стив очень мужественный человек».

Но на другой день в газетах появилась и другая статья, где утверждалось, что на вопрос, за кого Стив болеет в хоккее и как он относится к Гретцки, Фолио ответил: «Я не сочувствую проигравшим. Гретцки – слабак».

Скандалное высказывание пошло гулять по другим газетам, «Ойлерз» тогда были в Миннеаполисе и готовились к матчу с «Норт Старз». Фолио отрицал, что говорил что-нибудь подобное, автор же статьи стоял насмерть, утверждая, что написал чистую правду. Уэйн верил: такой человек, как Фолио, не мог сказать подобное. А телефоны в Канадском онкологическом обществе надрывались от звонков – звонили люди с протестами.

Один репортер позвонил в Миннеаполис Дэйву Семенко, которого называют телохранителем Уэйна на льду, и спросил, как Дэйв намерен защищать Уэйна от этого выпада. Семенко не поддержал шуточного тона и сказал, что историю слишком раздули. А пресс-агент «Ойлерз» Бил Туел добавил: «Это несерьезный разговор. Дэйв просто не сумеет догнать Стива». Этой шуткой все и завершилось.

Была еще одна история, которую можно назвать «Великий воздушный перелет через Канаду». Она началась в воскресенье 26 ноября 1984 года после обеда. На следующей неделе во вторник «Ойлерз» играли в Торонто. Команда улетела из Эдмонта в понедельник утром, чтобы успеть провести в Торонто вечернюю тренировку. Сэйзер позволил Уэйну уехать на день раньше с условием, что на тренировку он явится.

Дело в том, что на утро у Уэйна в Торонто были назначены пресс-конференция и деловой завтрак, а потом еще один благотворительный обед в пользу детской организации Онтарио, на котором, кстати, мы собирались впервые официально объявить о выходе вот этой самой книги... На обед кроме знаменитостей пригласили 50 детишек из всех районов провинции Онтарио. Так что ожидали большое количество репортеров.

Билет стоил 60 долларов. Во время обеда планировали провести аукцион: продавать фотографии, ключики и другие сувениры с автографами Уэйна, чтобы увеличить сборы в благотворительный фонд. О, этот день должен был стать сенсацией. И стал. Правда, не совсем такой, как мы планировали.

Мы должны были вылететь из Эдмонта в 16.30 в воскресенье: Уэйн, Майкл Барнет, Джим Тэйлор с женой, Бил Туел и я. Мы приехали в аэропорт за час до отлета и узнали, что рейс откладывается. Туман. Откладывали вылет несколько раз. Потом нам предложили ехать автобусом до Калгари, чтобы улететь оттуда.

Мы погрузились в автобус и помчались в Калгари. Для Уэйна это была очень поучительная поездка. Его научили играть в индейский покер (держишь свою карту рубашкой к себе и видишь только карты партнеров). Прибыли мы в Калгари за двадцать минут до отлета. Сели в самолет и услышали объявление: авиакомпания просит прощения, но из-за какой-то неразберихи нет летчиков для нашего самолета, придется ждать.

Когда наконец экипаж прибыл, стюардесса объявила, что, к сожалению, уже поздно вылетать, потому что торонтский аэропорт закрылся на ночь. Нам предложили пройти в аэровокзал и пообедать. Вылет назначили на половину второго ночи. Да еще нам предложили забрать все свои вещи из салона, потому что полетим мы на другом самолете.

Мы поели, вернулись обратно, погрузили свои вещи в тот же самый самолет (планы еще раз переменялись) и полетели в Торонто.

Придется торопиться, но Уэйн успеет на свой завтрак, а у нас будет масса времени до обеда. Но... в Торонто нас не приняли. Туман.

Мы начали летать по кругу. Мне кажется, что это продолжалось целую вечность. Уэйн не любит летать, я люблю еще меньше. Мы с ним сидели впереди, а остальные в хвосте. Но это было к лучшему – мы не слышали, как один пьяный, подражая радиорепортерам, твердил без умолку: «О, мы кружим и кружим... но долго так продолжаться не может! Вот кончилось горячее! Мы падаем, ребята! Мы падаем!...»

На самом же деле мы не падали, самолет шел на посадку... в Кливленде! А это уже США.

Мы заправились горючим и простояли на взлетной полосе три часа. Нас даже не выпустили из самолета, потому что мы находились на территории другой страны и не прошли таможенного контроля. Наконец мы снова полетели в Торонто, но там был туман, и нас посадили в Монреале.

К этому времени закончился завтрак Уэйна, а мы все уже опоздали на наш благотворительный обед. Филис с детьми ждала нас там, ждали ребяташки, знаменитости, политики, репортеры. Все были в Торонто, кроме нас. Уэйн ворчал: «Сэйзер убьет меня».

Наконец мы еще раз сменили самолет, полетели в Торонто и приземлились там в половине пятого вечера. Итак, наше путешествие из Эдмонта в Торонто на реактивном самолете заняло 26 часов. А самое обидное, что «Ойлерз» вылетели в понедельник утром, точно по расписанию приземлились в Торонто, воспользовавшись каким-то просветом в тумане, и были уже на льду, когда мы болтались в воздухе.

Все кое-как уладилось. Ребяташки были, конечно, очень огорчены, не увидев Уэйна, но простили ему. Аукцион дал 2375 долларов, некоторая сумма была получена от самого обеда, а ребята сфотографировались с кубком Стэнли.

Уэйн сразу отправился спать. Он все повторял: «Завтра я должен хорошо сыграть. Иначе Сэйзер оторвет мне голову».

О, Сэйзер – хороший психолог, почувствовав настроение Уэйна, он выпустил его в начале второй минуты, и к концу второго периода Уэйн забил три гола и сделал две результативные передачи. Игра закончилась со счетом 7:1 в пользу «Ойлерз».

После матча мы спросили Уэйна:

– А куда ты пропал в третьем периоде? Тебя было почти не видно.

– Не знаю, – сказал он, – наверное, я заснул... Несмотря на такие небольшие огорчения, сезон для Уэйна проходил гладко.

Как создаются «династии»?

«Лет через пятнадцать я смогу, оглянувшись назад, сказать: „Я играл в великой команде!“

Уэйн Гретцки. 30 мая 1985 года

Ровно год и одиннадцать дней тому назад мы стояли в раздевалке «Ойлерз» и смотрели друг на друга через толпу, не зная, смеяться или плакать от счастья. «Ойлерз» тогда впервые получили Кубок Стэнли, и, казалось, ничего лучшего в жизни уже не может произойти. Оказалось, может.

И вот этот день настал.

Одна победа над «Филадельфия Флайерз» – и Кубок будет у «Ойлерз» второй раз подряд. Скептики, твердившие, что ты не чемпион, если не отстоял свой титул, замолчат.

Год назад, когда Уэйну предстояло сыграть два последних матча с «Нью-Йорк Айлендерс», ему предсказывали только разочарования. Говорили, что он не сможет забивать в решающих жестких играх. В тех двух финальных встречах он переубедил всех и завоевал

титул самого результативного хоккеиста в матчах на Кубок второй раз подряд. Кажется, и в этом году Уэйну удастся получить это звание. Но приз Смайти, который вручают самому полезному игроку в кубковых встречах, – еще более почетен.

Перед последним матчем на этот приз претендовали Уэйн и Пол Коффи. Пол прекрасно провел все кубковые матчи. Уэйн сначала как будто медлил, а потом нагнал соперника в один момент. В полуфинальных играх против «Чикаго» ему удалось улучшить два рекорда серий, и в трех последних встречах с «Филадельфией» он забил шесть шайб. В глазах жюри Уэйн и Пол чуть-чуть опережали Гранта Фюра. Но разрыв был столь мал, что все должна была решить сегодняшняя игра.

Сами-то они не слишком думали о призе. Они – очень близкие друзья и играют вместе так давно, что передачи и комбинации выполняют инстинктивно. Кроме того, есть цель поважнее. «Флайерз», проигрывая серию со счетом 1:3, не хотели сдаваться. Если им удастся сегодня победить, два последних матча будут проходить у них в Филадельфии, где они уже выиграли первую игру в этой серии. Они полны упорства. Но и остальные соперники тоже боролись до конца.

На примере серии матчей «Кингз» – «Ойлерз» хорошо видно, как обманчивы статистические отчеты. «Ойлерз» выиграли три встречи из пяти, и можно подумать, что победа не стоила им большого труда. Но судьба двух матчей решилась только в дополнительное время, а третий закончился со счетом 4:2, когда Яри Курри удалось забить шайбу в пустые ворота, в то время как «Кингз», сняв вратаря, шестером пытались сравнять счет. И если бы не блестящая игра Фюра, может быть, «Ойлерз» и не стали бы вторым финалистом.

Фюр должен был сыграть великолепно, потому что вратарь «Лос-Анджелеса» Боб Джэнсик творил чудеса в своих воротах. В первой игре серии Джэнсик получил чувствительный психологический удар, когда в дополнительное время Ли Фоголин послал шайбу в его ворота, казалось, несильным броском под немыслимым углом. Во втором матче на 73-й секунде Коффи открыл счет, и в течение 10 последующих минут Фюру пришлось 15 раз останавливать шайбу, летящую в его ворота. Некоторые броски были столь великолепны, что для меня остается до сих пор загадкой, как он сумел их отразить. Потом он говорил: «Трудно ли было? Ха-ха. В том-то и интерес». Да, было действительно интересно.

Это произошло в матче, закончившемся со счетом 4:2. Гленн Андерсон забил последний гол в этой серии в дополнительное время, после того как Марк Мессье дважды поразил ворота соперников, причем один раз при игре в меньшинстве. Но героем серии безусловно был Фюр: ему пришлось в одиночку защищать ворота, потому что никто не знал, готов ли Энди Муг после травмы стать в них.

Уэйн не забил ни одного гола в этой серии, но сделал пять голевых передач, и Фил Сайкс, его «тень» во всех трех матчах, сказал ему: «Ты здорово играл, приз Смайти должен быть твоим».

Следующим был «Виннипег». К сожалению, у «Джетс» не было надежды на победу еще до начала игр. Они победили в четырех ожесточенных встречах с «Калгари», но лишились своего капитана: Дэйву Хаверчуку, третьему бомбардиру лиги (130 очков), сломали ребро в третьем матче. Он пробовал играть в «бронированном» жилете, но против «Ойлерз» в таком состоянии он выступать не мог, и команда лишилась ведущего игрока.

Наконец, в первой встрече этой серии Уэйн забил гол: за 24 секунды до конца (при счете 3:2 в пользу «Ойлерз») в пустые ворота. Он так близко подкатил к ним, будто хотел сам туда влететь, и аккуратно втолкнул шайбу в сетку.

Во второй игре серии блистал Коффи, забивший два гола из пяти, остальные три шайбы были заброшены с его подач: 5:4. В следующей, третьей, игре, которая закончилась с таким же счетом, Уэйн забил победный гол в третьем периоде. В четвертом матче «Джетс» дрогнули. Уэйн удалось повторить свой рекорд результативности в кубковых играх, сделав седьмой хет-трик (два гола в меньшинстве, один – в пустые ворота) и четыре голевые передачи.

Полуфинал с «Чикаго» растянулся на шесть игр, что очень удивило репортеров из Эдмонта. После победы «Ойлерз» в первом матче со счетом 11:2 они говорили об игре в одни ворота. После того как второй матч закончился со счетом 7:3 в пользу «Ойлерз», они заявили, что поездка в Чикаго – пустая формальность. Представьте себе их состояние, когда команды вернулись в Эдмонтон на пятый матч при счете в серии 2:2.

Все забыли о том, что чикагские болельщики умеют кричать громче всех, что площадка в Чикаго на 4,5 метра короче, чем в Эдмонтоне, и недостаток места сковывал хоккеистов «Ойлерз». Роджер Нейлсон, помогавший в прошлом году разрабатывать план победы над «Айлендерс», теперь работал в «Чикаго». Это его заслуга, что защита «Блэк Хоукс» смогла нейтрализовать нападающих «Ойлерз» и игры закончились со счетом 2:5 и 6:8.

И здесь к Уэйну был приставлен персональный «опекун» – Трой Мюррей. У него была одна задача: не обращая внимания на шайбу, на весь ход игры, следовать за Гретцки. У Уэйна есть метод борьбы с «тенью». Он отправляется к другому игроку противника, «опекун» следует за ним, и «Ойлерз» играют как бы в большинстве 4 на 3. Коффи и Курри при этом получают свободу действий.

Перед пятой игрой «Ойлерз» провели собрание команды. «Нас задержали. Джек О'Каллагэн навязал нам свою игру. Если нам не удастся остановить его, мы проиграем» – таким было общее мнение.

Ребята решили: Кевин Макклелланд, Дэйв Хантер, Донни Джэксон, Майкл Крушелниски берут на себя силовую борьбу и обеспечивают непрерывное давление на соперников. И план сработал. Коффи сделал две голевые передачи в первом периоде, три – во втором и забил гол в третьем. Шесть очков у защитника в выигранном со счетом 10:5 матче. Курри забросил три шайбы и два раза помог взять ворота. У Уэйна – два гола и две передачи.

Атмосфера в этих играх была не самой дружелюбной. «Хоукс» жаждали реванша. Кроме того, существовала открытая неприязнь между Дени Саваром, нападающим «Хоукс», и Сэйзером.

Началось все с конкурса в сборную. Савар считал, что с ним обошлись несправедливо. Сэйзер заявил, что тот был «подготовлен хуже всех». Взаимное недовольство росло. «Я ненавижу их всех! Всю эту эдмонтонскую шайку!» – заявил Савар. Удивительно, ведь за бортиком трудно найти более симпатичного и вежливого человека.

Итак, «Ойлерз» в финале. В шести играх серии Уэйн забил четыре гола и сделал 14 голевых передач. Два рекорда: 14 передач и 18 очков в одной серии. Курри не хватило одного гола, чтобы достичь рекорда Реджи Лича -18 голов в кубковых матчах. Но у него было еще время улучшить этот рекорд. Коффи имел все шансы установить четыре новых рекорда для защитников. Команда забила 44 гола в шести играх – новый рекорд НХЛ.

И снова «Ойлерз» в финале, и снова предстоит нелегкая борьба. «Флайерз» в тот сезон обновили команду. У них появилось много молодых быстрых игроков, и они выиграли у «Ойлерз» все три встречи в чемпионате. В кубковых матчах они вырвали победу в трех играх у «Нью-Йорк Рейнджерс», и победили «Айлендерс» в серии из пяти игр – 4:1.

У «Флайерз» была всего одна проблема – травмы. Тим Керр, их лучший бомбардир, играл в специальных повязках из-за растянутых связок колена. Лучший защитник Брэд Маккриммон не мог играть вообще. Были травмированы и некоторые другие хоккеисты. У «Ойлерз» тоже имелись травмированные игроки, но они предпочитали не говорить об этом. Состояние Пола Коффи было величайшим, строго охраняемым секретом на протяжении всего розыгрыша Кубка.

Всем было известно, что у него трещина кости в ноге, что он отыграл почти всю серию с «Чикаго» с вывихом кисти, что его мучают боли в спине. Но никто не знал, что у него очень болезненная травма бедра и ногу приходится «замораживать» перед каждой игрой. Это обеспечивало ему необходимую подвижность, но кататься так – все равно, что ездить на одной ноге.

«Флайерз» выиграли первую игру 4:1, но, если бы не Фюр, все могло быть значительно

хуже. Уэйну не удалось сделать ни одного броска. «Ужасный матч, – говорил он. – Но хоккей коллективная игра, и мне кажется, что ни один из нас двадцати не блистал сегодня. Но мы еще покажем себя». Они действительно показали, на что способны, и за это нужно отчасти благодарить одного писателя из Филадельфии. После первой игры он написал заметку, в которой назвал Уэйна и Пола «обманщиками». Он как будто дразнил быка красной тряпкой. «Ладно, скажи, что я плохо играл, – злился Уэйн. – Но если человек говорит, что команда никуда не годится, что мы играем без души, его не стоит уважать».

«Ойлерз» были подавлены. «Такого я еще не видел, – признался потом Сэйзер. – Утром раздевалка напоминала морг». «Филадельфии» удалось перерезать пути передач. Лед в Филадельфии был мягким, и шайба крутилась и отскакивала под немыслимыми углами, а для команды, игра которой строится на скорости и точных пасах, ничего хуже нельзя придумать. Но они не унывали. Если они выиграют второй матч, то следующие три будут играть дома. В прошлом году они тоже проиграли одну встречу «Айлендерс», а потом разбили их три раза подряд в Эдмонтоне. Разве этого не может случиться еще раз?

Сэйзер рискнул во второй игре. В тройку к Уэйну и Курри он поставил двадцатилетнего финна Тикканена, звезду юношеского хоккея, для которого это был первый матч в НХЛ. «Он дерзкий, быстрый и, говорят, неплохо играет, – объяснял Сэйзер. – Нам нужна перемена, чтобы немного встряхнуться». Рискованный шаг оправдал себя, но несколько неожиданным образом. Поставив Тика на левый фланг, Сэйзер передвинул Крушелниси в «обороняющуюся» тройку к Макклелланду и Линдстрему. И в новом составе эта тройка не только успешно оборонялась, но и забила победный гол.

Макклелланд подхватил шайбу, оброненную Маршем за воротами «Филадельфии», Крушелниси бросил ее вперед, а Линдстрем забил в ворота. Уэйн забил первый в этой игре гол, Линдстрем вывел свою команду вперед после равного счета 1:1, а Дэйв Хантер на последних секундах забросил шайбу в пустые ворота. «Ойлерз» добыли победу и сравняли счет в серии. В прессе поднялась новая дискуссия.

Эд Хосподар, заменивший травмированного Маккриммона в защите, во втором периоде оглушил Макклелланда, ударив локтем в голову. Макклелланд, отвечая на вопросы, только пожимал плечами: «Он очень силен физически, а у меня была опущена голова». Однако в первом матче в Эдмонтоне Хосподар выбил Марку Напьеру два зуба в силовой борьбе у бортика. Вдруг все увидели, что он «нехороший мальчик», и спрашивали Семенко, Макклелланда и Джэксона, собираются ли они отомстить ему?

В спорах как-то упустили главное: «Ойлерз» победили и ведут в серии 2:1. Уэйн положил начало, забив два гола в первые 75 секунд игры, а через 13 минут еще один: хет-трик уже в первом периоде. Результативная передача, сделанная им позднее, принесла ему 41-е очко, и он улучшил свой же рекорд по числу очков в «плей-офф». Чтобы повторить рекорд Мориса Ришара, равный семи хет-трикам в кубковых матчах, ему не хватало лишь трех голов. Всех, естественно, интересовало, не является ли его старание ответом на критику после первой игры в Филадельфии, когда даже Сэйзер его слегка пожурил: «О моей игре судят только по голам и очкам, – отвечал Уэйн. – Мне не кажется, что я плохо оборонялся в Филадельфии, но это никого не волнует. Я должен забивать. Такова уж моя судьба».

Третья игра закончилась победой «Ойлерз» 4:3. Все голы Уэйна были забиты при обоюдных удалениях: он и Коффи могли свободно двигаться. «Флайерз» даже обвиняли Сэйзера в том, что его игроки умышленно нарушили правила, чтобы команды остались на площадках в меньшем составе.

В четвертом матче «Ойлерз» проигрывали 1:3 в первом периоде, а к концу счет стал 5:3 в их пользу, причем два последних гола забил Уэйн.

На пятую игру в Эдмонтон мы приехали всей семьей, надеясь, что все будет кончено в этот день. «Ойлерз» ни в коем случае не хотели ехать еще раз в Филадельфию. Одно облачко омрачало горизонт: Яри Курри не забросил ни одной шайбы в этой серии. Играл он совсем неплохо, но голов не забивал. Бросал он много, но шайба не летела в ворота: видимо, он был слишком скован, слишком страстно желал забить 19-й гол, чтобы повторить рекорд Лича. «Я

понимаю его состояние, – говорил Уэйн. – Я сам в свое время прошел через это. Ничего тут нельзя поделать, только продолжать бросать и бросать. И не надо забывать, что Яри – замечательный игрок. Все пройдет. Я уверен, он добьется своего».

И наваждение кончилось, в конце четвертой минуты первого периода Яри забил гол с подачи Уэйна. Еще один красивый пас, и Коффи забил первый из двух своих голов в этом периоде. Через 20 минут «Ойлерз» вели 4:1. В середине второго периода Хосподар грубо толкнул Уэйна на борт и сбил его с ног. Уэйн полежал секунду, посмотрел на стоящего над ним соперника и спросил: «Ты что, не знаешь, что счет 5:1?» Хосподар удивленно уставился на него, а потом поднял руки вверх и... захохотал.

Матч закончился со счетом 8:3. У «Флайерз», игравших без Керра и Маккриммона и без своего основного вратаря Линдберга, получившего травму на тренировке, просто кончились силы. «Ойлерз» получили Кубок Стэнли. Но кто же получит приз Смайта?

Уэйн улучшил свои рекорды по числу набранных очков в кубковых играх (с 38 до 47) и по числу голевых передач (с 26 до 30). Повторил рекорд по числу голов в финальной серии (7), принадлежавший Беливо и Босси, установил два новых рекорда в серии игр против «Чикаго» и повторил еще три рекорда.

Пол установил рекорды для защитников в кубковых встречах по числу очков – 37 (прежний рекорд Дэниса Потвина был равен 25 очкам), голов – 12 (старый – 9 – принадлежал Бобби Орру и Брэду Парку), голевых передач – 25 (по сравнению с 19 Бобби Орра) и по числу очков, полученных в одной игре, – 6. Дважды ему удалось повторить рекорд по числу голевых передач в одном периоде – 3.

Как выбрать одного из них? Никогда, наверно, не хотело так жюри разделить приз. Но делить нельзя. С небольшим перевесом 47 очков против 37 хоккейные журналисты присудили приз Смайта Уэйну. Позже он сказал репортерам: «От всего сердца я бы хотел, чтобы имя Пола стояло рядом с моим. Могли выбрать любого из нас. Нет, приз мог бы получить еще и Грант Фюр. Никогда еще в истории лиги не было такого „плотного финиша“».

Пол совершенно не был обижен, а на следующий день один эдмонтонский журналист сделал ему своеобразный комплимент. Перечислив все травмы Коффи, он писал: «Нечего удивляться, что не ему вручили приз Смайта. Жюри чувствовало бы себя глупо, отдавая приз гипсовому слепку». Я уверен, что имя Пола еще будет начертано на призе Смайта. «Ойлерз» еще очень молоды и, как считает Сэйзер, еще не раскрыли всех своих возможностей.

Потом началась кутерьма. Раздевалка команды была набита людьми еще плотнее, чем в 1984 году. Боб Фрэнкс, миллионер из Калифорнии, рубил пробки с шампанского мясницким ножом. Потом он передал мне два чека на 25 000 долларов каждый, которые он обещал в дар школе слепых в Брэнтфорде, если «Ойлерз» выиграют Кубок Стэнли.

Я часто вспоминаю события последних лет и только качаю головой. Вы думаете, что за шесть лет я должен был привыкнуть ко многому. Но я не перестаю удивляться.

Сколько рекордов установил Уэйн в этом сезоне! Играл в сборной, завоевавшей Кубок Канады. Улучшил три своих рекорда сезона: число голевых передач в среднем за игру-1,47, число передач за один сезон – 135, число результативных передач для центрфорварда – 135. Снова Уэйн, в пятый раз подряд, стал лучшим бомбардиром. Наибольшее число очков за чемпионат и кубковые встречи – это достижение тоже записано в Книгу рекордов НХЛ.

В шестой раз подряд ему присудили приз Карта как самому полезному игроку лиги, и он догнал своего кумира Горди Хоу. Он стал «игроком года» НХЛ и признан журналом «Спортс Мэгэзин» «самым полезным игроком в кубковых матчах». Пятый год подряд он получал звание «лучшего в своем виде спорта в Северной Америке».

Вчера мы ходили с Уэйном на речку. Вот уже шесть лет он играет в профессиональный хоккей. Награды его и рекорды трудно сосчитать. Дважды его имя написано на Кубке Стэнли.

Множество фирм и компаний хотят, чтобы он рекламировал их товары, и готовы платить за это колоссальные деньги.

За одну лишь неделю его портрет появлялся на обложках самых престижных журналов:

«Спортс Иллюстрейтед», «Спортинг Ньюс» и «Тайм», а «Сэттердэй Ивнинг Пост» посвятила ему большую статью.

Ему уже двадцать четыре года. А я все еще вижу маленького мальчика на льду нашей реки... Куда утекли годы? Я смотрю вокруг. Кейт уже участвовал в конкурсе НХЛ. Он неплохо закончил свой второй год в Виндзоре, и «Буффало Сэйбрз» выбрали его, хотя он еще год или два будет играть в юношеской команде, прежде чем перейдет в профессионалы. Ему будет нелегко. Он всегда опережал в хоккее свой возраст. Поэтому для него лучше пока остаться в юниорах или попасть в олимпийскую сборную, если он им подойдет, и подождать, пока его сверстники догонят его.

Уэйн говорит, что Кейту придется труднее в профессионалах, чем ему самому. «Когда я попал туда, мне было семнадцать лет, я был мальчишкой, и это вызывало у них любопытство, не больше. Команде нужно было что-то от меня, а публика не ждала ничего. Все считали, что медленно, постепенно я буду набирать силу. И чего бы я ни достиг в первом сезоне, это можно было считать авансом, премией. Но Кейт будет вторым Гретцки в НХЛ...

Надеюсь, что он не попадет в команду подгруппы Смита, чтобы нам не играть друг против друга. Мама очень не хочет, чтобы он попал в Калгари. «Болельщики „Калгари“ будут освистывать тебя, а эдмонтонские – Кейта, – говорит она. – Бедный Кейт!» Бедный Кейт? А я? Обо мне уже забыли?»

Ким стала взрослой. Глен перешел в одиннадцатый класс. Brentу уже тринадцать лет. Если он не бросит играть, через четыре-пять лет уже он, может быть, будет гадать, какая из команд НХЛ выберет его. Буду ли я снова заливать каток каждую зиму? И увидим ли мы с Филис, выглянув из кухонного окна, ребяташек на нашем заднем дворе, услышим ли там детские голоса? Надеюсь – да. Ведь так много счастливых воспоминаний связано с этим катком.

Эпилог. Несколько слов номера 99

Каждый год я посылаю отцу и матери два билета на самолет до Флориды и обратно. Они не летят. Я говорю им: «Отдохните. Я достиг многого, пользуйтесь этим». А отец мне отвечает: «Теперь я волнуюсь за тебя куда больше».

Уэйн Гретцки. 1983 год

Это книга моего отца. Такой она задумывалась с самого начала. Но кое-что он упустил – почти ничего не сказал о себе. А это несправедливо. Поэтому о своем отце я хочу рассказать сам.

Я слышал массу историй о том, как отец не выпускал меня с катка на заднем дворе нашего дома, потому что хотел любой ценой сделать из меня звезду НХЛ. Это неправда. Отец никогда не принуждал меня. Я сам постоянно подгонял себя, а отец... Он часто повторял: «Неважно, каков будет результат. Конечно, побеждать приятно, мне бы хотелось, чтобы ты всегда стремился выиграть... Но главное – старайся и делай свое дело как можно лучше. Большого от тебя требовать никто не вправе». Он бывал недоволен мной только тогда, когда я не старался, когда не выкладывался до конца.

И отец имел право спрашивать с меня строго, потому что потратил на меня много денег, когда я был ребенком. Детский хоккей в Канаде стоит дорого. Мы, дети, конечно, не понимали этого. Играли в свое удовольствие. А между тем моим родителям приходилось очень многим жертвовать, чтобы я мог вдоволь гонять шайбу. Но отец никогда не упрекал меня этим, он хотел взамен только одного – чтобы я всегда играл и тренировался на совесть.

Представьте себе такое: финальная серия Кубка Стэнли 1982/83 года, мы проигрываем 3:0 «Нью-Йорк Айлендерс». Нам предстоит четвертая встреча в Нью-Йорке, которая в случае нашего поражения становится последней... Легко понять, какое у меня было настроение. Идет тренировка, а я только делаю вид, что работаю. Отец, естественно, приехал на игры и наблюдает за мной. Я ухожу со льда – он поджидает меня у выхода.

– Зачем ты вышел сегодня на тренировку?

– Все вышли, – отвечаю я.

– Мог и не выходить. Ты же просто даром потерял время – не тренировался, а делал вид.

Я пожал плечами, через несколько минут и тренировка, и слова отца вылетели у меня из головы...

А отец не забыл ничего.

Мы проиграли ту игру, сезон закончился.

Был май, мы с отцом работали на ферме. Было страшно жарко, а бабушка полизала сад. Отец посмотрел на меня, потом на нее, потом снова на меня... И сказал: «Посмотри на нее! Ей уже семьдесят девять, а она работает, делает то, на что хватает сил. А ты не счел нужным честно тренироваться даже перед решающей игрой».

Не сомневаюсь, все его болезни связаны именно с хоккеем. Ведь ночью перед моими играми он не спит. Не потому, что ему так важна победа, просто он не может иначе, он такой человек. В этом мы с ним не похожи. Скажу откровенно, меня не особенно волнует, что обо мне говорят и пишут. Я не переживаю из-за этого. Зато отец волнуется за нас обоих. И иногда это сказывается на наших отношениях. Однажды он, например, услышал, как кто-то сказал: «У этого Гретцки волосы слишком длинные». И он тут же велел мне: «Немедленно стрись!» Я не захотел. Со временем и он понял: вокруг слишком много людей, всем не угодишь и нельзя быть хорошим для всех.

Отец – это человек! «Я просто-напросто служащий телефонной компании», – говорит он о себе. На самом же деле теперь он и адвокат, и бухгалтер, и торговый агент. Это он следит за тем, чтобы меня не заставляли работать на износ. Я имею в виду всех: моего тренера, моего импресарио, моих торговых агентов, адвокатов... Всех их. Когда отец видит, что кто-то слишком давит на меня, он тут же спешит на помощь с советом.

Мой отец и сейчас продолжает работать в телефонной компании, но у него всегда хватает времени прочитать каждый заключенный мной контракт от первой до последней буквы. Вообще-то мои контракты проверяют и другие, но отцу нет дела до них. Ему важен Уэйн Гретцки, и только Уэйн Гретцки. И так было всегда, сколько я себя помню.

Он умеет сразу схватить существо дела, по-моему, он научился предвидеть возможные осложнения еще до того, как они возникнут. Однажды он просмотрел контракт, который я заключил с фирмой, изготавливающей коньки, и сразу сказал, что меня ждут неприятности. Так оно и вышло. Потом мы исправили контракт. Майкл Барнет, один из моих торговых агентов, сказал как-то: «Может быть, Уолтер и не получил высшего образования, но в бизнесе он достоин звания магистра. Не успеешь и глазом моргнуть, как он станет доктором».

Теперь, когда я повзрослел и могу сам принимать важные решения, некоторые считают, что стремление отца быть в курсе всех моих дел может испортить наши отношения. Но это неверно. Мы с отцом всю жизнь спорили. Спорили обо всем – и о том, что я делаю на льду, и о том, что я делаю за бортиком площадки. Но нам это не мешало. И я надеюсь, что у меня будут такие же отношения с моим сыном. Я хотел бы, чтобы он уважал мое мнение и понимал: я занимаюсь его делами для его же пользы. И еще я хочу, чтобы он не боялся высказывать мне свое мнение по любому вопросу.

Я соглашаюсь с отцом в девяносто пяти случаях из ста. И не потому лишь, что он давит на меня отцовским авторитетом. Просто он старше и мудрее. Но когда я уверен, что правда на моей стороне, я поступаю по-своему. Думаю, когда это случилось первый раз, ему было несладко. Но попадая в сложное положение, я всегда обращаюсь к нему за помощью. И даже когда мне будет шестьдесят лет, я все же сначала выслушаю его.

Да и почему мне не поступить так? Ведь он всегда был в трудную минуту рядом со мной.

Когда мне было лет десять, мы с ним каждый вечер играли полчаса на заднем дворе в бейсбол. Как-то я решил: нам нужно хорошее место для подачи. В конце нашей улицы был

небольшой пригорочек. Я отправился туда с лопатой, срыл его, а землю погрузил на тачку. Я как раз катил тачку к дому, когда мама вышла на крыльцо.

– Куда это ты тащишь весь этот мусор? – спросила она.

– На задний двор, – ответил я. – Нам это нужно для бейсбола.

– Нет, – отрезала она.

Я знал, что мама слов на ветер не бросает. Но я знал и своего отца. Поэтому просто оставил тачку нагруженной на дорожке и стал дожидаться его возвращения с работы.

– Что ты собрался с этим делать? – спросил он.

– Везу на задний двор. Нам же нужна площадка для подачи...

– Хорошо придумал, – ответил отец.

Он пошел в подвал, принес оттуда две доски и помог мне сделать все, что нужно. Эта площадка просуществовала, кстати, одиннадцать лет.

Отец любит наш задний двор. Зимой у нас там каток, летом площадка для бейсбола. Когда я стал профессионалом и у меня появились деньги, я предложил отцу отличную, как мне казалось, идею. «Отец, – торжественно сказал я, – я хочу построить на нашем заднем дворе бассейн». «Ты что, с ума сошел?» – только и сказал он, качая головой. Стоит ли говорить, что бассейна у нас нет до сих пор.

Может быть, из-за того, что я преуспел в хоккее, люди считают, что мои родители знают секрет, как выращивать Уэйнов Гретцки. Доходит до смешного. Возьмите хотя бы эту историю с нашим катком на заднем дворе.

Как-то я сказал одному журналисту, что мы проводили с отцом на катке по несколько часов. И в газете были напечатаны мои слова: «Господи, было так холодно, что я приходил домой и плакал!» И теперь мне приходится видеть несчастных ребятишек, которые плетутся домой со слезами на глазах, а их родители встречают их словами: «Отправляйся обратно на каток! Уэйн Гретцки мерз, зато теперь сидит в шикарной квартире в Эдмонтоне. А ты что, хуже?!...»

Но эти люди не поняли главного. Да, когда меня спрашивают: «Ты тренировался по четыре часа каждый вечер?» – я отвечаю: «Кажется так». Но теперь, вспоминая те годы, я понимаю, что то время, которое я проводил на катке, нельзя назвать тренировками. Если бы я тогда думал, что тренируюсь, я бы и не стал кататься.

Я катался просто для своего удовольствия.

Никогда я не думал: «Сегодня буду тренироваться четыре часа, потому что если я буду так делать, то попаду в НХЛ». Ничего такого мне и в голову никогда не приходило. Мы играли в хоккей. Именно играли, и игра доставляла нам удовольствие. Самое большое на свете. Были ребята, которые проводили на льду времени куда больше, чем я, но в НХЛ они так и не попали. Нельзя сказать: «Делай то и то, и ты обязательно попадешь в НХЛ». Я катался три-четыре часа и шел домой. Отец спрашивал: «Ну что, накатался?» «Да», – отвечал я, а на завтра шел на каток снова.

Но я плакал. Да, это правда. Когда болели замерзшие ноги. Каждый, кто бывал подолгу на холоде, знает эту боль. Когда ноги отходят в тепле, боль сумасшедшая. Но сейчас я вспоминаю не боль и слезы, а горячий шоколад и большие теплые руки моего отца. Он сжимал ими мои оковеневшие ступни, чтобы отогреть их...

Зато теперь я играю в НХЛ, зарабатываю хорошие деньги и у меня большие возможности. И некоторые люди говорят своим детям: «Делай так, как Уэйн Гретцки. Смотри, как он тяжело работал. Смотри, как он подолгу тренировался». Но не стоит копировать других. У каждого свой путь. Конечно, вы не попадете в НХЛ, если не будете тренироваться, но и нет никакой гарантии, что, бесконечно тренируясь, вы станете игроком НХЛ.

У меня много интересов, самых разных увлечений. Так, в свое время я вязал крючком. И неплохо получалось. Где-то я прочитал, что знаменитый вратарь Жак Плант увлекается вязанием, и решил попробовать. Связал маме сначала кошелек, а потом покрывало. (Не раз представлял себе, как какой-нибудь папаша говорит своему затурканному мальчишке:

«Смотри-ка, Уэйн Гретцки вязал, и теперь он в НХЛ. Ну-ка, берись за крючок!»)

Я и сейчас пробую себя в самых разных областях. Мне это интересно. Я не потому пел в программе Пола Анки, что собираюсь стать певцом, не потому снимался в кино, что решил стать актером. Просто и то и другое было ново и любопытно. Ведь хоккеем – это не вся жизнь. Я и дальше собираюсь попробовать себя во всем, что будет мне интересно. Тем более что наступит день, когда я уйду из хоккея, и мне нужно будет чем-то заняться.

А жизнь – все напряженнее, изматывает все больше. Я заметил, что становлюсь все менее терпеливым, все чаще раздражаюсь и огрызаюсь, и даже не на посторонних, а на родных. «Предохранитель выбивает» все чаще, и я знаю, что легче уже не станет.

И единственное место, где я могу полностью расслабиться... это лед хоккейной коробки.

Когда я играю в хоккей, я не думаю ни о чем, кроме игры. Я знаю, что есть немало игроков, у которых внехоккейные дела влияют на игру, портят ее, потому что они не могут отбросить, забыть свои проблемы и во время матчей. Для меня же лед – убежище. Иногда я даже посмеиваюсь над собой. Мне достаточно прийти в раздевалку, взять ракетку для пинг-понга, сыграть несколько партий, обмотать лентой четыре клюшки – и я забываю обо всем. Потому что потом я иду на лед играть. Там я буду делать только то, что мне нравится по-настоящему, и никто не будет приставать ко мне ни с чем другим. Это здорово. Игра – лучшее в моей жизни. А работа... Она идет следом вместе со всем остальным.

И все это сделали для меня мои родители. А ведь у них не было игры, чтобы хоть как-то передохнуть. Они взяли на себя самое трудное, а мне досталось самое легкое. Как Ким и Кейту, Глену и Бренту. Нам нужно было только играть. Деньги, форма, инвентарь, переезды – заботы обо всем этом брали на себя мама и отец...

Иногда я задумываюсь: а каким отцом будет Уэйн Гретцки?

Нет, мой сын не покинет дом, когда ему стукнет четырнадцать лет.

Недавно родители одного двенадцатилетнего парнишки хотели отправить его в Торонто для занятий хоккеем. Мой отец сказал, что Ассоциация детского хоккея Онтарио не даст на это согласия, и, к счастью, оказался прав. Думаю, дело прежде всего в том, ради чего родители отправляли своего сына из дома. Если только для того, чтобы он стал профессиональным хоккеистом, то они заслуживают осуждения. У меня было по-другому. Меня родители отправили из дома как раз для того, чтобы я мог жить нормальной жизнью. Они рассуждали так: если ему суждено стать профессиональным хоккеистом – хорошо, но главное, чтобы из него получился хороший человек.

Нельзя отсылать из дома своего ребенка. Нельзя сказать своему сыну, сколько бы ему ни было лет: «Езжай, учись на профессионала».

Когда мне было четырнадцать лет, я думал, что уехать в Торонто – самая прекрасная вещь на свете. К счастью, оказалось, что для меня это был действительно лучший выход. Но если бы я мог начать свою жизнь вновь, я бы сделал так, чтобы у меня была возможность жить дома до девятнадцати...

Если у меня будет сын, а ему выпадет счастье играть в хоккей, я хотел бы наблюдать, как он играет, помогать ему, чем смогу, а если он проиграет, сказать: «Извини», – и оставить без мороженого. Так делал мой отец. Но в одном я, можно сказать об этом уже сейчас, буду отличаться от него. Я не стану просиживать вечера на телефоне, занимаясь организацией товарищеских матчей, и буду спокойно спать накануне игры.

Я в хоккее с шести лет и буду играть еще долго. Когда же придется уходить, я расстанусь с хоккеем навсегда. Но я очень хотел бы, чтобы мой сын узнал радость игры на льду.

Некоторые родители говорят, что ребята должны играть только для забавы, и это правильно. Они считают, что играть в хоккей должны абсолютно все ребяташки, и это тоже прекрасная идея. Еще они говорят, что после победы или поражения дети должны оставить хоккейные заботы на площадке и вернуться к обычной жизни с ее заботами и проблемами. Замечательно. Но в детском спорте должно быть место для всех. В том числе и для тех, кто

всегда хочет быть лучшим, кто уже в юном возрасте готов взвалить на себя всю ответственность за команду, кто хочет побеждать каждый день, кто живет хоккеем.

Своему сыну я бы сказал: «Ты играешь за эту команду, и ты будешь стараться, и ты покажешь все, на что способен. И ты будешь учиться побеждать. Но если ты проиграешь – ничего страшного. Извлеки из поражения урок. А когда снова вернешься на площадку, учишься не повторять ошибок и снова стремишься к победе. Из всех сил».

Мне кажется, что именно такое воспитание самое правильное. Подобное отношение к делу необходимо человеку, если он хочет чего-то добиться не только в хоккее, но и в учебе, и в работе, и вообще в жизни. Человеку должка не давать покоя мысль: «Черт возьми, я буду лучшим! Наша команда будет самой лучшей!»

А если родители не хотят подвергать своего сына чрезмерному психологическому напряжению, считают это вредным? Ну что ж, для таких мальчиков имеются дворовые команды.

Но есть и другой хоккей. Там суровые законы. Там от игроков ждут только побед.

Меня возмущают случаи, когда иные тренеры стараются низвести хороших игроков до общего среднего уровня, вместо того чтобы заставлять подтягиваться середняков. Зачем они это делают? Чтобы избежать разногласий и конфликтов. Мои проблемы в детской команде связаны именно с этим. Мне приходилось встречаться с тренерами, которые хотели сделать из меня среднего игрока. Если бы мне пришлось работать с командой, в которой есть выдающийся игрок, я бы сказал остальным: «Ребята, поглядите-ка хорошенько, что он умеет, и постарайтесь этому научиться сами». Даже если бы у них ничего и не получилось из этого – не страшно. Главное, они стали бы стараться. А это всегда приносит результат.

Как же заставить себя стараться изо всех сил, делать все с максимальной отдачей? Отец мне всегда говорил: «Я не заставляю тебя делать то, чего ты не можешь. Но то, что ты можешь, ты должен делать».

Возьмем, к примеру, школу. Отец знал, что одни предметы даются мне легко, а другие не очень. И если я получал приличную оценку по предмету, в котором не блистал, отец хвалил меня. Но если я вдруг «проваливался» там, где мог успевать, мне доставалось по первое число. Такое считалось непростительным.

Всегда нужно помнить, что ни один мальчишка, как бы он ни проявил себя в детском хоккее, не может быть уверен в том, что попадет в НХЛ. Много может помешать этому. Я хочу дать один совет тем, кто стремится стать профессионалом: если у тебя ничего не выходит – возвращайся домой. Да, именно так. Мои братья могут оказаться в такой же ситуации, и я скажу им то же самое. Никто не работает на льду больше, чем мой брат Глен, никто больше него не мечтает играть в НХЛ, но попасть туда ему будет нелегко.

Однако даже если он пробьется в профессиональную команду, но окажется там середнячком, я посоветую ему бросить все и забыть хоккей.

Я сам бы сделал именно так.

Когда команды НХЛ открывают тренировочные лагеря и объявляют, что все места в команде вакантны, что шанс играть есть у каждого, это неправда. Шанс есть только у немногих. Остальные зря мучаются. Если бы я, поиграв два года в детской команде, не добился бы никаких успехов, я бы, не колеблясь ни секунды, сказал всем: «Спасибо. Мне здесь очень нравится, я у вас многому научился, но лучше всего я усвоил то, что мне нужно поискать работу, которую я могу делать, или вернуться в школу».

Мне здорово повезло в жизни. Я вырос в семье, где меня всегда любили, где вообще все любят друг друга. И еще я играю в игру, которую люблю.

Хоккей для меня – удовольствие. Иногда я думаю: хорошо, что моя квартира расположена так высоко. Если бы я жил на первом этаже, то, увидев в окно мальчишек с клюшками на льду, я не удержался бы и выскочил поиграть с ними. И неизвестно, когда бы мы закончили...

Когда-нибудь, если мне очень повезет, я выйду на лед на заднем дворе нашего дома в Брэнтфорде. А когда мы вернемся в дом и мой сын начнет хныкать, потому что у него будут

болеть замерзшие ноги, я возьму их в свои ладони, чтобы отогреть. Так, как делал когда-то мой отец.

Феномен Гретцки – взгляд со стороны

Заочное знакомство

Впервые я услышал об Уэйне Гретцки в конце 1977 года. Тогда в Москву на турнир приз «Известий» приехал лишь год назад повесивший коньки на гвоздь – после целой серии операций колена – Бобби Орр. Знаменитый защитник «Бостон Брюинз» еще оставался в ореоле славы, но уже тяготел к мемуарам. С воспоминаний о серии матчей СССР – Канада 1972 года, о Кубке Канады-76 и началась наша беседа-интервью для газеты «Советский спорт». Когда же все исторические темы были исчерпаны, я механически задал дежурный репортерский вопрос: кто же придет вам на смену?

– У нас, в Северной Америке, есть молодые способные игроки, – ответил Орр. – Например, защитник Дуг Уилсон из «Чикаго». А фамилию одного паренька-юниора – его зовут Уэйн Гретцки – вы наверняка еще услышите. Ему только шестнадцать лет, а он в тридцати матчах юниорской лиги Онтарио этой осенью забросил двадцать восемь шайб. Это – в шестнадцать-то...

Возможно, готовя интервью к печати, я и выбросил бы этот абзац – кого могли тогда у нас интересовать канадские юниоры-рекордсмены? Но фамилия Гретцки звучала настолько странно в ряду типично англосаксонских имен (а Орр назвал еще двух-трех хоккеистов постарше), что я оставил ее в тексте.

Думаю, это было первое упоминание об Уэйне Гретцки в нашей печати.

Примерно две недели спустя необычная фамилия вновь появилась на страницах «Советского спорта». Правда, в коротких сообщениях из Канады о ходе молодежного чемпионата мира для хоккеистов не старше двадцати лет фигурировали лишь наши игроки – В. Шкурдюк, С. Макаров, В. Фетисов, А. Кожевников, приведшие тогда сборную СССР к победе в этом турнире. Однако из итоговой заметки выяснилось, что лучшим бомбардиром первенства мира стал канадец У. Гретцки – 17 очков (8 голов + 9 передач), опередивший В. Шкурдюка – 16 (10+6) и С. Макарова – 15 (8+7). Он же, этот У. Гретцки, оказался и в символической сборной, где соседствовал с нашим вратарем А. Тыжных и защитником В. Фетисовым.

Книги, очерки и зарисовки о больших спортсменах не так уж редко превращаются в это такое журналистское ристалище – ведь, скажем, сейчас даже трудно перечислить всех тех, кто первым «открыл», например, Всеволода Боброва. Но как ни лестно назвать себя «европейским первооткрывателем феноменального Уэйна Гретцки», я на этот титул не претендую. Более того, в январе 1978 года я никак не связывал лучшего бомбардира чемпионата мира для хоккеистов не старше двадцати лет с шестнадцатилетним пареньком по фамилии Гретцки, названным двумя неделями ранее Бобби Орром в качестве своего возможного преемника в списке обладателей рекордов НХЛ. И только необычное звучание этой фамилии – Грет-ц-ки – осенью 1978 года заставило меня связать воедино и предсказание Орра, и заметки с молодежного чемпионата мира, и...

Впрочем, историю о нашумевшем – даже в европейской и нашей прессе – появлении семнадцатилетнего Уэйна во Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА) здесь, в этой же книге, рассказывает Гретцки-отец. И потому повторяться нет нужды. Равно как и о том, что вскоре Уэйн был перепродан в «Эдмонтон Ойлерз», клуб, вместе с которым он в сезоне 1979/80 года стал членом Национальной хоккейной лиги (НХЛ).

Надо сказать, что в жестокой, не на жизнь, а на смерть, борьбе НХЛ с ВХА победа старейшей в хоккейном мире профессиональной лиги не в последнюю очередь была обеспечена поддержкой североамериканской прессы. И пока Уэйн Гретцки защищал цвета ВХА, в Европу о нем попадала в основном бульварно-сенсационная информация о

сверхгонорарах Гретцки..., о том, что сначала – по причине «малолетства» – Уэйн был зачислен не в команду «Индианаполиса», а юнгой на яхту хозяина клуба... что, наконец, номер 99 на рубашке Уэйна Гретцки символизирует дату окончания контракта, то есть 1999 год. О Гретцки же как о хоккеисте информация была куда более скудной до тех пор, пока он не стал игроком НХЛ, каждый шаг которого, будь тот асом или подмастерьем, находит каждый год отражение в толстенных, прекрасно изданных статистических гроссбухах.

Данные статистики свидетельствуют, что первый же сезон восемнадцатилетнего Уэйна в НХЛ был впечатляющим для него самого (Гретцки сделал наибольшее количество голевых передач – 86 и первенствовал по количеству очков по системе «гол + пас» – 137... вошел во вторую шестерку «Олл Старз»... получил призы Харта и леди Бинг²⁰), но не для его команды – «Эдмонтон Ойлерз» заняли лишь 17-е, пятое от конца, место.

Год спустя Уэйн Гретцки снова шагнул вверх – в сезоне 1980/81 года он установил свои первые рекорды НХЛ, как по количеству передач (109), так и по очкам (164), войдя уже в первый состав «Олл Старз» и присовокупив к этому призы Харта и Росса²¹. Команда же Гретцки, «Эдмонтон Ойлерз», сделала лишь небольшой шаг по ступеням иерархической лестницы НХЛ, поднявшись на 14-е место в общем зачете.

...В первых числах апреля каждого, за исключением олимпийского, года европейские хоккейные обозреватели особо внимательно штудируют сообщения из НХЛ – они пытаются отгадать вечную загадку: каких же «лучших игроков из худших (то есть не попавших в четвертьфинал Кубка Стэнли) клубов» привезут канадцы на очередной чемпионат мира. Весной 1982 года форвард Гретцки по категории «лучший» проходил вновь – на этот раз он побил рекорды НХЛ по всем трем показателям: голам (92), передачам (120) и очкам (212), заняв привычные уже места как в первом составе «Олл Старз», так и среди обладателей призов Харта и Росса. Но на чемпионат мира-82 европейские обозреватели Уэйна не ждали потому, что в сезоне 1981/82 года и клуб «Эдмонтон Ойлерз» тоже перебрался в число лучших в НХЛ, скакнув с 14-го места в общем зачете на 2-е. А поскольку соперниками «Ойлерз» в 1/8 финала Кубка Стэнли оказались хоккеисты «ЛосАнджелеса», эдмонтонцам, и Гретцки в их числе, прочили выход как минимум в полуфинал, что автоматически исключало их из числа кандидатов в сборную Канады, которой предстояло начать чемпионат мира 15 апреля 1982 года.

Гром грянул среди ясного неба. В серии матчей «Эдмонтон» – «Лос-Анджелес», проводившейся до трех побед, после четырех встреч счет был ничейным: обе команды имели по две победы. Правда, судя по сообщениям из-за океана, североамериканская пресса, отдававшая должное аутсайдерам из Лос-Анджелеса, сенсации все же не обещала – пятый, решавший судьбу серии и выход в четвертьфинал, матч должен был проходить в Эдмонтоне, где хозяева редко уступали в том сезоне куда более сильным соперникам. Однако невероятное все же свершилось – команда Гретцки 14 апреля у себя дома проиграла и выбыла из розыгрыша Кубка Стэнли.

Нетрудно понять игроков «Эдмонтон Ойлерз», раздавленных и физически и в первую очередь морально. Поражение было крахом их надежд, оправиться быстро от которого практически невозможно. Не случайно, например, Марио Лемье, нынешний конкурент Уэйна Гретцки в споре за титул игрока номер 1 НХЛ, и в 1986, и в 1987 году, когда его клуб «Питтсбург Пингвинз» оказывался за чертой соискателей Кубка Стэнли, от участия в чемпионатах мира отказывался. Ссылаясь, и, наверное, не без оснований, на моральный стресс. Однако Уэйн Гретцки в апреле 1982 года сумел забыть о разбитых надеждах и прилетел, хотя и с опозданием, в Финляндию.

Надо сказать, тогда первый раунд Кубка Стэнли оказался горестным не только для

²⁰ Присуждается за джентльменское поведение на льду. (Здесь и далее прим. Д. Р.)

²¹ Присуждается за наибольшую сумму очков.

новичков НХЛ из «Эдмонта» – вместе с ними в числе «потерпевших крушение» оказались и такие титулованные клубы, как «Монреаль Канадиенс» и «Филадельфия Флайерз». И не было бы счастья, да несчастье помогло – тренеры команды Канады заполучили немало форвардов высокого класса: Билла Барбера, Дэррила Ситлера и Бобби Кларка из «Филадельфии», Бобби Гейни из «Монреала». Правда, они в 1982 году были звездами уже заходящими, но их опыта было еще достаточно, чтобы поддержать звезду восходящую – Уэйна Гретцки.

Впрочем, начало чемпионата канадцы, все без исключения, проводили невпечатляюще. Тренеры на ходу искали варианты звеньев, а сами хоккеисты в основном залечивали (тоже по ходу игр) раны – как душевные, так и физические. Словом, не мудрено, что после ничьей канадцев с итальянцами (3:3) в репортажах на страницах наших газет стали появляться нелестные отзывы об игроках команды Кленового листа. И в том числе о Гретцки. А один из наших тренеров высшей лиги, сейчас, видимо, благодарящий судьбу за то, что остался инкогнито, безапелляционно заявил: «В свою команду я бы Гретцки не взял...»

Правда, позже, когда канадцы пришли наконец в себя, когда их тренеры свели в одну тройку стареющего, но не потерявшего меткости Барбера и читающего игру с листа молодого Гретцки, критики-европейцы примолкли.

Во втором круге во встречах между четверкой сильнейших только сборная СССР одолела, да и то с трудом (6:4), команду Канады, а чехословацкие и шведские хоккеисты ей уступили (соответственно 2:4 и 0:6). И не сыграй в последней встрече чемпионата наша команда вничью (0:0) с чехословацкой, быть бы канадцам серебряными призерами, а не бронзовыми.

А что же Уэйн Гретцки, которого наш тренер-инкогнито не взял бы в свою клубную команду?

В канадской сборной лучшим бомбардиром он, естественно, стал (6 голов + 8 передач). Причем Барбер, бомбардир номер 2 канадцев, 7 голов из 8 забил с передач Уэйна. Но удивительнее был другой итог. Гретцки и в общей гонке бомбардиров оказался тоже первым, опередив наших сильнейших форвардов Виктора Шалимова (8+5) и Сергея Макарова (6+7). В результате в чемпионате мира-82, как и в чемпионате НХЛ, место в первой шестерке «Олл Старз» оказалось для Гретцки забронировано. И все же...

И все же впечатление от заочного знакомства с Уэйном Гретцки (по восторженным комментариям, подкрепленным впечатляющей статистикой североамериканской прессы) с первым личным, правда чисто зрительским, впечатлением как-то не совпадало. «Не смотрелся» Гретцки на финском льду, хотя факты, воплощенные в цифры статистики, утверждали другое. Может быть, потому, что слишком уж отличался – даже внешне – Уэйн Гретцки от лучших канадских форвардов – Фила Эспозито, Пита Маховлича, Стена Микиты, виденных нами за короткий период нашего знакомства с профессиональным хоккеем НХЛ, начавшегося лишь в 1972 году.

Семейство Гретцки в Москве...

Летом 1982 года, месяца через два после окончания чемпионата мира в Финляндии, мне сообщили – какой же журналист не имеет собственных источников информации?! – что в Москву в полном составе прибыло семейство Гретцки. Для съемки телефильма о хоккее. Собственно, фильм-то снимали профессиональные операторы – Уэйн и его братья были лишь «объектами» съемок. В Москве же – тоже в качестве «объекта» – к ним должен был присоединиться Владислав Третьяк, чья популярность на родине хоккея должна была стать дополнительным магнитом для канадского зрителя.

...У входа в игровой зал ЦСКА, где расположена баскетбольная площадка, я встретил нашего великолепного в недавнем прошлом хоккеиста Анатолия Фирсова. Покрытые изморозью бутылки с минеральной водой в его руках в это уже ставшее знойным утро выглядели притягательно.

– Угости водичкой.

– Чуть позже. Сначала мне гостей из Канады напоить нужно. Я с ними – в качестве опекуна...

– Толя, я хотел бы поговорить с Уэйном Гретцки. А поскольку ты их опекаешь, то...

– Тогда тебе сначала надо обратиться к его отцу. Сейчас я вас познакомлю.

Уолтер Гретцки, глава семейства, был сухощав и невысок ростом. Он внимательно выслушал, кто я и какую газету представляю, уточнив лишь при этом тираж «Советского спорта». Ответ: «Четыре миллиона экземпляров в день», – его вполне удовлетворил – это было зафиксировано доброжелательной улыбкой, и я понял, что интервью для столь солидного спортивного издания будет дано.

– Часа через полтора после окончания сегодняшней съемки вы сможете поговорить пятнадцать-двадцать минут с Уэйном... – таково было резюме Гретцки-старшего.

Я вошел в зал...

Впрочем, здесь, пожалуй, стоит отступить от репортажной хроники событий и продолжить разговор об авторе книги Уолтере Гретцки. Благо, во время съемок мы с ним, пристроившись в прохладном холле, беседовали больше, чем с Уэйном в ходе «официального» интервью.

Перво-наперво я стал обладателем автографа Уэйна Гретцки – мне была вручена рекламная открытка фирмы «Йофа» с изображением форварда номер 1 НХЛ, которое пересекала роспись самого Уэйна. (Поначалу я посчитал себя владельцем раритета, но позже, увидев на столике толстую пачку аналогичных открыток с автографами, понял, что переоценил собственную персону.)

«Церемония вручения» сопровождалась рассказом о Гретцки-сыне. Фразы Уолтера были точными, строго взвешенными – они словно бы невзначай дезавуировали мнения иных крамольных североамериканских журналистов, с которыми я мог столкнуться (и действительно сталкивался) в заокеанской прессе. И эта чуть замаскированная рекламность резко – этого нельзя было не признать – контрастировала с искренней отцовской гордостью за сына.

Повторять ход нашей беседы с Уолтером Гретцки нет необходимости – практически все ее темы нашли отражение, естественно расширенное, в книге. Нашла в ней отражение и деловая хватка Гретцки-старшего, «объегорить» – да простят меня за точное, но грубоватое русское слово, – которого, по-моему, не дано никому. И я могу понять руководство одного их юниорских канадских клубов, отказавшееся от услуг юного Уэйна (этот эпизод описан в книге), дабы не приобрести вместе с ним и «проблему Уолтера Гретцки». Хотя почти наверняка те проблемы, которые ставил и ставит перед соперниками Гретцки-сын, с лихвой перекрывают некоторые внутренние неудобства, связанные для руководства его клуба с Гретцки-отцом.

Боюсь, после этих слов читатель сделает вывод, что Уолтер Гретцки не вызывает симпатий. Я отнюдь не стремился к этому. Он – и это, пожалуй, точнее – непривычен для нас. Непривычен своим сугубо деловым подходом к хоккейной жизни сына, хотя это в принципе вовсе не минус. Непривычен тем, что, рассказывая об Уэйне, Гретцки-отец почти не уделял места – и в беседе со мной, и в книге – его партнерам по «Эдмонтон Ойлерз», хотя конечно же «Эдмонтон» вполне можно было – по крайней мере, в те годы, о которых написана книга, – считать командой Уэйна Гретцки. Вот почему, прочитав жизнеописание сына, написанное отцом, мне захотелось хоть чуть-чуть восполнить упущенное – упущенное, естественно, с моей точки зрения, – а также напомнить коротко о событиях, происшедших в хоккейной жизни Уэйна Гретцки уже после выхода книги в свет.

Итак, мы расстались с Уолтером Гретцки и возвратились в зал ЦСКА, на площадке которого появились Уэйн Гретцки и Владислав Третьяк, сразу же взятые на прицел кинокамер...

Буквально с первых шагов в НХЛ Уэйн фигурировал на страницах североамериканской прессы, как Кид Гретцки – Парнишка (но «Парнишка» с большой буквы) Гретцки. Однако

рядом с Владиславом Третьяком в то утро он выглядел заурядным парнишкой (с маленькой буквы). Довольно неуклюже пытался забросить мяч в баскетбольное кольцо. Частенько – дабы перевести дух – усаживался отдохнуть на скамейку. А когда попробовал вслед за Третьяком выполнить одно из обычных для хоккеистов ЦСКА упражнений по атлетизму, то картина стала совсем уже курьезной: кое-как двигаться вперед на полусогнутых ногах (то есть в приседе) Уэйну еще удавалось, но жонглировать при этом мячом было явно выше его сил. Словом, на титул «великий» Гретцки не тянул. Более того, приди он – разумеется, инкогнито – «на смотрины» в какую-нибудь нашу команду мастеров даже не высшей, а первой лиги, получил бы Уэйн от ворот поворот. До пробы на льду дело просто бы не дошло – приговор звучал бы примерно так: не годен по физическим кондициям. И если бы я не видел Кида Гретцки в деле – в играх чемпионата мира 1982 года, то, право, не знал бы, что и подумать.

Впрочем, подобное раздвоение впечатлений преследовало многих. Не только журналистов, но и игроков.

«Этот Гретцки такой тощий, что, кажется, от удара переломится пополам. Но дело в том, что его никак и не ударишь толком», – утверждал Крис Котсопулос из «Нью-Йорк Рейнджерс».

«Гретцки видит на льду все. Как и Орр. У него всегда есть резерв скорости, чтобы уйти от соперника. Я не видел, чтобы кто-нибудь сумел поймать Гретцки на силовой прием» – таково объяснение тренера Макса Макнаба.

«Говорят, катание Гретцки далеко от совершенства, но в хоккее от А до Z он добирается быстрее, чем другие от А до В. Секрет Гретцки в том, что он не таков, каким кажется», – писал в те годы журналист Стен Фишлер.

Но каков же он?

На этот вопрос попытался ответить другой журналист – Петер Гзовски, который в течение двух сезонов являлся «свободно присоединившимся» членом команды «Эдмонтон Ойлерз». На лед ему, правда, выходить не доводилось, но все остальное время он находился бок о бок с хоккеистами.

Наука, пишет Гзовски, стала в тупик перед феноменом Гретцки. Дэйв Смит из Университета Альберта, проводя впервые тестирование физического состояния Уэйна, решил, что его аппаратура испортилась: по ее показаниям Кид Гретцки не то что играть в хоккей, бегать был должен с трудом. Аппаратуру проверили, однако ее показания остались прежними – по физическим кондициям Гретцки оказался слабым среди эдмонтонцев. В том числе и по мощи броска. И тем не менее он один забивал (речь идет о первых сезонах «Ойлерз» в НХЛ) почти половину голов, записанных в актив команды в ежегодном марафоне из 80 матчей.

Правда, в ходе обследований Смит выяснил, что организм форварда номер 1 «Эдмонта» и НХЛ обладает поразительной способностью восстанавливаться. Тесты между вторыми и третьими периодами свидетельствовали, что через 40 минут игры Уэйн из «слабейших» (разумеется, это вновь относится только к физическим кондициям) перебирался в число сильнейших. Факт, согласитесь, любопытный, но опять-таки лишь в малой степени объясняющий феномен Гретцки. И тогда Гзовски обратился к трудам психологов.

В работах голландского психолога Адриана де Гроота эн нашел интересные наблюдения о шахматистах. Оказывается, гроссмейстеры восстанавливают позицию, взятую из игровой практики, показанную им за считанные секунды, значительно быстрее мастеров. Тогда как на восстановление позиции неигровой, то есть такой, когда шахматные фигуры расставлялись на доске наобум, и те и другие тратили примерно одно и то же время. Де Гроот связал это с куда более развитой у гроссмейстеров долговременной памятью, являющейся частью банка информации индивидуума.

Однако поскольку до сих пор никто не может сказать, что же такое шахматы – спорт или искусство, Гзовски продолжил поиски в более близких к хоккею сферах. И нашел. В

баскетболе.

Фамилия Билла Брэдли была широко известна в американском баскетболе шестидесятых годов. Он считался третьим – после Оскара Робертсона и Джерри Веста – специалистом в США по точным и технически сложным броскам через плечо. Однажды, когда журналист попросил Брэдли разъяснить читателям секрет такого броска, тот согласился дать интервью прямо на площадке. И начав с того, что дело это проще простого, Брэдли проиллюстрировал сказанное: не прерывая интервью и находясь спиной к кольцу, точно послал мяч в цель. Журналист подал спортсмену другой мяч и попросил развить тему. «Если вы достаточно много играете в баскетбол, то вам нет нужды смотреть на корзину – вы и так знаете, где она, – ответил Брэдли и снова, глядя прямо в глаза интервьюеру, точно отправил мяч в кольцо... Чувство площадки заложено от природы в каждом, и остается только его развить». (Кстати, Брэдли сумел развить в себе не только чувство площадки. Ныне он сенатор США. Наши телезрители могли видеть его в прошлом году в программе «Телемост Москва – Вашингтон».)

Отталкиваясь от этого примера, Гзовски выдвинул свою версию феномена Гретцки. Он предположил, что Уэйн располагает уникальной видеопамятью: раз увиденная игровая ситуация запечатлевается в его мозгу во всех деталях, и потому при повторении ее Гретцки нет необходимости оценивать ситуацию. Она была им оценена еще тогда, в первый раз, оценена во всех нюансах.

Уэйн, которого Гзовски ознакомил со своей теорией, моментально согласился. «Точно, – сказал он. – Точно на все сто процентов. Это как раз то, чему учил меня Дэдди (папа). Девять человек из десяти думают, что главное – интуиция. Что же касается меня, то я изучал хоккей, как студент, собирающийся стать врачом, медицину...»

Любопытно, что версия Гзовски в принципе подтверждается фактами из хоккейной карьеры Уэйна Гретцки. Еще десять лет назад канадский хоккей довольно сильно отличался по стилю и манере игры от европейского. Игровые ситуации, в которых оказывался Гретцки в матчах НХЛ, не совпадали с теми, в какие он попадал, встречаясь с европейцами. И, может быть, именно поэтому в чемпионате мира-82 Уэйну потребовалось некоторое время, чтобы пополнить свой банк информации «европейскими стандартами». И возможно, поэтому Кубок Канады-87 стал для Гретцки триумфом в этих традиционных турнирах – хоккей Старого и Нового Света настолько сблизился, что видеопамять канадского форварда номер 1 мгновенно срабатывала практически в любых ситуациях во встречах с европейцами.

Впрочем, не только видео-, но и обычная память хорошо развита у Уэйна Гретцки, в чем я убедился во время давнего интервью в спортивном зале ЦСКА. Отвечал канадец мгновенно, без колебаний и раздумий, а четкость формулировок вызывала ассоциации с персональным компьютером, который, как известно, не ведает сомнений.

– Начал кататься, когда мне было два с половиной года. Отец заливал зимой каток во дворе. Я прибежал домой, только чтобы поесть. За стол садился, не снимая коньков. В пять лет играл за команду десяти-одиннадцатилетних. В четырнадцать – с двадцатилетними...

– Наибольшее влияние на меня имеет отец, Уолтер Гретцки, в течение 25 лет служащий «Белл Компани» в Брэнтфорде...

– Природные способности – от матери, Филис Гретцки...

– Кумир – Горди Хоу...

– Европейский стиль хорош. Мы, в Канаде, многое заимствуем, и когда-нибудь, возможно, европейский стиль станет нашим стилем...

– Очень сложно играть против Третьяка и Фетисова...

– Сборная «Олл Старз» НХЛ могла бы выиграть первенство мира. Но для этого нужно, чтобы чемпионат проводился после Кубка Стэнли...

Я решил обострить слишком ровный ход матчаинтервью:

– Что вы думаете о «Тайгере» («Тигре») Уильямсе из «Ванкувера»?

(Вопрос был с подтекстом: Дэвид Уильямс в ходе чемпионата НХЛ 1981/82 года несколько раз пытался нейтрализовать Гретцки методами, соответствовавшими его

прозвищу. Однако взрыва эмоций со стороны Уэйна не последовало.)

– Он постоянно играет против меня. «Постоянно играет» – и точка.

«Гретцки – уникал. Он одинаково уверенно контролирует всегда и шайбу, и себя», – сказал как-то известнейший вратарь НХЛ Кен Драйден. И с этой оценкой остается лишь согласиться.

...В зале ЦСКА никто из желавших получить автограф Уэйна Гретцки отказа не знал. Но вскоре стопка заготовленных открыток исчезла и пошла «ручная» работа.

– Не устала ли у вас рука?

– Нет, не устала. Эта работа – часть профессионального спорта...

Династия «Ойлерз» и ее глава

На вопрос, когда «Эдмонтон Ойлерз» можно будет причислить к числу царствующих династий НХЛ, Уэйн Гретцки ответил:

– После третьей победы в розыгрыше Кубка Стэнли...

– А каковы шансы вновь, в третий раз подряд, заполучить этот Кубок?

– В нашей команде имеется достаточно талантов для этого. Есть и тот дух, без которого обладателем Кубка Стэнли стать невозможно...

Понятие «царствующая династия» в НХЛ – довольно сложно и отнюдь не сводится к одной лишь статистике побед. Еще труднее точно сформулировать, кто есть кто, в этих династиях: кто монарх, а кто принц, кто правая рука короля, а кто пятое колесо телеги. И для того чтобы показать это, нет необходимости углубляться далеко в историю НХЛ – достаточно вспомнить события десяти – пятнадцати последних лет.

В 1973–1975 годах царствующая династия НХЛ именовалась так: «Филадельфия Флайерз». Правда, на счету хоккеистов «Флайерз» было лишь две победы в Кубке Стэнли (1973/74 и 1974/75), но право первородства этой команды тогда не оспаривал никто. Именно команды, ибо в составах «Олл Старз» НХЛ «Филадельфию» представляли лишь вратарь Берни Парент да форвард Бобби Кларк.

Следующее четырехлетие (1975–1979) оказалось окрашенным в цвета «Монреаль Канадиенс». Причем число игроков, определявших лицо царствующей династии, было куда большим. Вратарь Кен Драйден, защитники Ларри Робинсон, Ги Лапойнт и Серж Савар, нападающие Ги Лафлер, Стив Шатт – без любого из них обойма звезд НХЛ выглядела бы неполной. А в наступившей затем эре «Нью-Йорк Айлендерс» (1979–1983) на авансцене НХЛ одновременно оказались форварды Майк Босси и Брайан Тротье, игрок обороны Дэнис Потвин и голкипер Билли Смит. Причем расставить их по ступеням иерархической лестницы: один – чуть выше, второй – чуть ниже, третий... – было не под силу даже асам статистической эквилибристики.

Династия «Айлендерс» пала под ударами «Эдмонтон Ойлерз», клуба – новичка НХЛ, чье пребывание в этой лиге отсчитывалось лишь с сезона 1979/80 года. А точнее – под ударами (таково – по крайней мере у меня – впечатление от книги Уолтера Гретцки) молодого Уэйна Гретцки, суперзвезды, «Карузо хоккея» – пресса наделяла Кида и таким званием и прочая, прочая, прочая.

Нет ли здесь передержки, простительной, впрочем, для отца, пишущего о сыне?

Разумеется, ответить категорически «да» или «нет», глядя на события в НХЛ через океан, по-моему, не вправе никто.

И потому я предлагаю вам, читатель, поразмышлять вместе над фактами, над высказываниями и оценками североамериканской прессы.

...Когда в 1967 году, последнем году существования «Большой шестерки» НХЛ, в которую входили «Монреаль Канадиенс», «Бостон Брюинз», «Торонто Мэйпл Лифс», «Чикаго Блэк Хоукс», «Детройт Ред Уингз» и «Нью-Йорк Рейнджерс», хоккеисты «Торонто» выиграли Кубок Стэнли, команда эта вполне могла – по нынешним понятиям – называться командой ветеранов. Ее ведущим игрокам – Джорджу Армстронгу, Марселю Пронову и

Тиму Хортону – было по 37 лет, Терри Савчуку, вратарю «с тысячью шрамов» – 38, Реду Келли – 40, Алену Стэнли – 41, а другому голкиперу Джонни Бауэру – 43, «если верить, как почему-то пишут канадские журналисты, его свидетельству о рождении».

Факт, что НХЛ дряхлая, ни у кого не вызывал сомнений. Как не вызывало сомнений и то, что лиге требуется вливание молодежи, свежей крови. Однако прорваться в составы «Большой шестерки» сквозь строй «великих» молодым было не под силу. И тогда НХЛ начала расширяться и одновременно омолаживаться.

В сезоне 1967/68 года в лиге стало выступать 12 клубов. Три года спустя к ним добавилось еще два, а в сезоне 1972/73 года число участников чемпионата НХЛ возросло до 14. Впрочем, процесс расширения на этом не остановился – пятью годами позже лига объединяла уже 17 клубов и в конкурентном соперничестве с ВХА одержала безоговорочную победу.

В 1979 году по условиям капитуляции Всемирной хоккейной ассоциации четырем ее клубам – в том числе и «Эдмонтон Ойлерз» – была «сохранена жизнь». Но сохранена на кабальных условиях: тренерам этих четырех команд, допущенных в НХЛ, позволялось оставить в своих составах лишь нескольких игроков, выступавших в ВХА, и доукомплектоваться лишь теми хоккеистами, от которых отказались представители лиги-победительницы.

«Квебек Нордикс», «Виннипег Джетс» и «Хартфорд Уэйлерз» сохранять молодых игроков не решились, предпочтя им ради сиюминутных турнирных успехов хоккеистов хоть и не первой молодости, но опытных. Тренер же «Эдмонтон Ойлерз» Глен Сэйзер сделал ставку на молодых – в первые сезоны эдмонтонский клуб фигурировал в Книге рекордов НХЛ как самый юный. Самым юным в лиге был тогда и Уэйн Гретцки.

В своем архиве я нашел такую заметку, относящуюся к сезону 1980/81 года.

«...В матче „Квебек“ – „Эдмонтон“, проходившем в „Колизе де Квебек“, во втором периоде при счете 4:1 в пользу гостей вспыхнул инцидент. Уэйн Гретцки ударил клюшкой Джона Венсинка. Когда же потерпевший погнался за обидчиком, на его пути встал партнер Гретцки Пэт Прайс. Началась драка, в которую были вовлечены и находившиеся на льду эдмонтонцы Брет Каллиген, Кевин Лоу и Яри Курри, Гретцки же укатил к борту около скамейки „Ойлерз“. Венсинк и Прайс были отправлены на скамейку штрафников, истинный же виновник столкновения наказан не был – уехав к борту, он выполнил требования новых параграфов правил НХЛ, направленных против грубости на льду...»

...Зрители громогласным «Бу-у-у» встретили решение арбитра. Когда же после очередной смены Гретцки вновь появился на льду, «Бу-у-у!» стало оглушительным.

Недовольство зрителей было понятно: Гретцки в этот вечер и сам забросил шайбу в ворота хозяев, и ассистировал трем голам Курри. Тренер же «Ойлерз» после матча заявил, что Гретцки зацепил Венсинка случайно, а его дальнейшее поведение соответствовало не только требованиям правил, но и интересам «Эдмонтона», так как отсутствие Гретцки на льду, будь он отправлен на 5 или 10 минут на скамейку штрафников, существенно снизило бы атаковую мощь «Ойлерз...»

Логично объяснение тренера, равно как и логично поведение Уэйна – не так ли?! Но, признаюсь, тогда эта логика казалась мне не симпатичной, не рыцарской, что ли. Не слишком симпатичным казалось мне и то, что к девятнадцатилетнему Киду в команде был приставлен «полицейский» Дэйв Семенко.

Словечко «полицейский», когда речь заходит о хоккее НХЛ, не имеет никакого отношения к общепринятому. В НХЛ «полицейский» охраняет не закон, а ведущего игрока своего клуба. Причем охраняет, не останавливаясь перед нарушениями закона – хоккейного, разумеется. И Дэйв Семенко – парень ростом 193 сантиметра и весом 97 килограммов – эту роль выполнял чуть ли не идеально.

Весьма импозантный вне площадки – с длинными вьющимися волосами, с красивыми чертами лица – на льду Семенко, стоило кому-либо из соперников хоть слегка зацепить (а это зачастую делалось умышленно) вверенного его попечению Кида, превращался в льва

рыкающего. И хотя собственно в хоккее Дэйв не преуспевал, обязанности по охране Уэйна Гретцки он исполнял исправно, что и нашло отражение в списке рекордов клуба «Эдмонтон Ойлерз». Правда, рекорд этот относится в НХЛ к числу «черных»: за семь сезонов с «Ойлерз» Семенко провел на скамейке штрафников больше времени, чем кто-либо из его партнеров, 981 минуту в 572 матчах.

Но... – как видите, в рассказах о хоккейной жизни Гретцки эти «но» возникают постоянно – в семи чемпионатах НХЛ, пока за Уэйном присматривал Семенко, Кид не получил ни одной серьезной травмы и пропустил всего семь встреч из 560 в семи сезонах, а после ухода в 1986 году Дэйва из клуба Уэйн пропустил 14 игр.

И еще один факт, который перечеркивает мои сомнения насчет поведения Уэйна в матче «Квебек» – «Эдмонтон». Конечно, действуй Гретцки в соответствии с неписаными правилами НХЛ – «начал драться, так дерись, а не убегай», – зрители, даже квебекцы, приветствовали бы его аплодисментами вместо обидного «Бу-у-у». Однако Гретцки в том или ином виде, забивая или ассистируя партнерам, приложил руку, вернее клюшку, к половине голов своего клуба. Так имел ли он право идти вопреки интересам команды на поводу у эмоций?

Остается добавить – показатель «причастности», что ли, Уэйна к голам «Эдмонта» в следующем сезоне (1981/82 года) составил 51 %, а годом позже – 46 %. Удивительна ли после этого тождественность понятий «команда Гретцки» и «Эдмонтон Ойлерз»?!

Впрочем, не будем уподобляться Гретцки-старшему и забывать о партнерах Уэйна.

...В 1979 году среди игроков «Ойлерз», только что ставших НХЛовцами, был один-единственный уроженец Эдмонта – Марк Мессье. Он и родился в этом городе, и познавал там хоккей под руководством – как и Гретцки – своего отца, являвшегося одновременно школьным преподавателем и тренером, и стал одним из первых, на ком строил перспективы клуба Глен Сэйзер. Но Марк был только «одним из первых» – самым первым был, разумеется, несмотря на молодость, Гретцки. (Впрочем, разница в возрасте у Марка и Уэйна составляла девять... дней.)

В отличие от Гретцки Мессье играл с непредсказуемыми перепадами – даже в ходе одной смены на льду Марк то мог показать себя как великолепный форвард, то через мгновение допустить ошибку, непростительную даже «зеленому» новичку.

После первого сезона в НХЛ Сэйзер, выбиравший себе новобранцев одним из первых – такие привилегии получает клуб, стоящий низко в турнирной таблице чемпионата, – приобрел восемнадцатилетнего защитника Пола Коффи, девятнадцатилетнего форварда Гленна Андерсона, выступавшего в 1980 году за олимпийскую сборную Канады в Лейк-Плэсиде, и двадцатилетнего финского нападающего Яри Курри.

Не берусь объяснить предрасположенность тренера «Эдмонта» к финским хоккеистам, но то, что такая предрасположенность у Сэйзера есть, факт. Еще когда «Ойлерз» выступали в ВХА, в их рядах появились финны, бывшие игроки сборной Суоми, Ристо Силтанен и Матти Хагман. Они-то и порекомендовали тренеру еще не успевшего показать себя на международной арене Курри. А после того как Яри прибыл в Эдмонтон, взяли его под свою опеку – доходило до того, что Силтанен должен был переводить соплеменнику, не знавшему ни слова по-английски, тренерские команды.

Впрочем, и с этими новичками дело пошло на лад не сразу. Сэйзер тасовал состав «Ойлерз», обменивался не раз игроками с другими клубами, чтобы добиться хоть какого-нибудь турнирного успеха, ибо в противном случае он сам рисковал остаться без места. Однако, хотя Сэйзер не единожды был близок к тому, чтобы «сгореть», свою пятерку молодых игроков «завтрашнего дня» во главе с Гретцки он вывел из сферы купли-продажи. Несмотря на весьма заманчивые – с точки зрения сиюминутных турнирных успехов – предложения.

Летний аукцион игроков 1981 года Сэйзер связывал с чрезвычайно важным мероприятием по канадским понятиям – с приобретением перспективного вратаря. И тренер «Ойлерз» опять угадал – девятнадцатилетний темнокожий голкипер Грант Фюр оказался

достойным остальных эдмонтонских «хоккеистов завтрашнего дня».

Фюр был вторым в НХЛ негритянским спортсменом – первым несколькими годами ранее стал нападающий Тони Маккегни из «Буффало Сэйбрз». Но не только цвет кожи выделял Гранта в хоккейном мире лиги – с первых же шагов он ошеломил прессу нежеланием считаться с неписаными традициями. Так, например, на вопрос: «труднее ли играть в НХЛ, чем в юниорской лиге», вместо традиционно-обязательного для новичка: «конечно... но я буду стараться...» Фюр категорично отвечал: «нет... не труднее». Причем подтверждал свои слова делом – уже вскоре соперники «Ойлерз» вынуждены были считаться с эдмонтонским голкипером, который, кстати, – вот совпадение – проходил обучение вратарскому искусству у Мессье-старшего.

Итак, Уэйн Гретцки, Марк Мессье, Гленн Андерсон, Пол Коффи, Яри Курри, Грант Фюр – конечно, в те или иные вечера среди «Ойлерз» появлялись и другие герои, но возникновение в НХЛ царствующей династии «Эдмонтон Ойлерз» связано именно с этой шестеркой.

Доказательства? Они – в истории розыгрышей Кубка Стэнли 1985, 1986 и 1987 годов, не вошедших в описания Уолтера Гретцки. Но я, пожалуй, ограничусь двумя последними турнирами, так как весной 1985 года «Эдмонтон» стал двукратным обладателем Кубка Стэнли, не столкнувшись с особыми трудностями. Достаточно сказать, что в финале розыгрыша «Ойлерз» уступили хоккеистам клуба «Филадельфия Флайерз» только в первом матче серии (1:4), выиграв четыре последующих (3:1, 4:3, 5:3 и 8:3).

Индивидуальные же показатели таковы:

Уэйн Гретцки в 18 матчах этого розыгрыша забил 17 голов, сделал 30* голевых передач, набрав по системе «гол + пас» 47 очков*, и был признан MVP (наиболее ценным игроком) Кубка Стэнли-85.

Яри Курри записал на свой счет тоже 17 шайб, причем в одной встрече забил 4 гола, а в трех других – по 3.

Защитник Пол Коффи тоже вписал свою фамилию в списки рекордов Кубков Стэнли: 12* голов + 25* передач = 37* очков.

Мессье и Андерсон в Кубке-85 тоже вошли в число лучших форвардов, голкипер Фюр же шансов особо отличиться просто не имел...

Шесть лет прошло после появления «Эдмонтон Ойлерз» в НХЛ, и победа клуба в розыгрыше Кубка Стэнли 1985 года как бы подвела черту, отделившую пору становления команды и ее игроков от возраста зрелости. Но эта же черта разделила и отношение соперников к «Ойлерз»: если прежде конкуренты себя изучением игры «этих выскочек» не утруждали, то с сезона 1985/86 года отношение к эдмонтонцам изменилось. Что вскоре и сказалось.

В чемпионате НХЛ 1985/86 года «Эдмонтон» стал со 119 очками первым клубом НХЛ в общем зачете. Да и старт «Ойлерз» в Кубке Стэнли-86 был удачным.

...Андерсон, Коффи и Гретцки, забросив еще в первом периоде три шайбы в ворота «Ванкувер Кэнакс», предопределили и итог – 7:3.

...99 секунд понадобилось Мессье и Гретцки, чтобы «Ойлерз» повели 2:0. В дальнейшем «Ванкувер» на три гола ответил одним – 5:1.

...Забросив одну шайбу и ассистировав партнерам еще дважды, Гретцки вывел – после третьей победы (5:1) над «Ванкувером» – свою команду в четвертьфинал.

* Означает рекордное для НХЛ достижение.

Только три матча понадобилось и хоккеистам клуба «Калгари Флэймз», чтобы одолеть «Виннипег» (5:1, 6:4 и 4:3).

Однако прогнозы перед четвертьфиналами «Эдмонтон» – «Калгари» были практически однозначны: среди игроков «Флэймз» нет звезд, равных корифеям «Ойлерз», а потому...

«Потому» не получилось. Гости, среди которых выделялись новичок вратарь Вернон, форварды Муллен и швед Лооб, плотной опекой в своей зоне выбили асов «Ойлерз» из колеи. «Эдмонтон» потерпел поражение на своем льду – 1:4.

И во втором матче в Эдмонтоне гости долгое время вели в счете – 1:0... 2:1... 4:2... Гретцки и его титулованные партнеры вновь были плотно прикрыты. Но на этот раз «Ойлерз» повезло: 60 минут игры закончились вничью 5:5, а через 64 секунды дополнительного периода преуспел наконец Андерсон – 6:5.

Следующие две встречи проходили в Калгари. И первая из них напоминала предыдущие – жесткая оборона «Флэймз» сковала Гретцки, Коффи, Мессье, что и принесло победу «Калгари» – 3:2. Однако во втором матче Гретцки «проснулся» – три его гола, а также две голевые передачи обеспечили гостям победу (7:4) и равный (2:2) счет в серии.

Пятый матч четвертьфинала проходил в Эдмонтоне, что, как показывала статистика, значительно повышало шансы «Ойлерз». Но и дома у самой результативной команды НХЛ хватило сил только на один гол, гости же забили четыре (4:1), как бы подтвердив этим, что слова тренера «Калгари»: «Мы нашли способ нейтрализовать Гретцки и его партнеров», – не просто сотрясение воздуха.

Перед шестой встречей – а она проходила в Калгари – тренер «Ойлерз» перетасовал все тройки: Курри оставил своего неизменного центрфорварда Гретцки и присоединился к Мессье, а сам Уэйн заполучил на роли крайних форвардов Андерсона и Крушелниски. Хотя эти перестановки не усилили атаки «Ойлерз», хозяевам проблемы они создали: все их «домашние заготовки» были приспособлены к прежним составам троек «Ойлерз».

После двух периодов счет был ничейным – 2:2. На 48-й минуте Андерсон – опять Андерсон! – вывел «Ойлерз» вперед. Когда же под занавес встречи хозяева, стремившиеся хотя бы уравнять шансы, заменили вратаря Вернона шестым полевым игроком, гости забили два гола в опустевшие ворота – 5:2. Решение спора-а четвертьфиналы проводятся до четырех побед – было перенесено в Эдмонтон.

После седьмого матча Гретцки опять ушел со льда без гола, сделав лишь одну голевую передачу. Ушли со льда с опущенными головами и его партнеры. Проиграв 2:3, «Эдмонтон» выбыл из розыгрыша Кубка Стэнли-86, а «Калгари Флэймз» добрались до финала, где уступили «Монреаль Канадиенс».

Что же касается «Ойлерз», то им в претензиях на титул царствующей династии было отказано. Отказано, ибо в НХЛ таланты хотя и ценятся высоко, характер и воля – а их-то с избытком продемонстрировали опытные хоккеисты «Калгари» – оцениваются еще выше. Словом, для подготовки к коронации хоккеистам «Эдмонтон Ойлерз» был дан еще год.

В чемпионате НХЛ 1986/87 года, в ходе которого команды проводят по 80 матчей, свои стайерские возможности эдмонтонцы вновь подтвердили, опять опередив всех в абсолютном зачете. Затем в первом матче первого круга против «Лос-Анджелес Кингз» они заставили своих поклонников поволноваться: грозные форварды «Ойлерз», играя 100 секунд против трех соперников, не забили и одной шайбы, а в итоге уступили 2:5. Однако уже на следующий вечер Гретцки показал феноменальный результат: к голу приплюсовал шесть голевых передач, и «Кингз» были разгромлены – 13:3.

В первой встрече в Лос-Анджелесе в ударе были Мессье и Курри, забросившие по две шайбы, что и предопределило победу «Эдмонта» – 6:5. В повторном же матче опять щедро «кормил» выверенными передачами партнеров Гретцки (1 +4) и гости победили 6:3. Довершил же дело (5:4) «Эдмонтон» дома – с помощью Мессье (1+3), Андерсона (2+1) и Курри (2+1).

Ожидающаяся в четвертьфинале встреча-реванш «Эдмонтон» – «Калгари» не состоялась: хоккеисты «Флэймз» оступились (счет серии 2–4) в матчах с «Виннипег Джетс», «Джетс» же, в свою очередь, уступили в четырех матчах «Ойлерз» (2:3, 3:5, 2:5 и 2:4).

«Эдмонтон», быстро завершивший свою серию, более недели, пока определялся его соперник по полуфиналу, отдыхал. И отдохнув, проиграл первую же встречу «Детройту» (1:3). Причем детройтцы, позаимствовавшие тактику жесткой обороны у «Калгари», поставили перед «Ойлерз» те же проблемы, которые те не сумели решить год назад.

Во второй встрече эдмонтонцы показали, что урок, преподанный им «Флэймз», не прошел даром. Хотя детройтцы смогли вновь надеть на Гретцки «пальто» (то есть

нейтрализовать с помощью плотной опеки), Мессье и Курри успешно продублировали своего лидера, забросив три шайбы. Итог – 4:1.

Когда команды перебрались в Детройт, они ролями не поменялись: атакующей стороной вновь были «Ойлерз», защищающейся – «Ред Уингз». Корифеев «Эдмонтона» хозяева сдержать сумели, но за 36 секунд (!) до финальной сирены бросок Максорли, нападающего «Ойлерз», забившего в 59 матчах чемпионата лишь 11 голов, цели достиг.

После этой (2:1) победы «Эдмонтона» тренер «Детройта» Жак Дэмер сказал: «Несмотря на неудачу, мы будем продолжать в том же стиле – играть в „открытый хоккей“ против Гретцки, Курри, Мессье безумие». И детройтцы продолжили.

Троица ведущих форвардов «Эдмонтона», названных Дэмером, в четвертом матче осталась без гола. «Детройт» даже повел 2:1. Однако мощные Андерсон и Крушелниски сумели, забросив две шайбы, принести «Ойлерз» еще одну победу – 3:2.

Счет 6:3 в пятом победном матче серии, открывшем «Эдмонтону» путь в финал, говорит, казалось бы, о большом преимуществе хозяев. Но и этот матч вылился для «Ойлерз» в проверку характера и воли – во втором периоде гости вели 3:1. Но бастионы «Детройта» постоянного напора Мессье (2+0) и Андерсона (0+5) не выдержали. Когда же на последней минуте, проигрывая 3:4, гости заменили вратаря чистым шестым игроком, их дважды наказал за это швед Нильссон, выступавший в том сезоне в форме «Ойлерз». Что ж касается Гретцки, то детройтцы не позволили ему забросить даже одной шайбы в пяти матчах.

Перед финалом Кубка Стэнли-87, в котором встретились «Эдмонтон Ойлерз» и «Филадельфия Флайерз», помощник тренера филадельфийцев и бывший игрок этого клуба Билл Барбер заявил: «Я дважды выигрывал Кубок Стэнли, и моя психология – психология победителя. Мы подавим Гретцки. Подавим, хотя один игрок не в состоянии жестко опекать Уэйна в течение 38–40 минут, которые он проводит на льду. Но мы найдем нескольких способных на это».

Но в первом матче финала, проходившем в Эдмонтоне, у Барбера не нашлось нескольких опекунов для Гретцки.

Уэйн сумел сам открыть счет, а затем ассистировал Коффи и Курри, обеспечив победу «Ойлерз» 4:2. Впрочем, этому способствовала и тактика, выбранная Гленом Сэйзером, – впервые за многие годы эдмонтонцы играли «от обороны», чем и поставили в тупик соперников.

После этой встречи психологическая борьба на страницах печати была продолжена.

«Когда вы смотрите на „Флайерз“, – заявил защитник „Филадельфии“ Дуг Кроссмен, – то вначале видите команду, а потом уже можете оценить талант индивидуальностей. «Ойлерз» представляют собой нечто противоположное: они в первую очередь индивидуальности и только во вторую – команда.

Я думаю, командная игра более пригодна для успеха в Кубке Стэнли, но, когда речь идет об «Ойлерз», никто не в состоянии оценить, на что способны в тот или иной вечер их индивидуальности. Но все же я верю в нашу силу...»

«После того как мы сумели-таки взломать защитные варианты „Детройта“, – полемизировал с Кроссменом защитник „Ойлерз“, – любые уловки „Флайерз“ нас не остановят».

Журналисты же так оценили шансы: если Гретцки сумеет в финале в каждом матче набирать в среднем 2 очка, как это он делал на протяжении восьми лет, победят «Ойлерз», успех же «Флайерз» зависит от того, смогут ли они оставить Гретцки без шайбы и подавить его физически.

...Во втором матче дома Гретцки свою норму (1 гол + 1 передача) выполнил, и в соответствии с прогнозом «Ойлерз» выиграли 3:2.

В третьей игре в Филадельфии «Ойлерз» после бросков Мессье, Коффи и Андерсона вели 3:0. Однако Гретцки набрал только одно очко (помог забить гол Коффи), и опять предсказатели могли гордиться своей прозорливостью – окончательный счет 5:3 был в

пользу хозяев.

На следующий вечер Гретцки тремя передачами с лихвой компенсировал предыдущее «недовыполнение плана», и мне остается только уточнить счет – 4:1, который был в пользу «Эдмонтона».

В двух последующих матчах «Флайерз» все же сумели выполнить обещанное Барбером, и после двух кряду поражений «Ойлерз» (3:4 и 2:3) счет в серии стал равным (3–3).

Перед решающей встречей заговорили старшие тренеры. Глен Сэйзер заявил: «Игроки настроены оптимистически, но немного нервничают... Гретцки просил разрешения не тренироваться, и я согласился... В день матча хоккеисты решили собраться пораньше – без нас, тренеров...» Наставник «Флайерз» Майк Кинен был более лаконичен: «Мои парни знают, что другого шанса у них не будет...»

Гости (а матч проходил в Эдмонтоне) впервые в финальной серии открыли уже на 2-й минуте счет, имея двух «лишних» игроков. Но затем «Ойлерз» заиграли – тоже впервые в финале – в своем прежнем стиле: они атаковали без оглядки на свои ворота, предоставляя исправлять ошибки защитников вратарю Фюру. И хотя Гретцки в этом матче лишь раз ассистировал Курри, набрав в этот вечер только одно очко, Мессье, Курри и Андерсон принесли «Эдмонтону» три гола (3:1) и третью за четыре года победу в Кубке Стэнли. Индивидуальные же заслуги победителей в этом розыгрыше дотошная статистика оценивает так.

По системе «гол + пас» сильнейшим в НХЛ стал Уэйн Гретцки – 34 очка в 21 матче (5 + 29), вторым – Марк Мессье – 28 (12 + 16), четвертым – Гленн Андерсон – 27 (14 + 13), шестым – Яри Курри – 25 (15 + 10).

Курри (15 голов), Андерсон (14) и Мессье (12) стали первыми среди «чистых» бомбардиров, а по количеству точных передач не было равных Гретцки (29).

Защитник Пол Коффи на этот раз в атаке был не слишком заметен (3+8), но именно он и Грант Фюр обеспечивали прочность тылов «Эдмонтон Ойлерз»...

Итак, коронация, отложенная на год, после третьей победы в Кубке Стэнли состоялась, и новая царствующая династия именуется «Эдмонтон Ойлерз». И хотя, исходя из хроники трех последних розыгрышей Кубка Стэнли, «первое лицо» в ней, в этой династии «Ойлерз», очевидно, – Уэйн Гретцки, то «вторых» как минимум пятеро. И все эти пятеро «вторых» так или иначе были представлены в командах «Олл Старз» НХЛ последних лет. А это лишнее подтверждение того, что ныне было бы несправедливо именовать «Эдмонтон» командой Гретцки. При всем уважении к форварду номер 1 Национальной хоккейной лиги.

А что думает о партнерах по клубу сам Уэйн Гретцки?

С этой точки зрения весьма любопытно выглядит интервью, данное пару лет назад Уэйном журналисту Стену Фишлеру, ведущему в «Хоккей Ньюс» рубрику «Наоборот».

– Как выглядела бы шестерка «Олл Старз», если бы ее составлял Гретцки?

– В зависимости от того, какой стиль вы предпочитаете, на место центрфорварда я поставил бы Марка Мессье или Дэйва Хаверчука («Виннипег Джетс»). Оба – «рабочие лошадки», способные забивать по 40 голов в чемпионате НХЛ и набирать 110 очков.

Правые крайние – Яри Курри или Майкл Босси («Нью-Йорк Айлендерс»)...

– О ком вы могли бы сказать без «или»?

– О Поле Коффи. Он – защитник номер 1. Назвать второго без «или» уже сложно. Прежде не было никого сильнее Денниса Потвина («Нью-Йорк Айлендерс»), но его лучшие годы позади. Теперь я бы взял Рода Лэнгуэя («Вашингтон») или Рэя Бурка («Бостон») – с любым из них наши «Олл Старз» не проиграют. Оба – великие защитники.

– Но вы забыли о левых крайних форвардах...

– Первый кандидат – Мишель Гуле («Квебек»). Я играл с ним вместе в «Олл Старз», и Мишель очень мне нравится. Другим мог бы стать Джон Тонелли («Калгари»). Он – работяга и, без сомнений, должен получить место в моей команде «Олл Старз».

– А кто из игроков, не вызывающих у вас сомнений, мог бы вызвать сомнения у меня?

– Я бы, например, удивился, услышав от вас, что в числе моих «Олл Страз» должен быть и наш голкипер Грант Фюр – журналисты часто сомневаются в его классе, так как «Эдмонтон», а следовательно, и Фюр довольно много пропускает. Однако я уверен, что Фюр – наиболее недооцененный вратарь НХЛ²²

«Ойлерз» – самая атакующая команда в лиге, и когда мы выигрываем, скажем, со счетом 7:2, действовать особо аккуратно в обороне нам нет необходимости. Соперник забивает два-три «глупых» гола, которые ничего решить не могут. Но Фюру эти голы портят его личную статистику «непробиваемости», от которой журналисты любят отталкиваться в своих оценках голкиперов. Впрочем, Грант на это не обращает внимания. И как бы мы плохо ни помогали ему в обороне, Фюр, вернувшись в раздевалку, ни в кого не тыкает пальцем – мол, что же ты, парень, меня подвел.

Мой второй вратарь – Том Баррассо («Буффало»).

– Вы были названы MVP Кубка Стэнли (1985 года. – Д. Р.), но я на этих выборах голосовал за Коффи...

– Если бы речь шла о ком-либо другом, я, наверное, поспорил бы с вами. Но Пол заслужил титул MVP не меньше, если не больше, чем я.

– Кого из «Ойлерз» наиболее недооценивают зрители и пресса? Кроме Фюра, о котором мы уже говорили...

– Энди Муг – тоже великий вратарь. Дэйву Хантеру, по-моему, почти нет равных в жесткой «контактной» игре. Чарли Хадди – защитник, играющий вместе с Коффи, и Пол многим ему обязан. Хадди, отобрав шайбу, быстро отдает ее Коффи, словно бы говоря: давай атакуй, а я постою сзади и подстрахую тебя.

– Если бы Кейт Гретцки попал не в «Буффало Сэйбрз», а в «Эдмонтон Ойлерз», какие эмоции это вызвало бы лично у вас?

– Мне было бы трудно. Я постоянно спрашивал бы у Глена (Сэйзера), прогрессирует ли с его точки зрения Кейт, какие у брата шансы попасть в состав на тот или иной матч... Я все время старался бы помогать Кейту и на льду, что, безусловно, мешало бы и ему, и мне... Я постоянно беспокоился бы о кем...

Короче, то, что Кейт оказался в «Буффало», – лучший вариант для нас обоих.

– Вы получили за эти годы больше высших индивидуальных призов, чем кто-либо прежде в истории НХЛ. Не появилось ли у вас чувство пресыщения?

– Нет. Скорее, наоборот – борьба за новые достижения и рекорды еще больше захватывает меня.

Появление конкурента!

17 февраля 1988 года «Торонто Мэйпл Лифс» встречались в Эдмонтоне в матче чемпионата НХЛ с «Эдмонтон Ойлерз». Аутсайдер против лидера, да еще играющего дома, – ну что может быть интересного, по нашим меркам, в такой встрече? Однако в чемпионате НХЛ в отличие от наших первенств аутсайдер, даже в гостях, отнюдь не обречен на поражение. И матч «Эдмонтон» – «Торонто», за которым следило 17 285 зрителей, оставивших пустыми только 27 мест, был очередным тому подтверждением.

Недавно появившийся в составе – после большого перерыва, связанного с травмой, – Уэйн Гретцки занял на этот раз привычное место центрфорварда и помог «Ойлерз» открыть счет: гол забил Муни после передач Гретцки и Тикканена. А вскоре хозяева увеличили преимущество до 2:0. Однако незадолго до финальной сирены вперед вышли уже гости – 4:3. И дело шло к развязке, грустной, естественно, для «Ойлерз» – до завершения встречи оставалось чуть меньше 30 секунд.

²² Канадские тренеры, включив Фюра осенью 1987 года в сборную, готовившуюся к Кубку Канады, так выразили свою солидарность с Гретцки.

Судья назначил обычное вбрасывание в зоне гостей. Столь же обычным стало то, что Гретцки выиграл шайбу и...

Зрители все, как один, вскочили, ибо после передачи Гретцки шайба попала к Андерсону, который переадресовал ее Мессье, мгновенно отправившему ее в ворота. И грянул гром аплодисментов.

Громовые аплодисменты за ничью с аутсайдером? Ну и ну?! Но не торопитесь с выводами, читатель.

Хотя командам оставалось играть еще 26 секунд, хоккеисты не торопились. Более того, вратарь торонтцев Кен Реггет, нимало, похоже, не опечаленный, выгреб из ворот шайбу и, взяв ее в руки, покатил к центру площадки, где голкипера уже ожидал... Нет, нет, не забросивший шайбу Мессье, а Уэйн Гретцки. Когда же Реггет передавал каучуковый диск Уэйну, диктор объявил: «Это была 1049-я голевая передача Уэйна Гретцки в 678-м для него матче в НХЛ... Теперь рекорд по количеству голевых передач принадлежит одновременно великому Горди Хоу²³ и (в этот момент, казалось, от аплодисментов рухнет крыша стадиона) Уэйну Гретцки!»

Затем встреча была продолжена. Но и в оставшиеся до конца третьего периода 26 секунд, и в дополнительной, до гола, пятиминутке, которая проводится в случае ничейного исхода основного времени в матчах чемпионата НХЛ, ни хоккеисты, ни зрители об игре не думали. Ажиотаж могла подогреть разве что еще одна голевая передача Гретцки, но он к ней в этот вечер не стремился. Не стремился, видимо, потому, что не раз говорил: «Повторить, хотя бы повторить, достижения Горди Хоу, идола моего детства, уже само по себе величайшее счастье!»

У нас как-то не принято скрупулезно считать индивидуальные очки за голы и голевые передачи. Правда, иные честолюбивые хоккеисты – я с такими сталкивался – свой счет заброшенных шайб ведут, но голевых передач не учитывают и они. Тем более что в наших чемпионатах подобная статистика ведется кустарно. И усомнившись, что имярек забросил шайбу, в процессе уточнения – это был, а не выдумка – можно услышать от того же имярека: «Судья (а именно он, судья в поле, называет того, кто забросил шайбу, и кто ему ассистировал) знает, кому для статистики эта шайба нужнее...»

В НХЛ подобные вещи невозможны. В чем, кстати, легко убедиться, прочитав книгу Уолтера Гретцки. А потому описанную реакцию североамериканских поклонников хоккея на 1049-ю голевую передачу Гретцки следует воспринимать как специфично канадское явление. И не удивляться обилию цифр в описании карьеры Уэйна Гретцки. Равно как, впрочем, и любой другой североамериканской хоккейной звезды.

Когда Горди Хоу повесил, уже отметив свое пятидесятилетие, коньки на гвоздь, остряки шутили, что цифры его многочисленных рекордов следует выписывать не на бумаге, а высекать на мраморе – мол, они, эти рекорды, так и останутся вечными. Правда, достижения Хоу, связанные с отдельными матчами или даже сезонами, стали побивать уже вскоре после его ухода из хоккея – сначала Фил Эспозито, потом Уэйн Гретцки. Но «исторические» (то есть по сумме всех выступлений в НХЛ) рекорды Горди Хоу действительно казались еще лет пять назад незыблемыми. Однако Уэйн Гретцки заставил всех усомниться в этом.

После сезона 1986/87 года списки «исторических» достижений НХЛ выглядели так.

Голы

1. Горди Хоу провел в НХЛ 26 сезонов, сыграл 1767 матчей, забил 786 голов

2. Фил Эспозито: 18-1282-717

3. Марсель Дионн: 15-1244-693

(В дальнейшем я буду приводить только показатели хоккеистов, которые, как и Дионн, еще продолжают играть.)

²³ Горди Хоу достиг этого результата в 1767 встречах за 26 сезонов в НХЛ.

...

5. Майк Босси: 10-752-573

...

8. Уэйн Гретцки: 8-632-543

Если учесть, что Дионн родился в 1951 году, Босси – в 1957, а Гретцки – в 1961, то вряд ли кто-нибудь, кроме Уэйна, имеет шанс догнать Хоу.

Передачи

1. Г. Хоу: 26-1767-1049

2. М. Дионн: 15-1244-990

3. У. Гретцки: 8-632-977

В 46 матчах сезона 1987/88 года Гретцки забил еще 34 гола, сделал 72 передачи, набрал 106 очков и догнал 17 февраля 1988 года по передачам Хоу.

Очки (по системе «гол + пас»)

1. Г. Хоу: 26-1767-1850

2. М. Дионн: 15-1244-1683

...

4. У. Гретцки: 8-632-1520

На 17 февраля 1988 года Гретцки с 1626 очками перебрался уже на третье место в этом списке.

Несложные арифметические подсчеты показывают, что Гретцки, набиравший в среднем за сезон 190 очков (67+123), должен нагнать Хоу по голам в 1992 году, а по очкам – в 1990-м. Но как относится ко всем этим прогнозам сам Уэйн Гретцки?

– Горди Хоу – самый великий из хоккеистов, которых я когда-либо встречал. И я буду удовлетворен, если закончу карьеру, оставшись вторым, вслед за ним... – Так заявил однажды Гретцки. И в его искренности можно было бы усомниться, если бы, будучи еще двадцатичетырехлетним, он не заявлял в интервью:

– Я все чаще думаю об уходе из хоккея. Особенно часто под впечатлением того, как уходил Ги Лафлер. Он провел в НХЛ четырнадцать сезонов, но в трех последних постоянно находился под огнем критики.

Каждый выход на лед сокращает расстояние до финиша моей хоккейной жизни. Думаю, еще четырех-пяти сезонов будет вполне достаточно для меня. Я не хочу оказаться в положении Лафлера, который, оставаясь прекрасным форвардом, стал лишь реже забивать, из-за чего и оказался постоянной мишенью для критиков...

В 1986 году снова в канадской прессе появились сообщения – правда, невнятные – о том, что Гретцки может вскоре оставить хоккей. К тому же тогда Ассоциация хоккеистов НХЛ впервые с 1982 года присудила приз Лестера Б. Пирсона, вручаемый наиболее выдающемуся игроку сезона, не Уэйну Гретцки, а молодому Марио Лемье из «Питтсбург Пингвинз».

Были ли эти факты взаимосвязаны? Не знаю. Но связь между ними, по крайней мере, могла существовать – вспомните слова Гретцки: «Не хочу оказаться в положении Лафлера». Особенно если учесть, что с первых шагов в НХЛ и до 1986 года у Уэйна Гретцки конкурентов даже не появлялось.

С 1981 года место центрфорварда в первой шестерке «Олл Старз» бронировалось – и бронировалось по праву – для него. Приз Харта для MVP сезона тоже не знал с 1980 года других владельцев. Равно как и приз Росса, миновавший Уэйна только в год его дебюта в НХЛ.

Надо сказать, лауреатов различных призов НХЛ называют либо журналисты – в итоге выборов, либо статистики – в этом случае главенствуют цифры, а не эмоции. И лишь обладателя одного приза – того самого приза Лестера Б. Пирсона, о котором я уже говорил, – определяют с 1971 года сами участники хоккейного действия, игроки НХЛ.

Интересно, что Кубки Пирсона и Харта вручаются в принципе за одно и то же – за выдающееся выступление в сезоне. Только в первом случае все решают мнения хоккеистов,

а во втором – журналистов. И расхождения между этими мнениями не столь уж редки. В 1971, скажем, году журналисты выделили Бобби Орра, а хоккеисты – Фила Эспозито. После следующего сезона пресса опять отдала пальму первенства Орру, а игроки противопоставили ему форварда Жана Рателля. Однако с 1982 года на протяжении четырех лет обе стороны были единодушны – на первом месте в обоих списках значился Уэйн Гретцки. Разночтения же в оценках возникли после появления в НХЛ Марио Лемье.

Кто же он такой, Марио Лемье?

Уже в последние годы выступлений в юниорской лиге Марио привлек к себе внимание не только игрой, хотя он и побил несколько юниорских рекордов Кида Гретцки, но и соответствующей стереотипу хоккейной звезды внешностью. Рослый (193 см), атлетически сложенный, он словно бы был создан природой для того, чтобы позировать перед объективами после заброшенной шайбы. Уроженец провинции Квебек (он родился в Монреале 5 октября 1965 года)

Лемье, разумеется, мечтал только о форме «Канадиенс». Но на летнем аукционе 1984 года канадского юниора номер 1 перехватил клуб «Питтсбург Пингвинз», находившийся на грани банкротства и надеявшийся с помощью Марио поправить свои дела – попасть хотя бы в число 16 соискателей очередного Кубка Стэнли.

Поскольку «Пингвинз» сопровождали свое новоприобретение шумной рекламой, Марио Лемье с первых же шагов в НХЛ оказался в центре внимания прессы. Тот же еженедельник «Хоккей Ньюс», описывая первые голы Лемье, отмечал, что число зрителей в Питтсбурге на матчах «Пингвинз» возросло в среднем с 6839 до 15 741. И посмотреть действительно было на что – Лемье не только забивал, но и вел за собой партнеров: крайний нападающий Уоррен Янг, дебютировавший, будучи двадцатидевятилетним, в НХЛ вместе с Марио забросил в первом же сезоне 40 шайб и сделал 32 голевые передачи. Сам же Лемье стал в сезоне 1984/85 года лучшим новичком НХЛ с суммой в 100 очков (43 + 57).

Напомню здесь – и эти данные помогут нам с вами, читатель, в дальнейших сопоставлениях, – что Гретцки свой первый сезон в НХЛ отметил 137 очками (51+86).

Однако и Лемье, несмотря на успешный дебют, не помог своему клубу в главном – «Пингвинз» опять оказались за чертой соискателей Кубка Стэнли. Но это, как ни странно, сыграло на руку Лемье – он отправился со сборной Канады в Прагу, откуда привез серебряную медаль чемпионата мира-85. Да к тому же произвел большое впечатление на европейцев.

В следующем сезоне Лемье улучшил свои индивидуальные показатели – 141 очко (48+93), хотя «Питтсбург» опять остался на бобах. Гретцки же добыл рекордную сумму очков – 215 (52+163), но тоже не помог «Ойлерз» преодолеть четвертьфинальный барьер в Кубке Стэнли. Казалось бы, сопоставлять этих двух игроков по-прежнему нечего, но летом 1986 года стало известно, что, по мнению хоккеистов НХЛ, Лемье опередил в этом сезоне Гретцки. Мотивировка была не слишком убедительной: мол, если бы у Лемье в «Питтсбурге» были такие партнеры, как у Гретцки в «Эдмонтоне», Марио мог бы опередить Уэйна по очкам. Может быть, «мог бы», а возможно – и нет. Ведь когда Гретцки дебютировал в НХЛ – вот для чего я приводил показатели Уэйна в том сезоне, – его команда «Эдмонтон Ойлерз» находилась в хвосте НХЛ, а партнеры не превосходили партнеров Лемье по «Питтсбургу».

Впрочем, еще через год ассоциация игроков пересмотрела свои взгляды – приз Пирсона опять вернулся к Гретцки. Причем на это решение, насколько мне известно, повлияло то, что Лемье, ссылаясь на подавленное настроение из-за неудач «Пингвинз» в очередных попытках пробиться в Кубок Стэнли, не пожелал поехать на чемпионаты мира в Москву и Вену, капризничал перед «Рандеву-87».

Правда, в матчах со сборной СССР в «Рандеву-87» Лемье все же сообразовал принять участие. Но ни он, ни Гретцки в тех играх особо не выделялись. Причем если Марио лишь слегка подпортил образ, созданный им для европейцев в Праге-85, то Гретцки вновь подтвердил, что против советских хоккеистов – так было в Кубках Канады 1981 и 1984 годов

– он не в состоянии показать все, на что способен.

Поставил же, по-моему, точки над «i» в споре, кто сильнее – Гретцки или Лемьё, Кубок Канады 1987 года. В финале СССР – Канада, в котором канадцы выиграли два матча из трех с одинаковым счетом 6: 5, главными фигурами у хозяев были Уэйн и Марио. Во второй выигранной канадцами встрече Гретцки сделал четыре голевые передачи, три из которых завершил голами Лемьё, а одну – Гилмур, и в решающем матче комбинация Гретцки – Лемьё принесла хозяевам Кубок Канады. Причем Гретцки стал лучшим бомбардиром турнира – 21 очко (3+18), а Лемьё форвардом номер 2-18 очков (11+7).

Уже одни эти цифры – 18 передач Уэйна и 11 голов Марио – свидетельствуют со всей очевидностью, кто из канадцев, так сказать, персонально выиграл этот турнир. Однако, сравнивая Гретцки и Лемьё, я лично отдаю предпочтение первому. Ибо достаточно было Уэйну, не слишком одаренному, в отличие от Марио, природной богатырской статью, появиться в каком-либо звене сборной Канады, как оно, это звено, сразу становилось ударным. Лемьё же был лишь завершителем атак. Блестящим, бесспорно. Но только завершителем, зависевшим от искусного во всех аспектах хоккея Уэйна Гретцки. Вот почему говорить о смене лидера в хоккее НХЛ, по-моему, преждевременно. Фигурой номер 1 остается Уэйн Гретцки. Хотя после окончания сезона 1987/88 года по всем статистическим выкладкам Лемьё, набрав в 77 матчах 168 очков (70+98) и получив призы Харта и Росса, а также место центрфорварда в первой шестерке «Олл Старз», опередил Гретцки. Тот провел из-за травм лишь 64 матча из 80 и, хотя в среднем за игру набирал наибольшее количество очков (2,33), в сумме, естественно, уступил (40+109) конкуренту. Однако при этом не следует забывать, что «Питтсбург» с Лемьё вновь оказался за чертой 16 соискателей Кубка Стэнли, а «Эдмонтон» с Гретцки вновь выиграл этот главный приз североамериканских профессионалов. Причем Уэйн был признан MVP Кубка Стэнли-88. Что же касается последовавших за окончанием сезона событий, то они заставляют говорить о новой главе в биографии Уэйна Гретцки.

Первые строки новой главы

В книге Уолтера Гретцки встречается имя приятельницы Уэйна – Викки Мосс. Оставалось только удивляться, чего же они тянут со свадьбой. Потому столь сенсационной стала фотография на обложке «Хоккей Ньюс», на которой Уэйн держал только что завоеванный кубок Стэнли вместе с иной женщиной – с Джанет Джонс, актрисой из Голливуда.

Свадьба состоялась 16 июня, а вскоре вся Канада была взбудоражена слухами, что Уэйн Гретцки перебирается из Эдмонта в Лос-Анджелес – поближе к Голливуду и меняет форму «Ойлерз» на «мантию» «Лос-Анджелес Кингз». Здесь у меня нет возможности вдаваться в детали этой «сделки века» (подробно история описана в журнале «Спортивные игры» № 1 за 1989 год), а потому зафиксирую лишь факт: слухи подтвердились – Гретцки ушел к «королям».

Новый хозяин клуба «Лос-Анджелес Кингз» Брюс Макнелл удачно начал новый для себя бизнес – трибуны катка, на которых в среднем на каждой игре год назад пустовало 4338 мест, ныне, после появления в команде Уэйна, всегда переполнены. Но окажется ли в выигрыше сам центрфорвард?

Пока ясно одно: теперь в споре за корону хоккеиста номер 1 НХЛ чистота эксперимента обеспечена – ныне у Гретцки партнеры не выше классом, чем у Лемьё, ныне оба претендента играют в клубах, мечтой которых является не Кубок Стэнли, а лишь место среди 16 его соискателей. Старт чемпионата НХЛ 1988/89 года показал, что осенью Уэйн Гретцки более чем успешно решал новые задачи. Однако учтем, что в хоккее НХЛ цыплят по весне считают...

Дмитрий Рыжков

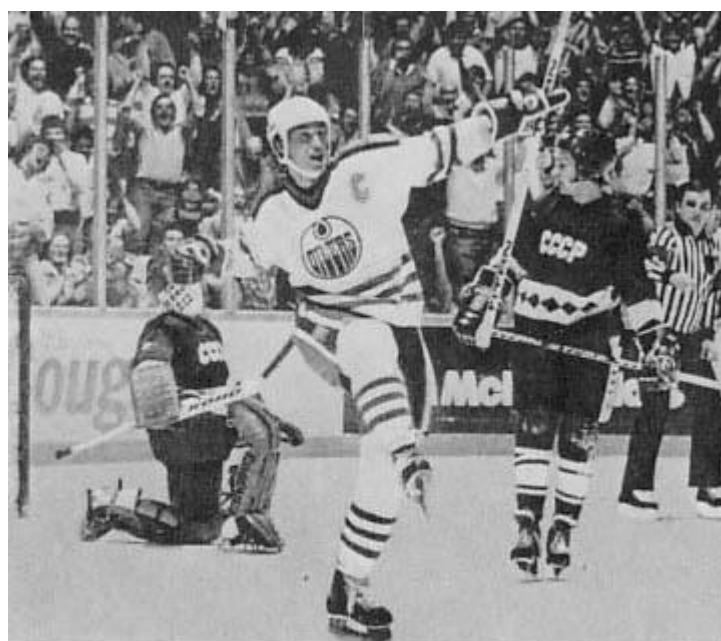
Фотоприложение:

Отец и сын: Уолтер и Уэйн Гретцки в первые дни пребывания в "Эдмонтон Ойлерз"

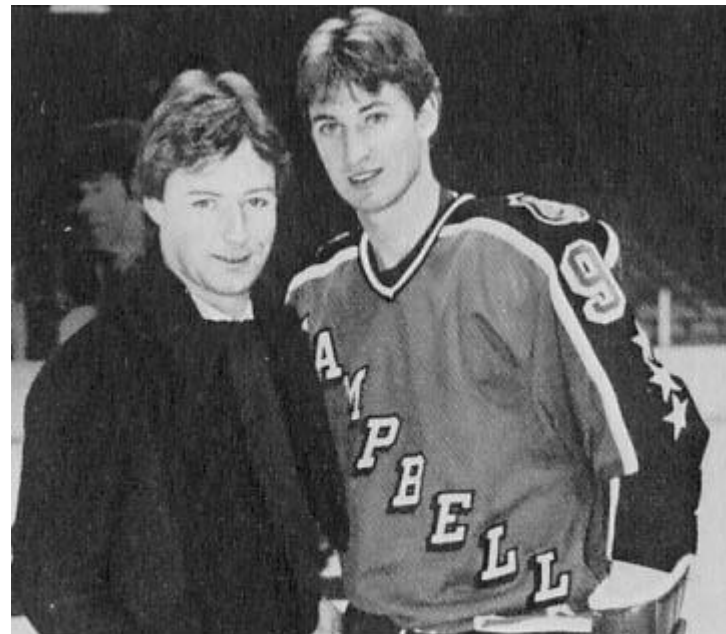
**Уэйн Гретцки забивает 50-й гол за 39 игр.
Этот рекорд он установил в сезоне 1981/82 года**

**Победный гол Уэйна Гретцки в игре со
сборной СССР в Эдмонтоне**

Три члена команды "Эдмонтон Ойлерз", забившие по 50 голов в 1983/84 году: Яри Курри, Уэйн Гретцки, Глонн Андерсон (слева направо)

Уэйн Гретцки и Мишель Барнет, директор маркетинга фирмы «Кориспорт Интернейшнл»

Одиннадцатилетний Уэйн готовится к игре

Юный Уэйн и его младший брат Кейт во дворе. Край свитера уже заправлен...

Первые шаги на льду реки Нит на ферме

Горди Хоу и Уэйн, май 1972 года

Поздравление мамы с днем рождения, 1981 год

Уолтер Гретцки

Шестнадцатилетний Узйн дома с Кейтом, Гленом, Брентом и Ким (слева направо)

Уэйн внимательно следит за игрой

Три великих хоккеиста: Уэйн Гретцки, Горди Хоу и Ги Лафлер

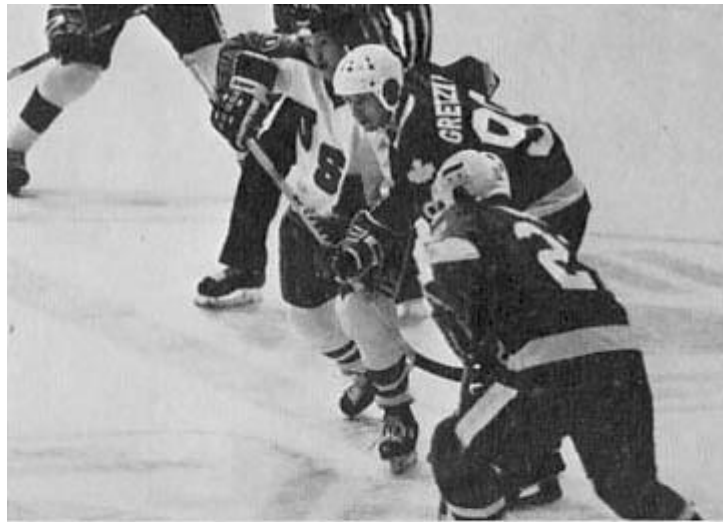

Уэйн с владельцем команды "Эдмонтон Ойлерз" Питером Поклингтоном

Уэйн и Энн Мюррей на соревнованиях по теннису в Брэнтфорде

Уэйн Гретцки

Уэйн Гретцки в игре

Уэйн с трофеями в НХЛ

Уэйн Гретцки и Владислав Третьяк на Красной площади в Москве

Узйн Гретцки и Владислав Третьяк на льду с юными хоккеистами

Узйн Гретцки рядом с бюстом Валерия Харламова

Здоровье для хоккеиста прежде всего

Уэйн с Татьяной и Владиславом Третьяк

Прогулка в экипаже

На тренировке в ЦСКА с советскими ребятами

